

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский государственный лингвистический университет»

В. А. Лось, А. Я. Касюк

**ПОЛИТИКА
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫМИ
ПРОЦЕССАМИ**

Учебное пособие

Москва
ФГБОУ ВПО МГЛУ
2012

УДК 008:504

ББК 20.1

Л79

Пособие подготовлено в рамках реализации
Плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов
с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2012 году

Рецензент

доктор политических наук В. К. Белозёрв

Лось В. А., Касюк А. Я.

Л79 Политика устойчивого развития цивилизации: механизмы управления глобальными процессами: учебное пособие. – М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012. – 226 с.

ISBN 978-5-88983-538-7

В учебном пособии излагаются основы глобальной и национальной стратегии устойчивого развития, предлагается система принципов цивилизации устойчивого типа. В работе изложено видение глобализации в контексте современного научного знания с учетом присущих этому процессу противоречий. Авторы подробно раскрывают генезис представлений о цивилизации нового типа, показывают подходы к формированию теории устойчивого развития и политики выживания цивилизации. В учебном пособии аргументированно обосновывается необходимость выработки и реализации мировой политики устойчивого развития, которая должна выступить адекватным ответом на глобальные вызовы современной цивилизации. Пособие снабжено словарем основных понятий и именованным указателем. Оно может быть использовано в образовательном процессе студентами, обучающимися в магистратуре.

УДК 008:504

ББК 20.1

ISBN 978-5-88983-538-7 © ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

От социально-экологической стратегии к политике устойчивого развития цивилизации (Введение).....	5
--	---

Глава 1

ОСНОВЫ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

1. Сущность понятия «устойчивое развитие»	9
2. Система принципов цивилизации устойчивого типа	14

Глава 2

ГЕНЕЗИС ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РАЗВИТИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ НОВОГО ТИПА

1. Динамизм всемирно-исторического процесса	26
2. Ноосферная концепция как предпосылка теории устойчивого развития	33
3. Автотрофно-ноосферная модель цивилизации будущего – предтеча УР-стратегии.....	36
4. Римский клуб: в поисках стратегии развития цивилизации	38

Глава 3

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

1. К основаниям глобализации	42
2. Концептуальные подходы к анализу глобальных процессов	53
3. Противоречивость как базисная характеристика глобализации	60
4. Глобализация: полярность интерпретации	67

Глава 4

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КАК ОТВЕТ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

1. Международное сотрудничество: от экологического к глобальному	78
2. Рио-92 – разработка основ мировой стратегии устойчивого развития цивилизации	81
3. Саммит по устойчивому развитию (Рио-92+10).....	84
4. Предварительные итоги «устойчивого двадцатилетия» (от Рио-92 к Рио-92+20).....	86
5. Рио-92+20: «будущее, которое мы хотим».....	95

Глава 5
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИКИ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

1. Принципы экологической экономики.....	102
2. Динамика эколого-экономического развития цивилизации.....	106
3. Глобализация мировой экономической модели	112

Глава 6
РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА:
В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ

1. Целостность как характеристика православного сознания	123
2. Динамизм «русской идеи»	125
3. Становление «постсоветской России»: от системного кризиса к устойчивости.....	128
4. К итогам первой декады XXI в.	138

Глава 7
РОССИЯ: ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ
СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

1. Истоки российской концепции УР.....	154
2. Киотский протокол – реализация решений Рио-92.....	157
3. Почему в России не принимается национальная стратегия устойчивого развития?	161
4. Инновационно-модернизационная модель России как выражение национальной УР-стратегии (от истории к современности).....	170
5. Реалистический сценарий развития России к середине XXI в.	181
Политика повышения «степени устойчивости» глобальных процессов (Заключение)	186
БИБЛИОГРАФИЯ.....	188
СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ.....	192
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	216

ОТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ К ПОЛИТИКЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ (Введение)

В конце июня 2012 г. в Бразилии (Рио-де-Жанейро) состоялась Конференция ООН по устойчивому развитию (Рио-92 + 20). В ее рамках были подведены итоги «устойчивого двадцатилетия» – временного интервала, прошедшего после Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992), где была сформулирована и принята мировая стратегия устойчивого развития (УР-стратегия), связавшая позитивный динамизм цивилизации и преодоление остроты глобальных противоречий с выходом на уровень баланса экономических, экологических и социокультурных стереотипов социума. В итоговом документе полностью сохранился «дух Рио»¹.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов термин «устойчивое развитие» («sustainable development») приобрел чрезвычайную популярность и распространение. Его вводят в научной и популярной литературе, активно используют в выступлениях государственные и политические деятели. В мировой литературе этот термин все больше занимает нишу социально-экологической проблематики.

На рубеже 60–70-х годов XX в. особенное беспокойство мирового сообщества вызывала острота социально-экологических противоречий, т. е. сохранение равновесия глобальной экосистемы в процессе расширения производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности цивилизации. Конференция ООН по окружающей среде – Саммит I (Стокгольм, 1972) не только обозначила систему глобальных проблем отношения «человек–социум–биосфера», но и разработала мировую стратегию их преодоления (экологическое развитие).

В течение 70–80 годов XX столетия усилия мирового сообщества, особенно развитых стран, были направлены на разработку и реализацию эффективной природоохранной стратегии (повышение уровня государственного управления экологической сферы, учет биосферных факторов в производственно-хозяйственной деятельности, повышение «степени экологизации» индивидуального

---

¹ Future we want. RIO-92 + 20. – 2012.

и общественного сознания и др.). По существу, воплощалась стратегия эколого-безопасного развития социума, исходящая из того, что традиционная модель цивилизации, ориентированная на доминирование экономических стереотипов, найдет внутренний потенциал, обеспечивающий рационализацию взаимоотношений человека, социума и биосферы, а, в конечном счете – преодоление опасного обострения социально-экологических противоречий планетарного масштаба. В течение «экологического десятилетия» (1970–1980) в большинстве развитых стран было сделано немало для улучшения национальной экологической ситуации. Статистика свидетельствовала о тенденции реального улучшения качества природных экосистем в ряде европейских, американских регионов и др. Впрочем, та же мировая социально-экологическая статистика показывала, что деградационные изменения глобальной экосистемы, особенно в развивающихся странах, отнюдь не ослабевают, а напротив – приобретают все более отчетливый планетарный характер, угрожая экологическому благополучию (и даже – выживанию) мирового сообщества в целом.

Конференция ООН по окружающей среде и развитию – Саммит II (Рио-92), стремясь ответить на вызовы эпохи, предложила мировую стратегию устойчивого развития цивилизации (УР-стратегия), ориентированную на сочетание экономических, экологических и социокультурных принципов цивилизационного динамизма. Ее реализация, как предполагалось, обеспечит позитивное продвижение цивилизации в XXI столетие. При этом было согласовано решение, в соответствии с которым страны мирового сообщества, принявшие документы Рио-92, должны разработать и ратифицировать национальные стратегии (доктрины) устойчивого развития.

Конференция ООН по устойчивому развитию (Рио-92 + 10) – Саммит III (Йоханнесбург, 2002), не только подвела итоги «устойчивого десятилетия», но и подтвердила: мировая доктрина устойчивого развития признается мировым сообществом как стратегия цивилизации XXI в. При этом УР-стратегия получает все более отчетливое практическое измерение, в той или иной мере реализуясь как в развитых (в большей степени), так и в развивающихся (в меньшей степени) странах.

В течение «устойчивого двадцатилетия» (Рио-92 – Рио-92 + 20) реализовывались соответствующие международные документы, в том числе конвенции по климатическому изменению, биоразнообразию, сохранению мировых лесов.

Особенно это касается деятельности мирового сообщества в сфере предотвращения опасного повышения планетарной температуры. Конференция ООН по климату (декабрь 2009) приняла важные решения по регулированию выбросов «парниковых газов», радикально влияющих на мировые температурные тенденции. В рамках Международного года биоразнообразия (2010) привлекается внимание к активному сохранению естественных экосистем, включая мировой лесной потенциал.

Под эгидой ООН реализуется Декада образования для устойчивого развития (2005–2014), что предполагает переориентацию мировой (и национальных) образовательной системы для адекватного ответа на проблемы, волнующие современную цивилизацию. При этом очевидно, что речь идет не столько о продолжении активной «экологизации» образовательного процесса (что происходило на протяжении 1970–1980-х годов), сколько об его (процесса) системной интеграции, учета взаимосвязи экономических, экологических и социокультурных факторов динамизма цивилизации. Более того, образовательная система XXI столетия должна, с одной стороны, транслировать фундаментальные знания предшествующих эпох, а с другой – ориентироваться на процессы модернизации и инновации, имманентные перспективной цивилизационной модели.

Стратегия устойчивого развития предполагает радикальные изменения исторически сложившейся социально-экономической, производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности социума. А это, в свою очередь, ставит новые требования перед современной образовательной системой. И если экологизация системы образования носит отчетливо выраженную биосферную направленность, создавая предпосылки для экологически безопасного развития социума, то образование для устойчивого развития предполагает системный характер, акцент на модернизацию и инновационность, креативность и прогностическую ориентацию. Реализация УР-стратегии связывается с реальным выходом на модернизационно-инновационный уровень развития цивилизации.

Существуют две альтернативные точки зрения на перспективы мировой динамики. А именно: оптимистическая и пессимистическая.

Промежуточная точка зрения квалифицируется как «позиция ограниченного пессимизма»¹. Эта позиция представляется более реалистичной, ибо, с одной стороны, осознает остроту проблем, осложняющих продвижение цивилизации в «конструктивное будущее», а с другой – учитывает возможности позитивного ответа социума на вызовы современной цивилизации.

Конференция ООН по устойчивому развитию (Рио-92 + 20) – Саммит IV (Рио-де-Жанейро, 2012), подводя итоги «устойчивого двадцатилетия», не только зафиксировала остроту противоречий мирового развития, но и обозначила основные механизмы их преодоления. Базовый итог Саммита – подтверждение «духа Рио». Представители мирового сообщества согласились с тем, что преодоление остроты глобальных противоречий современной цивилизации (проблем голода, нищеты, загрязнения биосферы и др.), и выход мирового социума на уровень справедливого, равноправного и эффективного функционирования возможны лишь в процессе реализации стратегии устойчивого развития.

---

¹ *Моисеев Н. Н.* Как далеко до завтрашнего дня. – М., 1997. – С. 250.

Глава 1

ОСНОВЫ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

1. Сущность понятия «устойчивое развитие»

Термин «sustainable» (*англ.* «поддерживающий», «длительный», «устойчивый», «непрерывный») исторически используется в биологической (общей) экологии. Этим термином обозначается способность естественных экологических систем сохранять свою структуру и функциональные свойства при воздействии внешних факторов¹.

Впервые термин «устойчивое развитие» был использован во Всемирной стратегии охраны природы (World Conservation Strategy, 1980), где устойчивое развитие (УР) трактуется как развитие, определяемое изменением биосферы в процессе использования человеком ее ресурсов таким образом, чтобы поддержать экологическое равновесие и сохранить генетическое разнообразие видов «для удовлетворения потребностей и устремлений будущих поколений».

В документах ООН (материалы Комиссии ООН по устойчивому развитию, Рио-92 и др.) отмечается, что УР – такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности.

Понятие УР трактуется, по крайней мере, в двух смыслах, а именно: «узком» и «широком».

В узком смысле внимание акцентируется преимущественно на его экологической составляющей, что связывается с оптимизацией деятельности по отношению к использованию ресурсов локальных экосистем и биосферы в целом. По существу, речь идет о реализации стратегии «биосферосовместимой» или экологически безопасной деятельности. Это предполагает осуществление ряда условий:

– во-первых, темпы и масштабы потребления природно-ресурсного потенциала не превышают естественных условий регенерации экосистем;

---

¹ Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию. – М., 1989.

- во-вторых, объемы отходов производственно-хозяйственной деятельности не выходят за пределы ассимиляционных возможностей биосферы;
- в-третьих, утилизация невозобновляемых ресурсов возможна лишь в таких объемах и масштабах, которые компенсируются соответствующим ростом потребления возобновляемого природно-ресурсного потенциала;
- в-четвертых, в процессе принятия производственно-хозяйственных и социальных решений учитывается не только экономический эффект, но и возможные социально-экологические последствия;
- в-пятых, при выборе оптимизационной стратегии деятельности в биосфере исходят из интересов как настоящих, так и будущих поколений.

В широком смысле устойчивое развитие трактуется как процесс, обозначающий новый тип функционирования цивилизации, основанной на радикальных изменениях ее исторически сложившихся ориентиров во всех, в сущности, параметрах бытия (экономических, социальных, политических, технологических, экологических, информационных, культурологических и др.). В рамках такого подхода ставится задача оптимального управления не только природно-ресурсным потенциалом, но и социокультурной сферой, которой располагает цивилизация на конкретном этапе всемирно-исторического развития и с учетом прогностических ориентиров.

Очевидно, что «узкая» и «широкая» трактовка феномена УР находятся в неразрывной взаимосвязи. Эти трактовки «взаимодополнительные».

Реализация механизмов баланса элементов системы «человек–социум–биосфера» связывается с реализацией стратегии устойчивого развития. Ее сущность заключается в формировании такой социоприродной системы, которая, во-первых, обеспечивала бы удовлетворение рациональных (и все возрастающих) потребностей (материальных, энергетических, духовных) социума; во-вторых, была бы стабильна по отношению как к внутренним, так и современным внешним факторам воздействия; и, в-третьих, сохранила бы динамическое равновесие в исторической перспективе.

Фундаментальная трактовка устойчивого развития предполагает выход на уровень нового типа функционирования социума,

в процессе формирования которого радикально трансформируются важнейшие направления человеческой деятельности, а именно:

- в экономической сфере – преодоление стереотипов количественного подхода и распространение идеологии качественного роста (переход от принципа «больше – лучше» к принципу «малое – прекрасно»);

- в социальной сфере – реализация относительно многоукладной общественной структуры, сочетающей как рыночные, так и государственные механизмы управления (переход от принципов «рынок решает все» или «максимизация государственного вмешательства» к принципу «социального и экономического плюрализма»);

- в технологической сфере – распространение инновационных научно-технологических решений (переход от принципа «разомкнутости деятельности» к принципу «относительной замкнутости» производственно-хозяйственных и социокультурных процессов);

- в природоохранной сфере – учет не только экономической, но и экологической составляющей деятельности во всех сферах бытия (переход от принципа «природа – мастерская, а человек – в ней работник» к принципу «коэволюции человека и природы»);

- в информационной сфере – трансформация все большей части материально-хозяйственной деятельности социума в компьютерно-мониторную форму (переход от принципа «материализации деятельности» к принципу ее «виртуализации»);

- в международной сфере – провозглашение стратегии на преодоление конфронтации между различными ветвями мировой цивилизации, установление между ними выраженного активного взаимодействия (переход от принципа «думай глобально, действуй локально» к принципу «думай и действуй глобально»);

- в культурологической сфере – стремление к сохранению баланса между унификацией развития и сохранением национальной идентичности (переход от принципа «культурной вестернизации» к принципу «пусть расцветают все цветы»);

- в прогностической сфере – эффективность принятия решений во всех областях (экономической, социальной, технологической и др.) предполагает учет как ближнесрочных, так и долгосрочных последствий (переход от принципа «после нас хоть потоп» к принципу «настоящее – ключ к будущему»).

Объектом стратегии устойчивого развития является социозэко-система. Социозэко-система (социально-экологическая система) – комплекс природных и социокультурных вещей, явлений и процессов, функционирующий как единое целое. В этот комплекс входят как биогенные и абиогенные компоненты, так и компоненты, обеспечивающие жизнедеятельность человека, а также социально-экономическое и социокультурное функционирование социума.

В отличие от экологической системы (экосистемы), состоящей из двух подсистем, социально-экологическая система (социозэко-система) включает три подсистемы, а именно:

- абиотическую (неживую) подсистему, состоящую из атмосферы, поверхностных вод, климатических условий и др.;
- биотическую (живую) подсистему, состоящую из биологических объектов, в том числе и человека;
- социокультурную подсистему, состоящую из инфраструктуры, связанной с человеческой деятельностью.

Имманентная целевая установка социозэко-системы любого уровня – сохранить динамическое равновесие с природной средой в процессе развития, т.е. удовлетворения потребностей (материальных, энергетических и др.) социума. Иначе говоря, любая социозэко-система, как и экосистема, исходя из «идеологии выживания», стремится «вписаться» в природные связи и отношения.

Однако эта идеальная установка не соответствует социальной практике, ибо традиционное развитие социума требует активизации взаимоотношений с естественной средой. Обстоятельства подобного рода, пройдя длительный путь аккумуляции внешних возмущений, привели к реальному нарушению динамического равновесия глобальной экосистемы, что под угрозой оказывается устойчивость естественных экосистем.

Устойчивость социозэко-систем – ее способность к реакциям, пропорциональным по величине силе воздействия, которые нивелируют (уменьшают) эти воздействия. При этом в экосистеме генерируются компенсационные (отрицательные) обратные связи. При превышении некоторой критической величины воздействия экосистема теряет устойчивость; возникают положительные обратные связи, которые могут привести к ее разрушению.

Механизм устойчивости соответствует принципу Ле Шателье-Брауна. В соответствии с этим принципом, если на систему,

находящуюся в равновесии, воздействовать извне, изменяя какое-нибудь из условий (температура, давление или концентрация), то равновесие смещается таким образом, чтобы компенсировать возникающие изменения.

Сформулируем некоторые закономерности устойчивого развития социоприродных систем различного уровня, а именно: от локального и регионального до глобального.

Закон превращения социума в силу планетарного масштаба (закон В. И. Вернадского). Производственно-хозяйственная и социокультурная деятельность человечества оказывает воздействие на биосферу, масштабы которого сравнимы с геологическими процессами. Современная человеческая деятельность связана с изменениями традиционных биогеохимических циклов, что оборачивается тенденцией нарушения исторически сложившегося равновесия как локальных экосистем, так и биосферы в целом.

Закон биоразнообразия. Социоэкосистема любого уровня характеризуется прямой зависимостью между уровнем разнообразия (генетического и видового) и ее устойчивостью. Биоразнообразие предполагает разнообразие в пределах вида, разнообразие видов и разнообразие экосистем.

Закон функционирования социума за счет окружающей природной среды. Любая социальная система может развиваться только в процессе использования ресурсов (материально-энергетических, информационных и др.) окружающей природной среды. Это обуславливает объективность противоречия, с одной стороны, между абсолютным ростом потребностей (материальных, энергетических, информационных) социума, а с другой – относительной ограниченностью возможностей биосферы. Теоретически преодоление этого социально-экологического противоречия возможно лишь в рамках двух направлений деятельности человечества. А именно: рационализации (сокращения) человеческих потребностей и расширения границ биосферы.

Закон адаптивности социума к природной среде. Экологическое выживание социума предполагает не преобразование экосистем для удовлетворения человеческих потребностей, как было характерно для предшествующего этапа исторического развития цивилизации. Социум должен адаптироваться к исторически сложившимся природным условиям, не нарушая их динамического

равновесия, что предполагает баланс человеческих потребностей и биосферных возможностей.

Принцип интегральности социоэкосистемы. Социоэкосистема любого уровня (от локального до глобального) стремится к сохранению целостной стабильности. При этом экосистемный холизм сочетается с выявлением статуса индивидуума как одного из основных элементов, участвующих в социально-экологической динамике.

Принцип экологической оптимизации деятельности. Человеческая деятельность должна исходить не из доминанты экономической эффективности или политической целесообразности. В ее основе должен быть положен принцип, в рамках которого выбирается путь развития социума, учитывающий, помимо прочего, необходимость сохранения равновесия исторически сложившихся экосистем.

Принцип историчности. Оценка воздействия производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности цивилизации на экосистемы требует восприятия временной дистанции. Лишь в процессе определенного временного этапа наблюдений и оценки обнаруживаются явления и процессы, свидетельствующие о динамике (позитивной или негативной) социоэкосистемы.

Правило «десяти процентов». Социоэкосистема сохраняет динамическое равновесие до тех пор, пока используется не больше 10 % ее материальных, энергетических и информационных ресурсов. Для естественной экосистемы «работает» правило «одного процента». Следовательно, человеческая деятельность связана не только с деградацией, но и с восстановлением естественных экосистем.

2. Система принципов цивилизации устойчивого типа

Выделим систему принципов, которая может быть положена в основание «устойчивой цивилизации»¹, а именно: принципы стратегические, безопасности, социокультурные и прогностические.

Принципы стратегические

Принцип «цивилизационной экофильности». В его рамках фиксируется представление, в соответствии с которым цивилизация

---

¹ Урсул А. Д., Лось В. А., Демидов Ф. Д. Концептуальные основы устойчивого развития. – М., 2003.

должна выйти на уровень не конфронтации, а коэволюции элементов системы «человек–общество–биосфера».

Исторически цивилизация восточного типа, являясь имманентно экофильной, вместе с тем не обеспечивает региональный (и национальный) динамизм, эффективность развития (экономического, социального, технологического и др.). С другой стороны, цивилизация западного типа достигла высокого уровня развития в процессе экوفобной ориентации, экстраполяция которой угрожает реально сохранению равновесия глобальной экосистемы.

Следовательно, стратегическая направленность цивилизации предполагает некоторый «симбиоз» восточного и западного типов развития. Восточная «гармоничность» призвана сочетаться с западной «активностью», что должно обеспечить сочетание западного «динамизма» с восточной «адаптивностью». Тем самым повышается «степень экофильности» мирового цивилизационного процесса.

Принцип «противоречивого единства». Определяющее противоречие мирового развития заключается в сохранении существенного «разрыва» в уровнях социально-экономических показателей развитых и развивающихся стран «Севера» и «Юга».

При этом небольшая группа развивающихся государств («новые индустриальные страны» – Южная Корея, Сингапур и др.), реализуя современный инновационный потенциал, заняли свое место в системе развитого мира. В целом, однако, «третий мир» (страны «Юга») останется в рамках сравнительно незначительных темпов экономического роста, несбалансированности социально-экономических показателей, низкого уровня качества жизни, ухудшения экологической ситуации. Более того, разрыв между развитым и развивающимся миром, особенно между развитыми и наименее развитыми развивающимися странами (преимущественно африканского региона) увеличивается. Обостряется конфликт между «цивилизованным» и «нецивилизованным» мирами, выражаемый, в частности, актуализацией феномена «террористический синдром», открытой (и скрытой) «войной» между западной и исламской цивилизациями. Очевидно, однако, что мировая цивилизация не может адекватно развиваться в состоянии «региональной конфликтности» по линии «Север» – «Юг».

«Разрыв» (особенно в экономической сфере) будет постепенно нивелироваться. Развивающиеся страны, однако, и в перспективе будут характеризоваться сравнительно низким «качеством жизни» (расходы на здравоохранение, образование, рекреацию, низкая продолжительность жизни и т. п.). Иначе говоря, «неустойчивость» элементов системы «Север – Юг» остается важнейшим фактором, дестабилизирующим мировой цивилизационный процесс.

В этой сложной международной ситуации Россия может использовать свое геополитическое положение, реализовать «евразийскую сущность». Иначе говоря, стать основанием «цивилизационного компромисса» – гарантом «противоречивого единства» («сотрудничество в противоречии») между развитым и развивающимся миром, «Севером» и «Югом».

Принцип «устойчивости человека». В общем виде формирование человека устойчивого типа мышления предполагает соотнесение возможности расширения материальных потребностей с социально-экологическими реалиями бытия и ориентацию на сравнительно неограниченное духовное развитие личности. Его мышление основано на синергетических представлениях, для которых характерна интегративность, нелинейность, прогностичность. Человек устойчивого типа комфортно чувствует себя на «стыке» материальной и виртуальной культуры, которая занимает все большее место в динамике цивилизационного процесса. «Устойчивый человек» сочетает атрибуты как «экономического», так и «экологического» типа личности. Его экологические стереотипы основываются на фундаментальной экономической базе – «биосферосовместимости» всех элементов производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности. Реализуется адаптивная стратегия поведения социума в естественной природной среде обитания, в рамках которой рационализируется деятельностная (преобразовательная) функция человека. Человек выходит на уровень «неособирательства», возвращаясь на новом витке исторического развития к тому типу деятельности, когда функционирование социума «вписывалось» в естественные биосферные циклы и процессы.

Принципы безопасности

Принцип продовольственной безопасности. В основе позитивного решения мировой продовольственной проблемы лежат, по крайней мере, два фактора, а именно: положительные результаты

национальных продовольственных программ и стабилизация численности мирового населения. В этом смысле соответствующие процессы различны в развитых и развивающихся странах.

В развитых странах в первую очередь решается проблема качественного уровня продовольствия. Речь идет о сбалансированности питания, рационализации норм, уменьшения калорийности пищевых продуктов и т.п. Напротив, в большинстве развивающихся стран не удается достичь продовольственного самообеспечения; хотя во многих из них сделано немало для стабилизации продовольственной ситуации.

Контуры «идеальной» аграрной стратегии среднестатистической страны могут выглядеть примерно следующим образом. В основе аграрной реформы положен принцип «земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает». Создаются условия для эффективного функционирования различных форм собственности, выявляющих свою жизнеспособность на основе свободной конкуренции. Государственные структуры оказывают поддержку (выделение кредитов, техники и т. п.) как крупным хозяйствам (которые демонстрируют свою эффективность), так и отдельным фермерам, имеющим сравнительно небольшие надель, но ориентированным на эффективную деятельность. В условиях расслоения крестьянства государство берет на себя реализацию программ увеличения доходов беднейших его слоев, а также поддерживает все социальные группы, которые хотели бы реализовать свой потенциал в аграрном секторе. Государственные и общественные организации содействуют созданию, развитию и совершенствованию инфраструктуры в сельских районах (дороги, сфера услуг и др.).

В результате проведения аграрной реформы создаются реальные условия для преодоления «ножниц» между темпами прироста населения и возможностями его продовольственного обеспечения. Каждая из групп стран (развивающихся или «переходного типа») ориентируется на разработку и реализацию национальной продовольственной программы. Опыт решения мировой продовольственной проблемы показывает: функционирование эффективной аграрной системы в сочетании со стабилизацией демографических процессов обеспечивают выход на уровень продовольственной безопасности. Этот уровень достигнут в развитых регионах; к нему неуклонно приближаются (через преодоление препятствий) в других регионах (например, Индия).

Принцип «энергетической обеспеченности» исходит из возможности коэволюции демографических и энергетических процессов.

Фиксируется относительное сокращение потребления энерго-сырьевых ресурсов на единицу произведенной продукции в развитых странах, определяющих в значительной степени динамику мирового энергопотребления (в энергетическую гонку все более активно включается Китай, что корректирует эту тенденцию). Тем не менее снижается энерго- и ресурсоемкость производственно-хозяйственной деятельности, т. е. сокращаются средние темпы прироста потребления энергии и сырья по отношению к масштабам роста валового национального продукта развитых стран. При этом возрастает «качество жизни» населения. Иначе говоря, сокращение энергоресурсопотребления сочетается, с одной стороны, с повышением производства продукции на душу населения, а с другой – улучшением качественных характеристик биосферы.

Бурные дискуссии «за» или «против» атомной энергетики (начавшиеся после Чернобыля и с новой силой возобновившиеся после катастрофы в Японии) показали следующее. Перспективы атомной энергетики связаны, во-первых, с обеспечением такой степени ее безопасности, чтобы реально исключить катастрофу «чернобыльского типа» и опасную зависимость от природных катаклизмов; во-вторых, с остротой энергетических противоречий в различных странах и регионах. Катастрофы АЭС повысили внимание к рационализации использования традиционных (невозобновимых) энергетических источников (нефть, газ; к разработкам старых угольных шахт). Постепенно, однако, происходит вытеснение невозобновимых энергетических источников, занимающих традиционно высокое положение в структуре мирового энергетического и сырьевого обеспечения. Их место все основательнее занимают альтернативные (возобновляемые) источники энергии (гелиоэнергетика, биоэнергетика и др.), которые удовлетворяют все большую часть (до 20 %) мирового энергетического спроса. Активный переход цивилизации на альтернативные энергетические источники связан, во-первых, с осознанием перспективного дефицита невозобновляемых ресурсов; и, во-вторых, с созданием рентабельных возобновляемых источников.

Впрочем, в окончательном виде мировая энергетическая ситуация будет зависеть от структуры энергоресурсопотребления

в развивающихся странах. Если в развитых странах сокращаются соответствующие показатели, то в большинстве развивающихся стран сохраняется тенденция к их росту. Энергетическая безопасность цивилизации связывается с возможностью удовлетворения основных потребностей населения «Юга», а также с тем, что население «третьего мира» и стран с «переходной экономикой» не будет слепо копировать западные стандарты жизни, сохранив национальные традиции и стереотипы.

Принцип «равновесия биосферы». В его основе – баланс социальных и «экосистемных» интересов.

Стабилизация мирового демографического процесса и повышение «степени управляемости» деятельностью создают реальные предпосылки для улучшения социально-экологической ситуации в планетарных масштабах.

При этом глобальная экологическая ситуация сохраняет свою региональную специфику. Тем не менее в общемировом масштабе реализуется тенденция к сокращению выбросов в атмосферу газообразных веществ (окислов углерода, серы, азота и др.), что стабилизирует последствия «парникового эффекта». Технологическое совершенствование производственно-хозяйственной деятельности обеспечивает уменьшение выбросов твердых отходов и т. п. Иначе говоря, в целом сокращаются выбросы технико-антропогенного характера в естественную среду обитания человека и соответственно стабилизируются глобальные социоприродные системы.

Реализация стратегии поддержания равновесия биосферы будет зависеть от эффективного решения, по крайней мере, трех проблем, а именно: стабилизации демографического роста в странах «Юга», рационализации потребления в развитых странах и сохранения традиций потребления в развивающихся странах, а также глобализации управления.

Принципы социокультурные

Принцип «демографической стабилизации». Один из ключевых, реализация которого значительно повысит «степень устойчивости» цивилизации.

Если к началу XXI в. на планете проживало более 7 млрд человек, то к его середине эти показатели достигнут величины порядка 9 млрд человек. По-прежнему сохраняются различия

в демографической ситуации между развитыми и развивающимися странами. Более того, в странах «третьего мира» проживает более 80 % мирового населения.

Для развитых стран характерен незначительный прирост населения (около 1 %), низкий уровень смертности и сравнительно-высокая продолжительность жизни, приближающаяся к 80 годам. В последние годы в некоторых развитых странах (например, в Швеции) прирост населения превышает стандартно низкие величины.

Впрочем, численность мирового населения постепенно стабилизируется. При этом дальнейшее улучшение качества жизни в развитых странах способствует высокой работоспособности населения старших возрастов. Хотя постарение населения вызывает беспокойство (XXI в. даже называют «геронтологическим веком», учитывая, что группа людей в возрасте старше 60 лет будет расти быстрее, чем любая другая возрастная категория), тем не менее, это не должно сказаться существенно на эффективности производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности. Напротив, сочетание «разумного консерватизма» старших возрастов с «неразумной активностью» молодежи даст эффект, обеспечивая «положительный динамизм» развития.

Наиболее высокие темпы прироста населения сохраняются на Африканском континенте, в меньшей степени демографический рост присущ странам Азии и Латинской Америки. Мировое демографическое будущее во многом зависит от стабилизации роста населения в Китае и Индии.

Итак, перспективы мировой демографической ситуации многовариантны; находятся в постоянной динамике, определяемой как внутренними, так и внешними факторами. Демографическое будущее различно для развитых и развивающихся регионов, а также России.

Развитые страны, преодолевая последствия послевоенного «беби-бума», снижали демографические показатели, приблизившись к опасному уровню, когда показатели рождаемости оказываются ниже показателей смертности. Для сохранения популяции развитые страны должны, с одной стороны, стимулировать подъем рождаемости, а с другой – повысить «качество жизни» населения.

В развивающихся странах, напротив, «демографический взрыв» приобрел такие масштабы, что его ликвидация затягивается во времени, усугубляя трудности социально-экономического

развития. Тем не менее и в этих странах демографическая ситуация получает тенденцию к стабилизации.

Сложнее обстоит демографическая ситуация в России. Экономические и социальные трудности начала 1990-х годов обуславливают тенденции депопуляции, уменьшения средней продолжительности жизни (около 60 лет для мужчин), увеличения детской смертности. Тенденции, которые, набрав рост, с трудом поддаются нивелированию и к первой декаде XXI в.

Демографическая стабилизация к концу XXI в. окажется благоприятной как для социально-экономического и социокультурного развития цивилизации в целом, так и для ее регионов. Одним из следствий этого процесса станет определенное равновесие между численностью населения и возможностью его обеспечения материально-энергетическими ресурсами. Это создаст благоприятные условия для усиления тенденции сближения уровней развитого и развивающегося миров, коэволюции человека и мировой экосистемы.

Принцип «матриархальности». Исходит из повышения статуса женщины в исторической динамике.

Женщины (наряду с мужчинами) становятся активной деятельной силой цивилизации; их доля в численности мирового населения превышает 50 %. Увеличивается число женщин, занимающихся высококвалифицированным трудом. Происходит, с одной стороны, «дефеминизация» традиционно женских областей деятельности (текстильная и пищевая промышленность, образование, медицина и др.), а с другой – «феминизация» областей деятельности с традиционно мужской направленностью (политика, управление, наука и др.)

Иначе говоря, тип производственно-хозяйственной деятельности, основанной на электронизации, информатизации и компьютеризации, способствует стиранию традиционных граней между «мужским» и «женским» трудом. Сохраняются, естественно, специфические особенности деятельности, обусловленные половыми функциями (скажем, генетически женщины предрасположены к деятельности, связанной со вниманием, а мужчины – с динамизмом). Происходит «наложение» патрилинейных (мужских) и матрилинейных (женских) стереотипов развития, что создает равновесие отношения «женщина – мужчина».

Тем не менее сохраняется (правда, в смягченной форме) исторически сложившееся противоречие, с одной стороны, между стремлением женщины к реализации своих социальных функций, а с другой – трудностями, обусловленными объективной занятостью в домашней сфере («вторая работа»). Женщина, сочетающая социальную активность с семейными функциями, дает мужчине немалую фору, ибо для нее сокращается свободное время, уменьшаются возможности для профессионального и социокультурного совершенствования. Вместе с тем социальная активность осложняет личную жизнь (уменьшается роль женщины в воспитании детей и др.).

Впрочем, постепенно реализуются тенденции, ориентированные на освобождение женщины от рутинной домашней работы. Во-первых, современные формы технологии во все большей мере требуют «чисто» женских качеств (внимательность, трудолюбие, терпимость и др.), и в этом смысле «женский» труд становится предпочтительнее. Во-вторых, традиционная деятельность по дому утрачивает свои архаичные формы. В-третьих, домашняя работа приравнивается к деятельности в системе общественного производства, что обеспечивает женщине сравнительную экономическую независимость и социальную защищенность. В-четвертых, женщина через рождение ребенка ближе, чем мужчина к естественным природным процессам, в большей степени ориентирована на гуманизацию взаимоотношений с природой. В-пятых, именно от женщины в первую очередь зависит эффективность регулирования демографических процессов.

Принцип «планетарной урбанизации». В его рамках рост городов рассматривается как одна из доминирующих интегративных тенденций развития цивилизации.

К началу XXI в. более 50 % мирового населения проживает в городах; и эта тенденция усиливается. Цивилизация идет по пути «концентрирующей урбанизации», что выражается в формировании мегаполисов. В мире функционирует около двух десяткой городов-мегаполисов с населением свыше 8 млн каждый (причем, более половины этих городов находятся в Азии).

Для развитых регионов выявляется противоположная тенденция, связанная с децентрализацией развития городов. Речь идет, по существу, о формировании «оптимального города», где человеку

создаются условия не только для эффективной производственно-хозяйственной деятельности, но и для качественной рекреации.

Урбанизационные тенденции в их оптимальном виде представляются следующим образом. В городах «свертывается» масштабная хозяйственная деятельность, развиваются ее наукоемкие формы. Город становится культурным центром, где концентрируются системы науки, образования, искусства и т. п. Более того, стираются принципиальные различия между характером и формой жизни в городских и сельских условиях. В городе повышается качество жизни, и улучшаются условия деятельности, а жители сельской местности выходят на необходимый уровень урбанизации при сохранении высокого качества природной среды обитания. Речь идет о «сбалансированной урбанизации», т. е. о создании условий для «сочетающегося развития» урбанизации и высоких качественных характеристик биосферы.

Возрождаются и сохраняются исторические центры крупнейших городов мира, которые становятся сферами притяжения духовно-культурной деятельности, зонами интеграции мировых культур, общения цивилизаций разного типа. Мировые урбанизационные центры во все большей мере превращаются в «действующие музеи».

Все большее развитие, однако, получают небольшие города с «демографическим оптимумом» населения порядка 500 тыс. человек. Именно такая численность населения позволяет создать, с одной стороны, адекватные условия для деятельности человека во всех ее проявлениях, а с другой – сохранить качество окружающей среды, обеспечить инфраструктуру и т. п. При этом укрепляется взаимосвязь между центрами урбанизации и малыми городами.

Принципы прогностические

Принцип глобализации управления. Акцент на необходимость повышения «степени управляемости» планетарной системой.

Усиливается взаимосвязь и взаимозависимость стран мирового сообщества. Возникающие противоречия развития (в экономической, социальной, экологической сферах и др.) требуют интегрированных решений. Более того, достичь «всеобщей безопасности» реально лишь на коллективистской основе. Реализации тенденции к объединению различных ветвей цивилизации способствуют не

только социальные (в последнее время – глобальный терроризм), но и природные факторы. Единство биосферы является одним из определяющих интегративных цивилизационных факторов.

Повышается «степень управления» мирового сообщества. Традиционная концепция национального суверенитета имеет тенденцию к «снятию» в рамках реализации стратегии «коллективной безопасности». Актуализируется идея создания структур (типа ООН), обладающих необходимыми полномочиями (законодательными, исполнительными и др.), обеспечивающими эффективность планетарного управления. При этом национальный суверенитет отнюдь не отвергается. Речь идет о том, что для эффективности управления на цивилизационном уровне государство передает часть своих функций наднациональным структурам (практика Европейского Союза демонстрирует противоречия и конструктивность реализации идеи подобного рода). Глобализация управления повышает степень эффективности решения проблем планетарного масштаба, не ущемляя национальных ценностей и традиций.

Принцип духовного «единства человечества» ориентируется на провозглашение равенства религиозных ценностей и традиций различных религий и конфессий.

Мировые религии, сохраняя свои исторические основания, воспринимают вместе с тем новые стереотипы цивилизационного развития. Если исторически религиозный фактор является разделяющим элементом для народов и стран, то ныне отчетливо выявляются его интегративные функции (несмотря на остроту современного конфликта христианских и исламских стереотипов). С одной стороны, возрождаются и активно развиваются традиционные религии, создаются их новые ветви и направления, а с другой – усиливаются экуменистические тенденции и активизируется межконфессиональный диалог, расширяется взаимодействие религиозных институтов и конфессий, повышается их взаимная толерантность, совершенствуются этнонациональные и межконфессиональные отношения.

Современный человек находит постепенно свое место в системе реального «религиозного плюрализма». Развивается опыт «приватной веры», когда индивид осознает реальность личного духовного бытия, делает свой религиозно-духовный выбор и несет за него личную ответственность. Все более отчетливо выявляется взаимосвязь

и взаимодополнительность научных и религиозных ценностей, выступающих в качестве разных сторон единого бытия.

Закрепляется приоритет нравственных стереотипов во взаимоотношениях между человеком, обществом и окружающей средой. Единство Бога и природы становится одним из определяющих элементов единства и мирового цивилизационного процесса, основанием формирования единого духовного пространства бытия.

Принцип «неограниченности цивилизационного развития» основывается на представлениях о сравнительной безграничности пространственно-временного развития цивилизации.

Исторически человечество не один раз оказывалось перед лицом серьезных проблем и противоречий, ведущих к острым – и даже кризисным – ситуациям в отношениях между человеком, обществом и биосферой. Непросто складываются эти взаимоотношения и ныне, в условиях обострения нелинейного – «бифуркационного» развития цивилизации.

В «мировом сознании» сложилось, по крайней мере, три стереотипа. В рамках пессимистических представлений человечество, исчерпав природно-ресурсный потенциал «матери-земли», неуклонно движется от «золотого» к «железному» веку, т. е. от прогрессивного к регрессивному состоянию. С точки зрения «циклического подхода» развитие человечества движется по «кругу», проходя все стадии роста организма (от рождения и расцвета до угасания), завершение которого связывается с гибелью цивилизации и её возрождением в новых формах. И, наконец, оптимистический подход базируется на идеи «вечности жизни», возможности ее безграничного распространения в биосфере и реализации космических устремлений человечества.

В рамках развития устойчивого типа создаются предпосылки для возможного «возвращения» цивилизации к «золотому веку», или завершению эпох глобальных социоприродных катаклизмов. Мировая история, пройдя свой более чем двухтысячелетний путь через конфликты и противоречия XXI в., выходит на эволюционно-стабильные стереотипы развития, обеспечивающие высокую степень устойчивости цивилизации в процессе ее пространственно-временного продвижения в третье тысячелетие.

Глава 2

ГЕНЕЗИС ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РАЗВИТИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ НОВОГО ТИПА

1. Динамизм всемирно-исторического процесса¹

Иудо-христианская традиция (как альтернатива восточному историческому циклизму) исходит из идеи линейно-последовательного развития человечества.

Христианский исторический динамизм – веки истории, а именно: через сотворение мира к первородному греху, через искупление ко второму пришествию и спасению. Христианская периодизация истории носит выраженный линейный характер. Действительно, в Первый день сотворил Бог небо и землю. «И стал свет». На Второй день была отделена «твердь от воды». На Третий день создатель сформировал сушу и растения, на Четвертый день занялся устройством Космоса. В рамках Пятого дня благословил Бог «рождение тварей живых». И, наконец, в Шестой день был «сотворим человек». И если «день творения» рассматривать как длительный временной интервал (историческая эпоха), то эволюционный подход христианства соответствует традиционным научным воззрениям.

Блаженный Августин, опираясь на христианские представления о происхождении человека, развил концепцию единства человеческого рода, в основе которой – целенаправляющие функции Бога. Именно с Ним связывается распространение абсолютной власти на природу, человека и исторический процесс. Августин рассматривает историческую периодизацию («шесть эпох истории») как всемирно-историческую динамику.

При этом человечество образует, по его представлениям, «два града»: царство зла и дьявола (светское государство) и божье царство на земле (церковь). И эти два «града», развиваясь параллельно, проходят одинаковый исторический путь. А именно: от сотворения Адама к Христу и к Страшному суду, когда жители «града Божия» вкусят блаженство, а «града земного» будут преданы вечным мукам.

---

¹ Лось В. А., Урсул А. Д. Устойчивое развитие. – М., 2000.

Представители французского Просвещения, стремясь преодолеть христианоцентризм западноевропейского мировоззрения, приступили к формированию воззрений о действительной всемирной истории. Например, в работах Вольтера исторический процесс предстает не как смена отдельных правителей (монархов), а описание жизни различных этносов не только «цивилизованных», но и «диких» народов. При этом различные народы должна объединять, по его мнению, религия, «приемлемая для всех людей».

Немецкая культурологическая традиция активно придает историческому процессу мировой уровень измерения. И. Гердер рассматривает историю цивилизации как целостный процесс, для которого характерна взаимосвязь событий и явлений в судьбах народов. Исторический процесс трактуется им как результат взаимодействия внешних (природно-климатических) и внутренних (социокультурных) сил. При этом культура рассматривается как доминирующий фактор, обуславливающий целостность социума и цивилизации.

Универсальный панлогизм. Обосновывается логически-рациональный подход к динамике мирового развития.

Уже Кант стремится создать «всемирную историю» в соответствии с «планом природы». В размышлениях о философии всемирной истории ему виделось такое решение межгосударственных проблем, когда, «не ущемив интересы личности», сохраняется государственная целостность.

Определяющие подходы к типизации мировой истории предложил Гегель, выделив три социокультурные ступени развития общества, а именно: восточный мир, античный мир (греческий и римский) и германский мир. Ступени (миры) истории, по его представлениям, – этапы самопознания мирового (абсолютного) духа. Всемирная история трактуется как процесс самореализации абсолютного духа в ходе его воплощения в исторические эпохи. Каждая историческая ступень находит наиболее адекватное выражение в духе определенного народа, который и реализует эту ступень. Историю «делают люди», но вместе с тем в ней реализуется некая объективная логика. Для Гегеля единство истории человечества – единство его закономерного становления. При этом всемирность рассматривается им как имманентное свойство исторического процесса.

Марксизм разработал теорию материалистического понимания истории, в рамках которой общественно-экономические формации – исторически (и логически) обоснованные ступени мирового развития: от реальных моделей (первобытнообщинное общество, феодализм и др.) к прогностическим структурам (социализм и коммунизм). В соответствии с марксизмом лишь в недрах феодального общества зарождаются предпосылки всемирной истории, обусловленные генезисом мирового рынка. Заканчивается «предыстория», начинается подлинная «всемирная история человечества». К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривают всемирность исторического процесса как преодоление (снятие) «первоначальной замкнутости» отдельных народов. Всемирность – генезис «всесторонней зависимости» (торговой, экономической, производственной и др.) отдельных стран друг от друга, преодоление их обособленности.

Историческая динамика обуславливается, по Марксу, соотношением производительных сил и производственных отношений. Производственная деятельность социума рассматривается как основание всемирной связи и мировой динамики. При этом общественному разделению труда, связанному с укреплением капиталистических отношений, придается доминирующее интегрирующее значение. Из теории марксизма следует: чем глубже общественное разделение труда, тем выше уровень социально-экономических взаимоотношений между народами, тем, следовательно, выше степень исторической целостности.

При этом, однако, как считает марксизм, в рамках капитализма отнюдь не преодолевается локальность мировой истории человечества. Капитализм создает лишь предпосылки действительно «целостной истории». В его рамках первоначальная замкнутость отдельных наций сменяется всесторонней зависимостью. Однако подлинно всемирной история должна стать лишь в процессе построения коммунистических отношений, которые и призваны обеспечить, в соответствии с доктриной марксизма, историческую целостность мирового развития на основе реализации принципов всеобщих интернациональных интересов.

Если марксизм связывал всемирно-исторический характер цивилизационного процесса с развитием производительных (и производственных) форм деятельности, то альтернатива была предложена, например, М. Вебером. Им доказывается, что религиозные

стереотипы, а не экономическая основа, – определяющий фактор исторического динамизма. По его представлениям, именно протестантская этика с ее нормами и правилами обусловила экономическую эффективность западноевропейского социума. Религиозный рационализм составил основу научного и индустриального прогресса западного общества. Экономический успех, возведенный протестантской этикой на уровень религиозного призвания, выступает, по его мнению, в качестве локомотива истории развитого социума.

Исторический эволюционизм. Человеческая история трактуется как процесс, идущий от простого к сложному, подчиняющийся единому ритму.

О. Конт, открыв, как полагал, закон двойной (биологической и социальной) эволюции, сформулировал концепцию трех стадий исторического развития социальных явлений. А именно: первая стадия – доминирование теологической установки как фактора социокультурной динамики; вторая стадия – критика теологизма и укрепление демократических стереотипов; третья стадия – развитие науки, которая объявляется основным фактором организации социальной жизни. В перспективе предполагался новый «теологический синтез», основанный на религиозном культе человечества.

С точки зрения Г. Спенсера общественная динамика соответствует развитию живого организма. Общество развивается, по его представлениям, от однородного (гомогенного) к сложному (гетерогенному) состоянию; происходит дифференциация социальных структур, образование между ними новых связей и взаимоотношений. Развитие социума рассматривается как волнообразный процесс, обусловленный нарушением и восстановлением социального равновесия. По его мнению, общество движется (через военные и промышленные структуры) к такой организации, в рамках которой удовлетворяются как общественные, так и социальные потребности. При этом основой единства исторического процесса выступает сходство социальной и биологической эволюции.

«Осевое время» цивилизации. Обоснование представлений о единстве истоков и путях развития человечества.

Еще в 30-х годах XX в. К. Ясперс, выявляя смысл и назначение истории, обнаружил вневременное единство мира, не зависящее от форм организации производственно-хозяйственной деятельности,

характера технологических условий или геополитических конфигураций. История человечества начинается, с его точки зрения, с доисторической стадии, на которой отсутствует историческое самосознание.

Это – первая (единая) стадия для всех культур. На второй стадии – стадии древних культур (древнеегипетская, вавилонская и др.) происходит разобщение человеческих сообществ; исторический процесс приобретает локальный характер. На третьей стадии в 1 тыс. до н. э., примерно между 800–200 гг. до н. э., возникает «осевая эпоха». Практически одновременно в разных частях мира (в Китае, Индии, Персии, Палестине, Древней Греции) формируется современный тип человека; появляются мировые религии и философские системы, создающие предпосылки для предельно широких логически-рациональных обобщений.

И, наконец, на четвертой (современной) стадии фиксируется тенденция к интеграции человеческой деятельности (на основе научных достижений) по направлению к Абсолюту – сфере вечного и неизменно существующего мира. Если до эпохи «осевого времени» существовали, по его представлениям, лишь локальные истории, то именно на современной стадии происходит становление действительной (подлинной) истории человечества. Тем самым динамика мирового развития приобретает отчетливое планетарное измерение, устремленное в историческую бесконечность.

«Русский космизм». Концепции, в рамках которых система «человек–социум–биосфера» рассматривается как глобальный (космический) феномен.

Русские мыслители как религиозно-философского (В. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров и др.), так естественнонаучного (В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский и др.) направлений разрабатывали программы позитивного развития цивилизации, выявляя историческую возможность гармонизации взаимоотношений человека и биосферы, а также перспективной «космической экспансии» человечества. Автотрофно-ноосферная концепция человечества, предложенная В. И. Вернадским, обосновывает не только историческую стратегию преодоления усиливающихся глобальных социально-экологических противоречий, но и намечает направления неограниченного пространственно-временного развития цивилизации.

Школа «Анналов». В ее рамках осуществляется структурно-функциональный анализ всемирной истории в представлениях экономического детерминизма.

Ее основоположники (М. Блок, Л. Февр и др.), реконструируя материальные факторы исторической жизни человека («структуру повседневности»), выходят на уровень концепции всемирной истории («глобальной истории»). Сторонники этой концепции, изучая определенный локальный пространственно-временной исторический отрезок развития социума, стремятся построить целостную историческую картину. Глобальная история сближается с изучением образа жизни человека (и социума). При этом историческая реальность рассматривается во всей ее целостности (социокультурной, экономической, политической и т. п.). В работах Ф. Броделя вскрыта эволюция европейского капитализма как системы. Динамика капиталистической системы рассматривается в широком историко-культурологическом контексте, что открывает существенные возможности для фундаментальных прогностических построений.

Социальный технократизм. Выявляется определяющая роль научно-технического прогресса в цивилизационном развитии.

Ее современные приверженцы (Р. Арон, Д. Белл, З. Бжезинский и др.) выделяют три этапа социально-технократического развития цивилизации. Первый этап – доиндустриальное общество, определяемое развитием аграрной сферы; его основные социальные институты – церковь и армия. Второй этап – индустриальное общество, основанное на машинном производстве, промышленной организации труда, свободной торговле, либерально-демократических ценностях и др. Третий этап – постиндустриальное общество, опирающееся на знание, информированность и профессиональную компетентность. Его современная форма – информационное общество, в рамках которого материальная сфера производства все более отчетливо перемещается в область виртуальной реальности.

Философия модерна (modernity). А. Турен выделяет временные отрезки между XVII и XX веков европейской истории, обусловленные спецификой развития социально-экономических отношений.

Первая стадия – формирование буржуазных государств в Старом Свете (Англия и Франция) и Новом Свете (Соединенные Штаты), когда в XVIII веке закладывались основания (предпосылки)

индустриального общества. Вторая стадия соответствует индустриальному периоду, который характеризуется доминантой идеи рациональности при сохранении культурной самобытности социума, ограниченной пределами национального государства. Третья стадия – генезис отрыва (примерно с конца XIX в.) национального государства от международного хозяйства, формирование и развитие мирового рынка. Современный период квалифицируется им как «программируемая стадия», ибо формируется на основе политических решений, экономической целесообразности и социокультурных стереотипов.

Концепция «конца истории». В ее рамках предпринимается попытка выявления смысла исторического процесса.

Поиск смысла истории характерен для концептуальных построений приверженцев концепции универсального панлогизма. Например, для Гегеля «конечный пункт» исторического прогресса – достижение абсолютного знания, торжество разума и свободы. К. Маркс считает, что все предшествующие эпохи – предыстория человечества. Действительная история берет отсчет, по его представлениям, лишь с наступлением эпохи коммунизма, когда начнется неограниченный во времени и пространстве процесс совершенствования человека (и человечества).

Современные теоретики (Ф. Фукуяма и др.), развивая в новых исторических условиях воззрения панлогизма, исходят из представлений, в соответствии с которыми побеждает разумная основа жизни. Завершается, по их воззрениям, идеологическая эволюция человечества, обеспечивая универсальность западной либеральной демократии. Наступает, как прогнозируется, эпоха нового мышления – постисторического сознания. Мировая история должна превратиться в «музей человеческой истории».

Однако, если в конце 1980-х годов, когда, как казалось, завершается конфронтация двух мировых систем, идеология «конца истории» имела под собой фундаментальные основания, то уже к началу XXI в. мировая история выходит на новый виток цивилизационной конфронтации («столкновение цивилизаций»), покидая сферы музейной скуки.

Концепция «глобального эволюционизма». В ее рамках самоорганизация материальных систем предстает в качестве единого и основного перманентного процесса прогрессивного развития в видимой Вселенной (А. Д. Урсул).

Глобальная эволюция – это непрерывная самоорганизация материальных систем в неживой природе, живом веществе и социуме, охватывающая элементы воспринимаемой современным человеком Вселенной. Речь идет о том, что система знаний о реальности приобретает отчетливо выраженный интегративный характер, как бы «возвращая» научное сознание к целостным представлениям античного типа, однако на новом витке конкретных представлений о сути вещей и явлений бытия.

2. Ноосферная концепция как предпосылка теории устойчивого развития

Генезис ноосферных идей связывается с эпохой XVIII–XIX вв. В этот период в мировом научном сообществе оформляется идея о всё возрастающей роли человека в системе природных связей и отношений. Об этом размышляли французский натуралист Ж. Бюффон, английский геолог Ч. Лайель, американский ученый Г. Марш и др. Отстаивался тезис, в соответствии с которым человек создает окружающую среду по своему образу и подобию (Э. Реклю). Появление человека, расширение его функций в природе связывалось с формированием психозойской (антропогенной) эрой в истории развития биосферы.

Идея об активной преобразующей функции человека – одна из фундаментальных идей русской культурологической традиции. Русские космисты (Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский и др.) подчеркивали возможности человека по управлению природными процессами; фиксировали взаимосвязь биосферных и космических процессов. А. Л. Чижевский обосновал зависимость биосферных процессов (а значит – и человека) от явлений, происходящих на Солнце. Тем не менее непосредственными предшественниками концепции ноосферы (и авторами этого термина) являются французские мыслители Э. Леруа и П. Тейяр де Шарден.

Философ и математик Э. Леруа, предложивший термин «ноосфера» в 1920-х годах, полагал, что ноосфера замыкает эволюционный ряд, располагаясь вслед биосферы. По существу, им был лишь предложен термин, а также его самая общая трактовка.

Более фундаментально идея ноосферы рассматривалась теологом и антропологом П. Тейяром де Шарденом, который трактует ее как идеальную «оболочку мысли», зародившуюся в конце

третичного периода развития нашей планеты, и распространяющуюся с тех пор над биосферой, «над морем» растений и животных. В концепции Тейяра предпринимается попытка анализа эволюции бытия: от генезиса сознания и духовной эволюции человека к его слиянию в «точке омега» с Богом. Ноосфера, по Тейяру, – «коллективное сознание», которое сможет контролировать направление эволюции, т. е. придать ей необходимую гармонию и идеальность.

Особый статус идеи ноосферы был придан в воззрениях В. И. Вернадского. В общем виде ноосфера, по мнению В. И. Вернадского, – новое геологическое явление на планете, обусловленное превращением человека в «крупнейшую геологическую силу». Именно человек «своим трудом и мыслью» коренным образом перестраивает биосферу – область своей жизни. В ноосфере проявляется как планетарная, так и космическая функции человечества. Ноосфера, по мнению В. И. Вернадского, – это биосфера, разумно управляемая человеком.

Конкретизируя основные положения теории ноосферы В. И. Вернадского, выделим следующие ее принципы.

Принцип планетарности деятельности. Человечество, взятое в целом, рассматривается как мощная геологическая сила. Воздействие производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности (техногенез) на биосферу приобретает масштабы, радикально изменяющие ее биогеохимические параметры.

Принцип активности мышления. Именно силой мысли создается «вторая природа» (техносфера), являющаяся материализацией духовных процессов. Мысль (разум), перестраивая биосферу в процессе труда (в самом широком смысле слова), выступает в качестве активного преобразователя природной среды.

Принцип антропоцентризма. Мыслительная функция человека («мыслящий человек есть мера всему») превращает его в «огромное планетное явление». Биоценозы сочетаются с возникновением антропоценозов (*греч.* anthropos – человек), в рамках которых человек является доминирующим видом, а его деятельностью определяется состояние и перспективы естественных экосистем. Именно человек рассматривается как центр, в котором объединяется разумное начало с материальной деятельностью.

Принцип управляемости. Глобальный характер человеческой деятельности актуализирует проблему управляемости социально-экологическими процессами. Это обеспечивается, во-первых,

высоким уровнем интеграции научного знания, и, во-вторых, тенденцией к взаимосвязи большинства стран мирового сообщества.

Принцип космизма. Жизнь, возникшая на планете Земля, предстает как результат действия сил космического порядка. В своем становлении и развитии деятельность человечества как «единого целого», изменяя направления и характер традиционных физико-химических процессов биосферы, превращается в фактор космического масштаба. Выход человека в космическое пространство свидетельствуют о расширении антропогенной деятельности за пределы биосферы. Тем самым человечество получает предпосылки для воплощения своей космической функции.

Принцип наукоцентричности. В. И. Вернадский связывал вхождение в ноосферу с развитием науки, активизацией научного творчества. По его мнению, научное творчество – сила преобразующая биосферу, способствующая становлению нового типа взаимоотношений в системе «человек–биосфера».

Отметим некоторые характеристики науки, обеспечивающие ее высокий статус в становлении ноосферы.

Интегративность. В. И. Вернадский обратил внимание на то, что развитие научной мысли происходит в процессе доминирования дифференциальных тенденций в науке, усилении «отпочкования» и размежевания предмета естественных, технических и гуманитарных наук. По его мнению, фундаментальность задач стоящих перед «единым человечеством», требует усиления альтернативных – интегративных тенденций. Адекватное развитие научной мысли связывается им с расширением исследований не по наукам, а по проблемам. Именно такой подход позволит эффективнее выявить сущность изучаемого явления, добиться его системного исследования.

Социализация. Наука, по мнению В. И. Вернадского, не может ограничиваться лишь формированием научной картины мира. Действительно, если наука – «социальное всечеловеческое образование», то ее направленность на разрешение человеческих проблем представляется вполне логичной и обоснованной. Научная мысль должна стремиться к сочетанию познания истины с нравственными (ценностными) критериями. Именно поэтому им подчеркивалась нравственная ответственность ученого за результаты и возможные последствия применения научных открытий. В. И. Вернадский

сформулировал проблему «добра» и «зла» научных разработок; предостерегает от негативных последствий усиленного технико-антропогенного воздействия на биосферу, связанную с новыми научно-техническими открытиями.

Прогностичность. В. И. Вернадский отмечает, что «биогенный эффект» научной мысли, т. е. реальное воплощение ноосферных представлений, могут увидеть лишь «очень отдаленные потомки». Это не означает, впрочем, поясняясь им, что соответствующие изменения биосферы еще не видны. В. И. Вернадский, оценивая трансформацию естественных экосистем в процессе технико-антропогенной деятельности, фиксировал тенденцию их коренного изменения. И если процессы, происходящие в биосфере, носят стихийный (природный) характер, то в ноосфере, полагал В. И. Вернадский, создаваемой в результате действия «научной мысли человечества и его организованного труда», будут происходить явления, обусловленные целесообразной необходимостью, вызванные «сознательной деятельностью» человека и человечества. Более того, именно наука создает реальные предпосылки выработки стратегии гармоничного взаимоотношения элементов системы «человек–общество–биосфера».

Оптимистичность. В. И. Вернадский исходил из принципов оптимистического прогнозирования ноосферного развития человечества. Его оптимизм опирался, во-первых, на представление, в соответствии с которым преобразование биосферы в новое состояние – естественный геологический процесс. Поэтому, полагал В. И. Вернадский, этот процесс «не может прерваться и уничтожиться». Во-вторых, на то, что научная мысль человека может разработать обоснованную стратегию гармонизации взаимоотношений общества и биосферы. И, наконец, в-третьих, «единое человечество», опираясь на «государственно-организованную научную мысль», реализует ноосферную стратегию цивилизационного развития.

3. Автотрофно-ноосферная модель цивилизации будущего – предтеча УР-стратегии

В XX в. разработано немало проектов «спасения» современной цивилизации от надвигающегося глобального экологического коллапса. Прогностическая концепция В. И. Вернадского, однако, одна из первых в этом ряду.

Еще в 1920-е годы, учитывая перспективные тенденции развития мировой демографической ситуации и возможные последствия производственно-хозяйственной и социальной деятельности, В. И. Вернадский сформулировал, актуальный лишь спустя десятилетия, вопрос: как сочетать объективность экспоненциального роста мирового населения и общественного производства с необходимостью сохранения естественной среды обитания человека? Отвечая на него, В. И. Вернадский формулирует представление об «автотрофности человечества» (автотрофность: *греч.* *autos* – сам, *trophē* – питаю). Впервые в научной форме ставится вопрос о превращении человека из существа, почти полностью материально и энергетически зависящего от биосферы, в существо, относительно от нее независимое.

Реализацию своей концепции В. И. Вернадский связывал с выходом на уровень современных форм деятельности. Выделяется четыре ее направления, а именно:

– во-первых, использование нетрадиционных (альтернативных) источников энергии (гелиоэнергетика, энергия приливов и др.). При этом учитывались и возможности использования энергии атома. Более того, уже предвидя перспективы атомной энергетики, акцентировалось внимание и на ее возможных негативных последствиях;

– во-вторых, создание масштабного производства полимерных материалов, принципиально не отличающихся по своим свойствам от природных соединений. По существу, ставилась задача создания с помощью человеческой деятельности своего рода «второй природы»;

– в-третьих, производство искусственно-синтетических продуктов питания. Речь шла о том, что человечество в рамках целенаправленной производственно-хозяйственной деятельности может преодолеть свою фатальную зависимость от пищевых ресурсов биосферы;

– в-четвертых, эти элементы увязывались в некоторую единую, относительно замкнутую систему производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности общества. Тем самым предполагалось повысить «степень замкнутости» функционирования социума, приблизив его к процессам биосферы, для которых характерна цикличность (замкнутость).

К сожалению, эта концепция В. И. Вернадского показалась современникам «сумасшедшей», поэтому на долгие годы выпала, по существу, из научного обращения. Чем это можно объяснить?

Во-первых, концепция была обнародована в то время, когда реальность обострения мировой социально-экологической ситуации не воспринималась в полной мере ни научным сообществом, ни общественным сознанием. И, во-вторых, отсутствовали реальные условия (экономические, политические, технические и т. п.) ее осуществления.

Во второй половине XX в. идеи В. И. Вернадского во все большей мере выявляют свою эвристичность и социальную значимость. Конечно, отнюдь не все его представления (например, об искусственно-синтетическом питании) вышли на уровень практических решений. Вместе с тем значительная часть его воззрений (о необходимости атомной энергетики, создания полимерных материалов, цикличность производства и др.) получила активную реализацию в рамках современной цивилизации. В. И. Вернадский не только сформулировал проблему глобальных социально-экологических противоречий, но и предложил теоретический (и практический) механизм ее преодоления.

Автотрофно-ноосферная концепция создает предпосылки не только для экономического роста и удовлетворения потребностей социума, но и ориентируется на сохранение равновесия исторически сложившихся экосистем. Тем самым идеи В. И. Вернадского являются основой стратегии устойчивого развития, реализация которой предполагает разрешение тех же проблем. В их основе – удовлетворение рациональных потребностей социума и сохранение устойчивости традиционной биосферы.

4. Римский клуб: в поисках стратегии развития цивилизации

В середине XX в. на Западе возникло немало футурологических центров (Стэнфордский исследовательский институт, Комиссия – 2000 и др.), стремящихся представить контуры предвидимого будущего. В этой связи особый интерес представляет деятельность Римского клуба – неформальной общественной организации, созданной (1968) для выявления «затруднений

человечества), экстраполяция которых ставит под угрозу не только благосостояние, но и выживание мирового сообщества.

Римский клуб инициирует группы специалистов для подготовки соответствующих исследований, результаты которых публикуются в форме «докладов». Уже представлено более 30 фундаментальных публикаций, начиная с первого доклада – «Пределы роста» (1972), и кончая последними из них – «Фактор 5» (2009), где позитивное развитие мировой цивилизации связывается с рационализацией использования природных ресурсов; и «Синяя экономика» (2010), в котором инновации рассматриваются как фактор, обеспечивающий устойчивое экономическое развитие социоприродных систем.

В совокупности всех докладов представлен достаточно полный арсенал «затруднений», волновавших человечество в XX в., и ожидаемых в XXI столетии. Отметим их некоторые характерные тенденции.

Системность «мировой проблематики»

Римский клуб выделил совокупность проблем, острота и нерешенность которых угрожают цивилизации; обратил внимание на ее «более точки», затрагивающие жизненные интересы как отдельного человека, так и человечество в целом.

Трудно, по существу, назвать проблему общечеловеческого масштаба, которая не стала бы предметом анализа Римского клуба. Конечно, и раньше глобальная проблематика (экологические перспективы цивилизации, демографические процессы, ситуация в странах «третьего мира», технологические противоречия и др.) обсуждалась не менее обстоятельно и фундаментально, но Римский клуб стал одним из немногих научных центров, исследующих их совокупность, стремясь показать взаимосвязь и взаимозависимость отдельных элементов мировой системы.

Моделирование глобальных процессов

Под эгидой Римского клуба было разработано первое поколение компьютерных моделей, предназначенных для исследования долгосрочных тенденций мирового развития. Метод глобального моделирования позволяет «проигрывать» альтернативные варианты поведения мировой системы.

Динамика соотношения ряда переменных (рост мирового населения, масштабы промышленного производства, объемы использования природных ресурсов и др.) зафиксировала реальность «физических пределов» мировой системы, обусловленных, с одной стороны, ростом численности населения планеты и масштабами производственно-хозяйственной деятельности, а с другой – сравнительной ограниченностью природно-ресурсных возможностей биосферы и ее емкости. В рамках глобального моделирования было показано, что экспоненциальная стратегия роста, характерная для цивилизации современного типа, не имеет исторической перспективы.

Разработка мировой стратегии развития

В 1970-х годах Римский клуб не только сформулировал «диагноз болезни» современной цивилизации, но и выписал необходимые «рецепты» лечения. Преодолеть надвигающийся «экологический коллапс» предполагается в процессе отказа от экспоненциального роста и перехода к «глобальному динамическому равновесию» (концепция «нулевого роста»). Позднее было сформулировано представление об «органическом росте», в рамках которого должна была учитываться специфика развития различных регионов мира. Снятие социоприродных противоречий рассчитывается в рамках концепции «экологического развития» как баланса между потребностями социума и естественными возможностями биосферы.

В 1980-х годах Римский клуб расширил поиск новых ориентиров развития цивилизации («сбалансированный рост», «гармонический рост» и др.). Позднее была выдвинута концепция «всемирной солидарности», предполагающая «совместное развитие» различных систем мирового сообщества.

Многолетние теоретические разработки, выполненные под эгидой Римского клуба, стали одним из важнейших оснований формирования мировой стратегии, ориентированной на обеспечение сочетание национальных интересов и коэволюции элементов системы «человек–социум–биосфера» как настоящих, так и будущих поколений.

Развивающиеся страны в мировой динамике

Большая часть из представленных материалов Римского клуба посвящена проблемам «третьего мира». Процессы, происходящие

в развивающихся регионах, оказывают существенное воздействие на мировую динамику, осложняя экономическое положение, дестабилизируя политическую ситуацию, усугубляя экологическую деградацию и др. Особое значение приобретает «исламский фактор».

В 1970–1980-х годах «третий мир» все более отчетливо выявлял дифференциальный характер социально-экономического развития. С одной стороны, возникли «новые индустриальные страны» (Гонконг, Сингапур, Тайвань и др.), вышедшие на мировые показатели роста; особенно динамично развивались Китай, Индия, Бразилия и некоторые другие страны Азии и Латинской Америки. С другой стороны, большей части развивающихся стран, особенно в Африке, не удается смягчить остроту противоречий (в экономике, демографии и т. п.).

Еще в 1970-х годах Римский клуб поддержал концепцию «перестройки международного порядка» как форму выражения устранения «несправедливости» (прежде всего в социально-экономической сфере) в системе взаимоотношений между развитыми и развивающимися странами. И в 80-х годах противоречия между «богатым Севером» и «бедным Югом» отнюдь не смягчаются, приобретая подчас антагонистические формы выражения. Стратегия преодоления «конфликта цивилизаций» в общем виде исходит из того, что, с одной стороны, развитые страны должны в большей степени учитывать интересы «третьего мира», а с другой – развивающиеся страны более динамично сочетать национальные особенности с конструктивным опытом мирового развития.

Римский клуб устремлен в будущее – его современная программа ориентирована на изучение возможных сценариев развития цивилизации к середине XXI в. В ее рамках идет мучительный поиск ответа на вопрос: как избежать цивилизационного тупика «пределов роста», когда традиционные модели социально-экономического развития оказываются в жесткой конфронтации с реалиями биосферы? И их ответ все больше склоняется к признанию позитивных перспектив для мира реализации стратегии устойчивого развития.

Глава 3

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

1. К основаниям глобализации

Термин «Globalization» получил особое распространение в последней четверти XX в. Его франкоязычный аналог – «мондиализация» (*франц.* monde – мир).

Английский термин «Globalization» (существительное) переводится как «глобализация» (т. е. как отглагольное понятие). Русской глагольной форме соответствует термин «to globalize» (Globe – земной шар), означающий глобальное (планетарное) воздействие на что-либо. Следовательно, с этимологической точки зрения глобализация представляет, с одной стороны, феномен (явление), а с другой – процесс, обусловленный масштабами и характером производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности цивилизации¹.

Еще в начале 1990-х годов в каталогах крупнейших книгохранилищ мира (Британский музей, Библиотека конгресса США, Российская национальная библиотека и др.) указывалось лишь несколько десятков соответствующих публикаций. На рубеже XX–XXI вв. исследования в области глобализации стали одними из определяющих направлений мировых социокультурных и гуманитарных разработок, а также в областях, связанных с высокими технологиями, информатикой, климатологией и др.

При этом отсутствует четкое и достаточно определенное представление о сущности феномена глобализации. Одна из определяющих сущностей глобализации, с чем согласно, кажется, большинство исследователей, – ее противоречивость. Это находит даже терминологическое выражение при стремлении характеризовать специфику современных мировых процессов («глокализация», «фрагментативность» и др.), пытаясь зафиксировать соотношение глобальности и локальности, фрагментарности и интегративности, централизации и децентрализации и т. п.

---

¹ Лось В. А. Основания глобализации. – М.: РАГС, 2010.

Ведутся обширные и бурные дискуссии не только о сущности глобализации. Более того, ставится под сомнение даже сама реальность этого феномена, который, с одной стороны, существует – вряд ли уместно отрицать, например, планетарную роль информации в цивилизационной динамике; с другой стороны, распространение информации носит объективно исторический характер – человек передавал информацию с помощью ударов барабана, колокольного звона, изобретением книгопечатания, радио, телевидения. Конечно, мировые компьютерные коммуникации вносят существенные изменения в информационный процесс (увеличивается скорость обмена, масштабность и т. п.).

Но возникает вопрос: вносит ли компьютеризация (по сравнению с распространением книги или радио) нечто новое, что радикально влияет на характер исторической динамики, приобретающей какие-то новые черты и грани? Отнюдь не всегда дается положительный ответ на этот вопрос.

Тем не менее многочисленные исследования в сфере глобализации как зарубежные, так и отечественные позволяют приблизиться к пониманию этого феномена.

Первоначально глобализация трактовалась преимущественно в экономическом смысле. Постепенно, однако, этот феномен приобретал более широкую трактовку, а именно: социально-политическую, научно-технологическую, социально-экологическую, социокультурную, прогностическую и др.

Исходя из этого, формулируются и различные точки зрения на его сущность. Отметим наиболее распространенные из них.

Одни исследователи (условно обозначим их как «экономисты») связывают сущность глобализации с распространением рыночных отношений на всю совокупность мирохозяйственных отношений. Транснациональные корпорации (ТНК), планетарные институты глобального управления (Всемирная торговая организация; Международный валютный фонд и др.) рассматриваются в качестве доминирующих субъектов глобализации. Под их воздействием формируется относительно единый мировой рынок товаров и услуг, который функционирует по законам, отличающимся от соответствующих закономерностей национальных (и региональных) социально-экономических систем.

«Технологи» акцентируют внимание на достижениях научно-технического (и технико-технологического) развития, имеющих

общие истоки (в теоретической физике, генетике, информатике, нанотехнологии и др.), создавших предпосылки и условия для современного научно-технического динамизма, объединяющего как развитые, так и развивающиеся страны мирового сообщества. Научно-техническая деятельность, реализуемая в производственных системах, утрачивает национальную специфику, ибо ТНК, интегрируя структуры в различных странах и регионах, ориентируются на решение единой целевой установки.

«Информационисты» доказывают, что именно планетарная масштабность и интенсивность информационных процессов, затрагивающих все, в сущности, сферы человеческого бытия (Интернет, мобильная связь, телекоммуникации и др.), определяют специфику современного цивилизационного развития. Более того, информатизация рассматривается как новая сфера производства, в рамках которой повышается степень «нематериальности» деятельности, когда все большая ее часть «выводится» из области материального производства. При этом материальная форма деятельности все в большей мере становится функцией нематериального производства.

«Политологи» связывают сущность глобальных процессов с изменениями «геополитической конфигурации», сформированной после Второй мировой войны (образование системы «биполярного мира»). Одни исследователи исходят из того, что доминирующие формы современной глобализации носят «монополярный» характер, преимущественно отождествляемый с американизацией (Рах Америгана), учитывая реальное воздействие (военное, экономическое, политическое, информационное, технологическое и др.) Америки на мировые процессы. Другие – акцентируют внимание на усилении «полиполярности» глобального развития, образовании других центров мировой динамики.

«Экологи» утверждают, что изменения естественных экосистем под воздействием производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности цивилизации приобретают такие реальные масштабы, что под реальной угрозой оказывается само существование человечества. Выживание и позитивное развитие цивилизации связываются с глобальными трансформациями сложившейся цивилизационной модели во всех ее проявлениях (управленческой, потребительской, технологической, культурологической и т. п.).

«Культурологи» обращают внимание на унификацию социокультурного процесса под воздействием глобализации, которая в широком контексте трактуется как вестернизация, т. е. экспансия западных ценностей и стереотипов. Этот процесс нередко рассматривается как «свертывание» социокультурного многообразия цивилизации. При этом подчеркивается, что «растворение» культурных национальных особенностей под влиянием мировых процессов повышает степень «цивилизационной неустойчивости» в динамике исторического развития.

«Философы» рассматривают глобализацию, например, как взаимосвязь единичного и всеобщего. С философской точки зрения анализируется диалектика частного и целого, в рамках которой эти элементы, взаимодействуя между собой, выходят на уровень искомой интегративности системы любой степени сложности.

Очевидно, процесс глобализации – системный феномен, требующий комплексного подхода, учета самых различных аспектов и точек зрения. И в этом смысле абсолютизация любого аспекта или точки зрения не соответствует его интегральной сущности.

При этом приверженцев различных трактовок и точек зрения на глобализацию можно объединить, исходя из их оценки актуальных (и потенциальных) последствий реализации этого процесса, а именно: выделяются «оптимисты», «пессимисты» и «реалисты».

«Оптимисты» исходят из представлений, в соответствии с которыми глобализация трактуется как сугубо позитивный феномен. Для них характерна абсолютизация принципа «наполовину полного стакана», когда любые явления, процессы и тенденции, связанные с глобализацией приобретают положительную оценку. Глобализация трактуется как принципиально новый феномен, радикально изменяющий реальности и перспективы цивилизации.

В основе их представлений – позитивная интерпретация западной модели развития с ее свободно-рыночными механизмами, демократическими принципами, социально-экологическими стереотипами, культурологическими предпочтениями и т. п. С этой точки зрения вестернизация преимущественно оценивается как процесс, обуславливающий динамизм мировой цивилизации, в том числе и развивающихся стран, что и обеспечивает, в рамках оптимистических представлений, смягчение неравенства, прежде всего, социально-экономического, между отдельными странами мирового сообщества.

«Оптимисты» трактуют глобализацию как необратимый процесс. Это объясняется тем, что рыночные отношения обеспечивают реализацию именно такого направления динамики цивилизации.

При этом глобализация интерпретируется в качестве феномена, выводящего цивилизационный процесс на уровень «разотчуждения» личности. Предполагается, что создаются все более широкие возможности для гармоничных взаимоотношений человека, социума и биосферы, всестороннего развития личности на основе расширяющихся экономических и социокультурных предпосылок.

Напротив, «пессимисты» опираются на принцип «наполовину пустого стакана», в соответствии с которым акцент ставится на сугубо негативных сторонах глобализации. Более того, глобализация не рассматривается как принципиально новый феномен в динамике мирового развития. Речь должна идти, как доказывается, лишь о количественных изменениях в системе цивилизации (рост объемов экономики, масштабов демографического роста и др.) и об усилении информационной составляющей цивилизационного процесса. При этом утверждается, что качественных изменений в динамике мирового развития реально не происходит.

Вместе с тем обстоятельно выявляются «ошибки глобализма»; истоки «искушения глобализмом» и т. п. С этой позиции вестернизация трактуется нередко как «западня», «атака на процветание и демократию»; стремление западной цивилизации, абсолютизовав свои стереотипы и ценности, решать собственные проблемы (экономические, ресурсные, экологические и др.) за счет развивающихся стран. Более того, глобализация, исходя из воззрений пессимистического характера, усугубляет неравенство (экономическое, научное, экологическое, социокультурное и др.) отдельных стран и регионов.

«Пессимисты» полагают, что глобализация может иметь обратимый характер. Это объясняется тем, с их точки зрения, что динамика глобализации связана с доминированием государственных форм управления. Иначе говоря, представляются целесообразными такие политические решения, которые могут иметь антиглобалистскую направленность.

Более того, утверждается, что глобализация обуславливает усиление «отчуждения» личности, т. е. усугубляются противоречия между человеком, социумом и биосферой. Человек, опутанный

социально-экономическими и социальными связями, окончательно утрачивает статус личности, стремящейся и могущей достичь свободы.

«Оптимисты» и «пессимисты» стоят на точке зрения поляризованного научного сознания, исповедующего выраженные идеологические стереотипы. Первые придерживаются преимущественно рыночных (неолиберальных) идеалов; вторые – исходят из доминанты государственной модели управления различной степени жесткости.

И, наконец, «реалисты» пытаются дать, по возможности, объективную трактовку глобализации, оценить реальную «наполняемость стакана». Если обратиться к примеру с вестернизацией, то реальный подход к этому феномену предполагает изучение как позитивных (экспансия эффективных моделей управления, экономики, технологии, природоохранных стереотипов и т. п.), так и негативных (навязывание западных моделей потребления, унификация культур и др.). Соотношение позитивных и негативных последствий вестернизации (как формы выражения глобализации) и предполагает выход на уровень их возможной объективной (реалистической) оценки.

Вместе с тем «реалистическая» точка зрения отчасти характеризуется затрудненностью определенного ответа на возникающие вопросы. «Реалистам» присущ принцип «с одной стороны и с другой стороны», в соответствии с которым явление или процесс оцениваются с различных точек зрения. Однако окончательное решение вопроса остается открытым. Впрочем, вряд ли можно рассчитывать на получение однозначных ответов на вопросы, имеющие имманентно интегральный и противоречивый характер.

При этом, однако, выделяются некоторые базовые элементы глобализации, воспринимаемые в качестве достаточно объективных характеристик этого процесса. Отметим некоторые из них.

1. Развал «советской империи» оценивается как один из решающих факторов, создавших реальные предпосылки для перехода от «гетерогенной цивилизации» (противоречия различной степени остроты между ее капиталистической и социалистической формами) к сравнительно «гомогенной цивилизации», где утрачивается статус формационных противоречий. Глобализация, в общем, воспринимается как процесс формирования относительно единой планетарной социоприродной системы.

Уточним: в начале 1990-х годов, т. е. к моменту трансформации СССР в Россию, действительно, представлялось, что «степень гомогенизации» цивилизации будет увеличиваться. Предполагалось, что распространение рыночных отношений создаст условия для преодоления противоречий различного рода, в том числе между Россией и «рыночным миром». К сожалению, оказалось, что цивилизационные противоречия отнюдь не уменьшились, а напротив – обострились, особенно между цивилизациями западного (христианского) и восточного (исламского) типов. Тем не менее глобализация не утрачивает, в целом, своего интегрирующего воздействия на отдельные страны и их совокупность.

2. Реализация тенденции к формированию относительно единой планетарной социоприродной системы обусловлена тем обстоятельством, что повышается статус условий (экономических, информационных, технологических и др.), обеспечивающих усиление взаимосвязи и взаимозависимости стран на национальном, региональном и международном уровнях. Скажем, расширение информационных процессов на основе современных рыночных отношений с использованием высоких технологий – важнейшие условия интегративных взаимодействий в рамках цивилизации.

3. Именно на рубеже XX–XXI вв. стало окончательно очевидным, что экстраполяция мировых современных социокультурных тенденций ведет к реальной экологической деградации цивилизации, перспективной угрозе выживания человечества. Преодолеть цивилизационные социально-экологические противоречия, как оказывается, в принципе возможно, однако не на локальном или региональном, а лишь на планетарном уровне.

4. Цивилизация современного типа может (и должна) рассчитывать на историческую динамику в XXI в., сохраняя национальную идентичность отдельных стран и народов, преодолевая вместе с тем государственную дифференциальность в процессе выхода на уровень консенсуса национальных и общечеловеческих ценностей и стереотипов.

Следовательно, глобализация – объективный процесс, имеющий истоки, специфику реализации в современных условиях, когда его (процесса) особенности проявляются наиболее отчетливо. Наметим особенности глобализации современного типа.

Во-первых, несмотря на цивилизационные противоречия, реально создана сравнительно целостная мировая социально-

экономическая система, интегрирующая в той или иной мере и степени национальные и региональные структуры.

Во-вторых, сохранение института национальных государств сочетается с восприятием планетарных (глобальных) отношений как относительно доминирующих в совокупности международных взаимоотношений.

В-третьих, фиксируется сравнительное сокращение исторически складывающихся регулирующих функций национальных государств, передающих неуклонно (вольно или невольно) часть своих полномочий, особенно в экономической сфере, системе международных учреждений и организаций.

В-четвертых, намечаются изменения традиционной конфигурации мировых центров влияния всего XX в.: от бипентризма (Европа и США в его начале) к биполярности (СССР и США – Европа в его середине) и моноцентризму (американоцентризму в его конце), трансформируемому в полицентризм (США, Европа, Евразия, Китай, Индия и другие в начале XXI в.), что, несомненно, является результатом глобализации.

В-пятых, никогда в динамике цивилизации острота социально-экологических противоречий не приобретала такой планетарный характер, реально осложняя позитивные перспективы мирового социума и даже угрожая историческому выживанию человечества.

В-шестых, актуальные (и потенциальные) возможности научно-технического прогресса оказываются столь велики, что в перспективе цивилизация может, если не отказаться, то существенно сократить материальную деятельность, повысив «степень виртуализации» бытия.

В-седьмых, интенсификация процессов унификации социокультурных вещей и явлений сочетается с невиданным в цивилизационной истории стремлением к сохранению и укреплению национальной идентификации во всех ее проявлениях (культурологических, бытовых и т. п.).

Выделяются условно три направления исследования глобализации. А именно: по горизонтали, вертикали и горизонтально-вертикальное.

В рамках горизонтального направления процесс глобализации рассматривается преимущественно в естественно-историческом контексте. В его русле выявляются истоки глобализации, специфика ее современного развития, анализируются перспективы и др.

Вертикальное направление предполагает изучение структуры феномена глобализации. В его рамках глобализация предстает как системный феномен, усложненной структуры организации. Исследуется, например, трансформация механизма управления глобализацией в исторических условиях, когда национальное государство делегирует частично свои функции международным структурам.

Очевидно, однако, что горизонтальное и вертикальное направления исследования находятся во взаимосвязи. Поэтому объективно реализуется промежуточное направление, в рамках которого глобализация трактуется как многоуровневый системный феномен.

При этом выделяются два подхода в его интерпретации. Один из них – унификационный, а другой – цивилизационный.

Унификационный подход предполагает, что глобализация как бы «подтягивает» национальные модели развития к образцу, признанному за эталонный. Исторически в качестве такового выступала, например, античная модель развития, которая в известном смысле генерировала становление мировой цивилизации западного типа. На рубеже XX–XXI вв. эти функции выполняет американская модель, которая, несмотря на существенные недостатки, по-прежнему экономически эффективна и социально привлекательна.

Цивилизационный подход исходит из того, что глобализация – «плавильный котел», в котором смешиваются различные национальные модели, стереотипы и представления. В результате «плавки» формируется, как предполагается, социоприродная система универсального многообразия как основа единой общечеловеческой модели развития, где многообразие национальных стереотипов оборачивается определенным единством.

Обобщая сказанное выше, приходим к фиксации трехуровневой структуры интерпретации сущности глобализации.

На первом уровне глобализация трактуется как объективный естественный всемирно-исторический процесс. В этом контексте история цивилизации предстает в виде неуклонного пространственно-временного расширения ареала существования человечества, когда локальные человеческие поселения, расширяясь и укрупняясь, постепенно образуют некоторую социокультурную и социоприродную целостность.

В качестве возможного объяснения этого процесса применяется, в частности, концептуальная модель «центр – периферия».

В соответствии с этой концепцией динамика цивилизации происходит следующим образом. Первоначально возникает центр мирового развития (к примеру, античный военно-политический и социокультурный центр), влияние которого под воздействием как центробежных, так и центростремительных сил распространяется на другие регионы планеты (как это было характерно для Римской империи).

При этом исторический опыт показывает: становление и развитие цивилизации отнюдь не линейный процесс; его вряд ли можно рассматривать как неуклонную пространственно-временную экспансию мирового социума по восходящей. Историческая динамика носит прерывно-пульсирующий характер, т. е. чередование «расцвета» и «заката» великих цивилизаций (древнеегипетской, античной и др.). Тем не менее, несмотря на исторические «зигзаги», цивилизационная динамика в целом имеет позитивную направленность, особенно, если принимать во внимание научно-технический, производственно-хозяйственный или экономический контексты развития.

На втором уровне глобализация трактуется как универсализация мирового исторического процесса. В этом случае реализуются, по крайней мере, три подхода.

Во-первых, глобализация интерпретируется в качестве синонима вестернизации, когда совокупность западных стереотипов (социально-экономических, политико-идеологических, социокультурных и т.п.) оборачивается унификацией (стандартизацией) национальной модели развития. В более узком смысле глобализация вольно или невольно ассоциируется с американизацией, учитывая степень воздействия американских стереотипов на все, в сущности, сферы и стороны современной цивилизации.

Во-вторых, особенно это характерно для начала XXI в., глобализация во все большей мере воспринимается как процесс, создающий предпосылки для эффективной динамики развивающихся стран, адаптирующих западные стереотипы (в ментальности, экономике, технологии и т. п.). При этом реальный динамизм ряда развивающихся стран («азиатские тигры») позволяет сформулировать тезис, в соответствии с которым глобализация постепенно ассоциируется с ориентализацией (востоко-центризмом) – доминантой восточного пути развития цивилизации, особенно в прогностическом контексте.

И, наконец, на третьем уровне формируется представление, исходящее из того, что универсализация мирового развития – историческое балансирование между вестернизацией и ориентализацией. Иначе говоря, ни западный, ни восточный пути развития в «чистом» виде не обеспечивают позитивный искомый динамизм цивилизации.

В этом контексте глобализация воспринимается преимущественно как социально-политический процесс, когда оценивается трансформация исторически сложившихся представлений о статусе национального государства. Расширение глобализации актуализирует поиск ответа на следующий вопрос: если государство генетически является функциональной базисной единицей всемирно-исторического процесса, то трансформируется ли (и как) этот его (государства) статус в иерархии цивилизационной динамики?

Очевидно, что глобализация неуклонно и необычно интенсивно расширяет межгосударственные взаимоотношения; более того, рост этих взаимоотношений во все большей мере выступает в качестве одного из определяющих условий позитивного развития национальных государственных образований (государств). Формирование неправительственных структур как в отдельных сферах (военной – НАТО, финансовой – Всемирный банк, торговой – ВТО, экологической – ЮНЕП и др.), так и более общего характера (ООН, ЮНЕСКО и др.) – реальный пример того, что именно эти структуры постепенно оттягивают на себя управленческие функции традиционного государства. Анализируются пути компромисса между ролевыми функциями и статусом государственных и межгосударственных образований, ибо глобализация значительно «свертывает» традиционные управленческие возможности национального государства и расширяет функции наднациональных структур.

Итак, в первом приближении глобализация – естественно-исторический и социокультурный процесс формирования сравнительно целостной планетарной социоприродной системы, на основе взаимосвязи и взаимозависимости как национальных, так и региональных подсистем во всех сферах (экономической, политической, социальной, научной, информационной, экологической, культурологической и др.) функционирования современной цивилизации.

2. Концептуальные подходы к анализу глобальных процессов

Выделим несколько концептуальных моделей феномена глобализации. Обозначим их основные характеристики.

Концепция «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон). В ее рамках сформулировано представление о «столкновении цивилизаций» («clash of civilization»), в соответствии с которым глобализация трактуется как процесс противостояния цивилизаций (и культур) различных типов.

С. Хантингтон выделяет восемь цивилизаций: западная, православная, китайская, японская, мусульманская, индийская, латиноамериканская и африканская. При этом взаимоотношения между ними рассматриваются в контексте реальных столкновений (конфликтов) различных уровней и масштабов между цивилизациями западного и восточного типов – преимущественно между западной цивилизацией и исламской, а также и китайской цивилизациями.

Глобализация, с одной стороны, трактуется как фактор и условие цивилизационного динамизма; с другой стороны, экспансия глобализации обуславливает динамическое развитие не только западных, но и восточных социокультурных систем. В результате мировая политическая система, структурированная в XX в., утрачивает свою традиционную биполярность. Образуется несколько центров политического (и экономического) влияния (один из них – Китай), мировая экспансия которых может привести, в соответствии с этой концепцией, к планетарным геополитическим конфликтам.

Очевидно, что С. Хантингтон опирается (вольно или невольно) на классические цивилизационно-культурологические построения (Н. Данилевский, О. Шпенглер и др.), исходящие из циклически дифференцированного развития социумов. Причем историческая динамика цивилизаций обуславливается преимущественно конфликтными (военными) ситуациями между ними (военно-стратегическая победа Рима над Карфагеном, варваров над древним Римом и т. п.).

В этом контексте исторические параллели С. Хантингтона вполне понятны. Расцвет, например, мусульманской цивилизации, пришедший на период европейского Средневековья (VIII–XII вв.),

выраженный в росте численности населения, сравнительно высоком уровне экономического развития, техническом прогрессе, образовании и т. п., завершился ее упадком. Мусульманская цивилизация превратилась в колониальную структуру западной цивилизации. В рамках «исторического циклизма» логично прогнозирование подъема и расцвета мусульманской цивилизации. Предполагается, что к середине XXI в. четверть мирового населения будет исповедовать ислам; т. е. по количеству населения будет соперничать лишь с христианством.

Аналогичные исторические параллели прослеживаются и в отношении Китая. Древний Китай, достигший расцвета во многих областях человеческой деятельности, исчерпал свой потенциал к тому времени, когда западная цивилизация лишь набирала темпы исторического развития. Начало XXI в. знаменует новый виток исторического цикла: происходит возрождение китайской цивилизации. Это выражается в масштабах демографического роста, динамизме национальной экономики, научно-технологическом прогрессе и т. п.

В конечном счете, если следовать концепции С. Хантингтона, возрождение восточных цивилизаций, в особенности исламской и китайской, масштабность их экономического и социокультурного динамизма, неизбежно приведет к историческому «столкновению» цивилизаций западного (христианского) и восточного (исламского) типов. По его мнению, глобализация ведет к усилению «степени вероятности» межкультурных и межрелигиозных конфликтов, углублению процесса «фрагментации» мировой социокультурной системы, расширению «линии разлома» между западными и незападными цивилизациями.

Концепция «конца истории» (Ф. Фукуяма). «Конец истории» («end of history») – трактовка идеологической эволюции человечества в направлении, ведущем к планетарному доминированию либеральных демократических ценностей.

Ф. Фукуяма считает, что в рамках западной цивилизации, в процессе экономического и социокультурного развития, были созданы наиболее адекватные условия для формирования гражданского общества либерально-демократического типа. После распада «советской модели» социализма в мире были созданы условия, обеспечивающие фактически неограниченную экспансию

либеральных демократических ценностей. Им выделены лишь три «ограничителя» этого исторического процесса – фашизм, исламизм и неолевизм, которые отнесены к маргинальным факторам мирового развития. Ф. Фукуяма полагает, что, несмотря на рецидивы неолевизма, исламский экстремизм и возможные элементы социализма, западноевропейские (а в особенности – американские) ценности в перспективе будут приобретать отчетливо доминирующий характер, ибо демократический либерализм не имеет, по его мнению, реальной альтернативы.

Западоцентризм (европоцентризм) в различных формах (философской, идеологической, экономической, социокультурной и др.) – одна из определяющих социокультурных концепций. Отметим важнейшие из них.

Философский христианоцентризм (Гегель). Высшая ценность гегелевской философии – свобода человека, его духовное освобождение и возрождение. С человеком связана духовная сущность бытия, пронизывающая природные и социальные явления и вещи. При этом именно в социуме происходит процесс познания свободы духа.

Историческая динамика осознания свободы проходит, в гегелевской концепции истории, тройственный путь. А именно: античная история как осознанность свободы (рабская свобода); восточная история как неосознанная свобода (рабство); германская история как христианская свобода. Тем самым германская (западноевропейская) история трактуется в качестве вершины интеллектуальной (духовной) свободы человека христианского типа личности.

Демократический монизм (К. Поппер). Выделяются два типа социальных систем, а именно: закрытое и открытое общества. Если в рамках «закрытого общества» индивидум принимает решения на основе идеологических стереотипов, то в системе «открытого общества» принятие решений предстает как результат творчества.

Основа государственного устройства открытого общества – демократия, которая трактуется как наилучшая форма социального управления, эффективно «работающая» во всех сферах человеческой деятельности, в том числе и в экономике. Экономика открытого типа, т. е. свободная в принятии решений, обмене информации и т. п., демонстрирует, по мнению К. Поппера, свою эффективность

по отношению к экономике закрытого типа. В сущности, «открытое общество» отождествляется с реальной моделью «капиталистического общества», которое и провозглашается, по существу, наиболее адекватной формой развития социума.

Концепция К. Поппера, сформулированная в середине 1940-х годов, как альтернатива социалистической (советской) модели развития, вполне вписывалась в стратегию конфронтации двух антагонистических социально-экономических систем. В 1990-х годах Дж. Сорос, стремясь адаптировать попперовскую модель к реалиям процессов глобализации, сформулировал тезис, в соответствии с которым открытое общество не есть общество совершенное, а трактуется как несовершенное общество, но всегда открытое для усовершенствования. Тем самым демократическая ориентация открытого (западного) общества вводится в реалии XXI в.

Геополитический гегемонизм (З. Бжезинский). Глобализация трактуется как фактический синоним американизации – планетарной экспансии национальной (США) модели развития. Доказывается, что речь идет о «гегемонии нового типа», ибо на «великой шахматной доске» (мировой геополитической системе) США занимают лидирующий статус, сохраняемый и в перспективе.

И если вся вторая половина XX в. исходила из двухполюсности (США – СССР) мировой геополитической стратегии, то после распада «мировой социалистической системы» американская гегемония трактуется как объективный фактор мировой динамики. З. Бжезинский считает, что американские политические институты и свободная рыночная экономика создали беспрецедентные возможности для американской экспансии в мировом масштабе. Иными словами, американизация трактуется как объективный и позитивный процесс мировой динамики.

Экономический центризм капитализма (И. Валлерстайн). Сформировано, опираясь, в частности, на идеи Ф. Броделя, представление о мировой социокультурной системе (мир-система). Мир-система подразделяется, с одной стороны, на «центр», представляющий собой совокупность обществ, преимущественно западного цивилизационного типа, эффективных в процессе модернизации, а с другой – на «периферию», включающую общества, преимущественно незападного типа, испытывающих трудности на путях модернизации.

Анализ показывает, что на рубеже XIV–XV вв., когда закладывались основы современной капиталистической мир-системы, создались уникальные исторические условия (начало Великих географических открытий, ослабление универсальных империй прошлого и др.). В результате сложилась европейская колониальная система, которой удалось, используя интеллектуальный внутренний потенциал и ресурсы периферии, сформировать цивилизацию западного типа, положенную в основание эффективной модернизации. Западная (капиталистическая) цивилизация (центр), прокладывающая путь к модерну, рассматривается как адекватная модель для конструктивного развития цивилизаций другого типа (периферии). Именно в процессе вестернизации, учитывающей национальную специфику, периферийные цивилизации могут рассчитывать на преодоление своей социально-экономической отсталости от центра.

Отмеченные выше концептуальные модели, несмотря на временную дифференциацию и существенные различия, объединяют некоторые общие элементы. Важнейший их тезис в том, что стереотипы западной цивилизации в наибольшей степени соответствуют мировым потребностям. Иными словами, западная экспансия (идеологическая, экономическая, политическая, технологическая и др.) трактуется преимущественно, несмотря на определенные трудности и противоречия (например, экологические), как позитивный фактор мировой динамики.

И Ф. Фукуяма, и С. Хантингтон сформулировали положения, которые уже встречались в работах их предшественников. Однако им удалось привлечь внимание широкой общественности, вызвать немалый резонанс в мире. В чем причина этого?

Во-первых, это были одни из первых публикаций, попытавшихся проанализировать последствия для мировой политической системы тех радикальных процессов, которые происходили в СССР (и России) на рубеже 1990-х годов. Во-вторых, эти публикации появились на страницах известных американских изданий – «The National Interest» (F. Fukuyama, 1989) и «Foreign Affairs» (S. Huntington, 1993). И, наконец, в-третьих, публицистичность работ и намеренная неопределенность провокационных заглавий («Конец истории?» и «Конфликт цивилизаций?»).

И уже через несколько лет стало очевидно, что получить адекватные ответы на поставленные вопросы отнюдь не просто. И если

в 1990-х годах представлялось, что доминирование демократических принципов и рыночных отношений обеспечивает конструктивную экспансию глобализации, то к началу XXI в. «степень конфликтности» различных подсистем мировой цивилизации повысилась. Иными словами, процесс глобализации в очередной раз демонстрирует свою реально выраженную противоречивость.

Глобализация в российском контексте. Концепции глобализации в условиях России, появившиеся на рубеже XX–XXI вв., – ответ в рамках национального сознания на трудности и противоречия российских реалий (развал «советской империи», изменение статуса России в мировой политике и др.). Выделим их некоторые характерные тенденции.

Неоантизападничество. В процессе развития идей позднего славянофильства (Н. Данилевский и др.), в стремлении, в сущности, адаптировать их в новых исторических условиях, доказывается, что западные (капиталистические) страны обеспечивают цивилизационный динамизм преимущественно за счет ресурсов (природных, человеческих и др.) других стран, в том числе и в России.

С экономической точки зрения, например, глобализация трактуется как стремление западного (мирового) рынка «втянуть» Россию в свою систему (именно в этом контексте рассматриваются взаимоотношения с ВТО), чтобы, с одной стороны, помешать ее самостоятельному развитию, а с другой стороны, обеспечить более активное «выкачивание» российских природных ресурсов. Этим же целям служат и манипуляции народным сознанием, в процессе которых «протаскиваются» западные стереотипы в ущерб национальным ценностям.

Американофобия. Конкретизация современных форм антизападничества находит выражение в неприятии статуса и функций США в процессе глобализации. Во-первых, абсолютизируется роль Америки как «глобальной империи Зла», стремящейся к геополитической гегемонии. Во-вторых, утверждается, что политика США направлена не только на достижение «мирового господства», но и на «уничтожение» России. В этом контексте глобализация трактуется как создание под эгидой США «глобальной экономической системы», т. е. долгосрочной программы действий, призванной обеспечить историческую гегемонию Америки в динамике мировой цивилизации.

Панславянизм. Современные воззрения панславянизма, в сущности, базируются на соответствующих социокультурных представлениях середины XIX– начала XX вв. Во-первых, подчеркивается «цивилизационная индивидуальность» России, чрезвычайно высокий (по отношению к западной цивилизации) духовный потенциал «православной цивилизации», которую надо ограждать (и защищать) от «искушений глобализма». И, во-вторых, предпринимается попытка доказательства эффективности и в новых исторических условиях традиционного панславянистского тезиса, в соответствии с которым производственные национальные стереотипы (общинность деятельности) «работают» и в начале XXI в. Тем самым идеология классического (позднего) панславянизма экстраполируется в цивилизационное будущее.

Посткоммунизм. Теоретические представления, исходящие, с одной стороны, из отторжения западоцентристской ориентации глобализации («тупик глобализации»), а с другой – из жесткой критики российских реалий («катастрофка», «русская трагедия» и т. п.). По существу, идет поиск некоего «третьего пути», который в определенном смысле трактуется как неокommунистическая модель, освобожденная от «советских искажений». Перспективы России связываются с преодолением современного «эгоистического технократизма» и формированием «нового человека», свободного от мифов и ошибок прошлого.

Альтернативизм. Концепции, отрицающие современные полярные формы (капитализм и социализм) выражения глобализации. В 1990-х годах, когда социалистическая модель глобализации утратила свой быллой статус, альтернативизм попытался предложить идеологию современного развития капитализма с «человеческим лицом».

Реально существуют три модели взаимоотношения с миром, а именно: адаптация к реальности (конформизм), уход от нее (эскапизм) и трансформация мира (активизм). Альтернативизм стремится сформулировать принципы «интегральной идеологии», использующей конструктивные элементы реальных (но трансформируемых) мировых идеологических систем. Например, капитализм, в рамках альтернативизма, сохраняет «принцип активизма» по отношению к окружающему миру. Однако эту активность

предлагается направить таким образом, чтобы экономический динамизм был связан как с развитием человеческой личности, так и улучшением качества среды обитания человека.

3. Противоречивость как базисная характеристика глобализации

Противоречивость – одна из определяющих характеристик реального процесса, в особенности такого масштабного и интегрального, каковым является глобализация. Ее интерпретация балансирует между оптимистическими и пессимистическими трактовками; представлениями о взаимосвязи и размежевании мировых и национально-региональных социоприродных систем и т. п. Попытаемся выделить концептуальные направления мирового развития, выявляющие противоречивость глобализации. Отметим лишь некоторые из этих полярных (противоречивых) направлений.

Противоречивость развития. Экспансия рассматривается как одна из определяющих характеристик цивилизации, которая балансирует между тенденцией к экспоненциальному росту и возможностями (материальными, энергетическими, ресурсными и др.) ее реализации.

Любая социоприродная система стремится к расширению за счет других пространственно-территориальных структур. Принцип экспансии – определяющая сущностная характеристика социоприродной системы любого уровня (от локального и регионального до глобального). Вместе с тем ее экспоненциальный рост имеет свои ограничения:

- пространственные ограничения, связанные с тенденцией к космической экспансии социума, и трудностями ее реализации из-за биологических возможностей человека;

- природные ограничения, обусловленные противоречиями между сравнительно неограниченным ростом потребностей социума и относительно ограниченным ресурсным потенциалом биосферы;

- социокультурные ограничения, базирующиеся на специфике цивилизаций различного типа, которые тяготеют к сохранению своих особенностей, несмотря на реализацию интегративных тенденций.

Цивилизационно-культурологическая противоречивость. Противоречия между западной и восточной цивилизациями рассматриваются в качестве основы динамики мирового исторического процесса.

Западная и восточная цивилизация (и культура) трактуются как альтернативные модели функционирования социума. Различия между западными и восточными стереотипами рассматриваются в качестве непреодолимых препятствий («Запад есть Запад, Восток есть Восток» – Редьярд Киплинг).

Действительно, традиционное представление сравнительной культурологии приходит к жесткой полярности западных и восточных стереотипов, а именно: социокультурные традиции западного типа связываются с антропоцентризмом, стремлением к демократическим методам управления, эгалитарностью социума, активным характером производственно-хозяйственной деятельности, рациональными формами познания, инновационностью, доминантой мужского начала и т. п.; восточные стереотипы развития ассоциируются с природоцентризмом, деспотическими моделями управления, сравнительно жесткой иерархичностью социума, стремлением к «вписыванию» человека в окружающий социальный (и природный) мир, иррационализацией познавательных форм деятельности, традициональностью, преобладанием женского начала и др.

В этом контексте глобализация предстает как мировой исторический процесс, двигателем которого выступает цивилизационный конфликт (чаще всего в виде войны), разрешение которого выводит социум на уровень сравнительно мирного развития. Мирный этап исторического развития завершается следующим военным конфликтом и т. д.

Древний Рим, пав под напором гуннов, создал предпосылки для развития западноевропейской цивилизации. Этому способствовали и средневековые Крестовые походы. Арабская империя (Халифат), Османская империя, активно участвующие в исторических военно-социальных конфликтах, оказали существенное влияние на мировые цивилизационные процессы.

Российская империя поддерживала равновесие между цивилизациями. Эти же функции выполняются Россией и на постимперском геополитическом пространстве.

Мировые войны XX в. привели к дифференциации мировой цивилизации, усилили процессы поляризации. Крайние формы противопоставления западной и восточной цивилизации – «глобальный терроризм» в виде как непосредственно террористических актов (11 сентября 2001 г.), так и социокультурных конфликтов («карикатурная война» – в связи с публикациями рисунков на исламистскую тематику в европейской прессе).

Вместе с тем, несмотря на обостряющиеся цивилизационные противоречия, глобализация объективно создает предпосылки для преодоления полярности исторических социокультурных стереотипов. Современные цивилизационные процессы (в экономике, политике, технологии, информатизации и др.), вписываясь в национально-региональные стереотипы, способствуют их исторической адаптации к мировым реалиям.

Действительно, реализуется в той или иной мере феномен взаимообогащения культур (и цивилизаций), что обуславливает их современный (а в особенности – перспективный) динамизм. Более того, дихотомичность западных и восточных исторических стереотипов смягчается под воздействием реализуемых цивилизационно-культурологических процессов. Восточная культура, воспринимая элементы западной модели развития, приобретает больший динамизм и активность. Западная культура, адаптируя восточные стереотипы, стремится приобрести большую гармоничность по отношению к природному и социальному окружению.

Стратегическая противоречивость. Современная геополитическая ситуация определяется балансом между моноцентристскими и полицентристскими тенденциями.

Глобальная динамика значительной части XX в. детерминировалась биоцентристской стратегией, в соответствии с которой две сверхдержавы (США и СССР) определяли в существенной мере мировую политическую ситуацию. Сверхдержавы располагали соответствующими сферами влияния, что и обеспечивало определенную стабильность и предсказуемость мировых трансформаций.

Мировая стратегическая ситуация радикальным образом изменилась к началу 1990-х годов, когда США фактически оказались в статусе глобального моноцентристского лидера. Значительная часть мировых потоков (экономических, политических, информационных, технологических и др.) были обусловлены (и связаны)

американскими интересами и целевыми установками. И это имеет немалые основания, а именно: в стране концентрируется около 50 % мирового рынка крупнейших промышленных отраслей, крупнейшие американские корпорации приобрели транснациональный характер, многие решения международных организаций, в том числе и ООН, принимаются под существенным американским воздействием и т. п. Монистическая глобализация социоприродных систем оборачивается нередко американизацией, что критически воспринимается в рамках других мировых политических центров принятия решений.

На рубеже XX–XXI вв. активно идет процесс их формирования. Важнейшие из них: Европейский Союз, «Большая семерка Севера» (США, Канада, Япония и др.), «Большая семерка Юга» (Китай, Индия, Бразилия и др.), восточноазиатские «новые индустриальные страны» (Индонезия, Южная Корея, Гонконг и др.), ближневосточные нефтеэкспортеры (Саудовская Аравия, Кувейт, ОАЭ и др.) и т. п.

Эти мировые центры находятся в сложных взаимоотношениях как между собой, так и США. Изменяются коалиции стран; некоторые из них (Китай, Индия) становятся неуклонно самостоятельными центрами принятия политических решений. Все в большей мере реализуется полицентрическая модель мирового развития. Именно из этого исходит ЕС, сформулировав свой девиз: «В разнообразии – согласие».

Мировая цивилизация, с одной стороны, расширяет разнообразие своих систем, а с другой стороны, тяготеет к интеграции, в рамках которой создаются предпосылки для адекватного разрешения противоречий глобального масштаба. Создание гипотетической геополитической «группы 9» (США, Япония, ЮАР, Бразилия, Россия, Китай, Индия и Индонезия), объединив около 60 % мирового населения, примерно 80 % мирового валового продукта и т. п., позволит, по имеющимся расчетам, повысить «степень управляемости» мировым цивилизационным процессом, сохранив его разнообразие.

Социально-экономическая противоречивость. Дихотомия между развитыми и развивающимися странами, обостряющаяся в процессе исторической динамики.

Дисбаланс между показателями экономического развития развитых (Запад) и подавляющей части развивающихся (Восток) стран в течение XX в. имел устойчивую тенденцию к увеличению. Более того, положение ряда стран, преимущественно Африки («наименее развитые развивающиеся страны»), выглядит особенно драматично. Вместе с тем небольшая группа стран («азиатские тигры») демонстрируют небывалый социально-экономический динамизм.

Тем не менее эта дихотомия сохраняется и в XXI в. в виде противоречия между «богатым Севером» (Запад) и «бедным Югом» (Восток). Более того, «ножницы» между ними расширяются, что касается всех, в сущности, сторон деятельности социума и существования человека. Сравним лишь существенные характеристики. А именно:

- «качество жизни» (относительно низкая продолжительность жизни человека в развивающихся странах (меньше 60 лет) по сравнению с соответствующими показателями для населения в западных странах – около 80);

- разрыв в уровнях потребления (средний африканец потребляет примерно в 100 раз меньше, чем средний американец);

- низкий ВВП на душу населения (во Франции этот показатель около 19 тыс. долл. США, а Мозамбике – 225).

20 % мирового населения, проживающего в развитых странах (Север), потребляет свыше 80 % мировых ресурсов (в 1960 г. этот показатель составлял 70 %); на долю развивающихся стран (Юг) остается меньшая доля – 20 %. Хотя в этих странах проживает около 80 % населения мира. И именно для этой части мирового населения характерен низкий показатель индекса «человеческого развития», что особенно присуще населению Африки (значительные группы населения которого живут на доход меньше, чем 1 долл. в день).

С одной стороны, современные формы выражения глобализации способствуют сохранению стереотипов социально-экономической поляризации; с другой – традиционная дихотомия между развитыми и развивающимися странами получает тенденцию к стратегическому преодолению. «Азиатские тигры» или страны – экспортеры нефти демонстрируют примеры того, что адаптация западных методов (в том числе и в социально-экономической сфере) дает масштабный (и довольно интенсивный) эффект. Экономические прогнозы на середину XXI в. показывают, что именно

«азиатские тигры» (Индия, Малайзия и Китай) будут выделяться (по сравнению с ведущими развитыми странами) по показателям ВВП, росту инвестиций, демографическим показателям, индексу человеческого развития и др.

Конечно, подавляющая часть развивающихся стран так и не может преодолеть своего исторического экономического отставания, эффективно воспользоваться природным потенциалом, национальным человеческим ресурсом, помощью развитых стран. Тем не менее перед ними отнюдь не закрыты возможности перспективного динамизма, в том числе и под воздействием процессов глобализации. Национально-региональная экономика оказывается во все большей мере включенной в мировую экономическую систему, что создает предпосылки смягчения (снятия) национальных и региональных социально-экономических противоречий, а вместе с тем и возможность их обострения (финансовый кризис в Восточной Азии, 1997).

Антропо-экологическая противоречивость. Экофильность и экофобность как альтернативные сущности восточной и западной цивилизаций.

Человек восточного типа исходит из стремления целостного понимания окружающего мира, в соответствии с которым все формы выражения бытия увязываются в некоторую единую систему. Восточные стереотипы исходят из того, что человек не столько перестраивает окружающий мир, сколько стремится приспособиться к его реалиям. Взаимоотношения человека и окружающего мира базируются на принципах единства элементов системы «человек–биосфера–социум».

Теоретически подход подобного рода должен был бы обеспечить гармонизацию взаимоотношений человека и природы в рамках восточной культуры (и цивилизации). Однако реалии XX в. свидетельствуют о том, что острота мировой социально-экологической ситуации перемещается именно на Восток (в развивающиеся страны). В значительной мере это связывается с экономической ограниченностью большинства из них, не позволяющей в достаточной степени финансировать национальные и региональные экологические (природоохранные) программы.

Напротив, человек мировоззрения западного типа опирается на доминирующие представления, согласно которым

дифференциация (разделение) мира на его составные элементы рассматривается как составная часть процесса познания. При этом конечная цель познавательного процесса – использование знания для удовлетворения потребностей человека. Для реализации этой цели возможны любые средства, в том числе и те, которые связаны с активным преобразованием окружающего мира.

Реализация подхода подобного рода исторически должна была бы привести к дисгармонии элементов системы «человек–социум–биосфера», что и произошло к середине XX в. Именно к этому времени стало актуализироваться представление о реальности «экологического кризиса» на Западе (в развитых странах). К концу XX в., однако, социально-экологическая ситуация в большинстве из них не только стабилизировалась, но и улучшилась, что объясняется, в частности, значительными капиталовложениями в природоохранную сферу на национальном и региональном уровнях.

Экофильная и экофобная сущность цивилизаций восточного и западного типа в той или иной степени сохраняются, ибо соответствуют религиозным воззрениям, национальным традициям, природно-климатическим условиям. Вместе с тем современные процессы глобализации создают реальные условия преодоления (смягчения) исторических экологических стереотипов.

Гендерная противоречивость. Половая дифференциация человека как основа антропо-демографической поляризации цивилизаций различного типа.

Гендерные различия, основанные на специфике женских (матриархат) и мужских (патриархат) начал, определяют первичную дифференциацию человека, социума и цивилизации. Соотношение этих начал имеет особенности в рамках мирового цивилизационно-культурологического развития.

Для восточной культуры характерна релятивистская схема взаимоотношений женского (Инь) и мужского (Янь) начал, которые не противостоят, а дополняют друг друга. Эти воззрения соответствуют представлениям культуры восточного типа о гармоничном характере взаимоотношений различных подсистем, находящихся в иерархической зависимости от процессов и систем более общей направленности. Напротив, в западной культуре доминирует дуалистический подход, в соответствии с которым развитие

рассматривается как результат борьбы между силами добра (Бог) и зла (Дьявол). В этом контексте мужское и женское начала противостоят друг другу; причем исторически процессы маскулинизации являются доминирующими по отношению к феминизации.

Современные формы социальной активности создают предпосылки для преодоления половой дифференциации при реализации трудовых функций. В результате усиливается тенденция, в соответствии с которой феминизация неуклонно оттесняет процессы исторической маскулинизации социума.

Выделим несколько причин повышения статуса женщин в современной социальной динамике:

- доля женщин в численности мирового населения превышает соответствующий показатель для мужчин;
- новые формы деятельности, основанные на компьютеризации, стирают традиционные грани между «мужским» и «женским» трудом;
- поддержка обществом социальной активности женщин.

Тем не менее сохранение гендерной специфики женского начала – основа выживания современной цивилизации. Вместе с тем глобализация трансформирует сугубо «маскулинскую цивилизацию» западного типа, повышая степень ее феминизации, выходя на уровень гармоничной потенциальной взаимосвязи мужского и женского начала в динамике мирового развития.

Итак, противоречивость цивилизационного процесса сохраняется как его имманентное свойство. При этом, однако, глобализация создает предпосылки его исторического преодоления (снятия).

4. Глобализация: полярность интерпретации

Противоречивость глобализации обуславливает двойственность оценки ее возможных последствий, а именно: позитивная и негативная трактовки.

Позитивная оценка глобализация базируется на представлениях, в соответствии с которыми реализация ее возможностей рассматривается преимущественно в положительном контексте. С этой точки зрения исходят из той позиции, что «стакан – наполовину полон».

Напротив, альтернативная точка зрения исходит из доминирования отрицательных сторон глобализации. Это выражается в тезисе, в соответствии с которым «стакан – наполовину пуст».

Плюсы глобализации

«*Человекоцентризм*». Глобализация как процесс улучшения качественных (и количественных) показателей человеческого развития.

По данным ООН, на рубеже XX–XXI вв. отчетливо фиксируется тенденция увеличения практически всех мировых социально-экономических показателей (объем и темпы роста экономики, масштабы торговли и денежно-финансовых отношений, научно-технического прогресса и информационных технологий, и др.). Причем соответствующие тенденции выявляются не только в развитых, но и развивающихся странах. Это касается как «азиатских тигров», так и «наименее развитых развивающихся стран», что обуславливает относительное (по сравнению с предшествующим временным периодом) улучшение соответствующих показателей человеческого развития (сферы здравоохранения, образования и т.п.). Экономический рост привел к тому, что доля населения (его подавляющая часть приходится именно на развивающиеся страны), страдающего от низкого уровня человеческого развития, снизилась во второй половине XX в. примерно в 2 раза. Это выражается в сравнительном росте благосостояния социума (например, относительном увеличении реального душевного дохода, возрастании покупательной способности и др.), расширении образовательных возможностей населения, сокращении смертности, сравнительном росте продолжительности жизни и т. п.

Конечно, большинство социально-экономических показателей развивающихся стран (за исключением «азиатских тигров») значительно отстают от соответствующих данных для развитых стран. Тем не менее анализ положительных тенденций мирового развития позволяет сформулировать тезис о реальности глобализации с «человеческим лицом» («human face»), когда в той или иной мере улучшается благосостояние социума, смягчаются в известной степени «ножницы» между развитыми и развивающимися странами.

Взаимосвязь культур. Глобализация как процесс социокультурной интеграции различного типа при сохранении в той или иной мере их национальной идентификации.

В сущности, речь идет о взаимосвязи (и взаимозависимости) восточных и западных культур. При этом осознается их дифференциация, т. е. восточная культура имеет свою специфику (арабская,

индуистская, китайская, японская, африканская и др.), западная (европейская, американская, новозеландская, австралийская и др.) – свои особенности. Вместе с тем глобализация сближает национальные социокультурные стереотипы, выявляя их общие элементы.

Конечно, иудейский и христианский декалог, сутры буддизма или суры ислама исходят из собственных представлений о сущности человека, путях его выживания и спасения. Тем не менее их многое объединяет, особенно в этической сфере, ибо понятия этики (добро и зло, прекрасное и безобразное, достоинство и честность и др.) при всех социокультурных различиях имеют общие истоки и представления.

Это отнюдь не означает, что глобализация предполагает социокультурную унификацию. Именно поэтому критикуется вестернизация как процесс всеобщей экспансии западных моделей и методов развития, а также американизация как форма вестернизации в ее американоцентристском выражении. Один из современных позитивных примеров социокультурной глобализации (и регионализации) – опыт функционирования Европейского Союза, в рамках которого удаётся реализация единой европейской линии в различных областях деятельности при сохранении культурных национальных особенностей (язык, архитектура, кухня и т. п.). Критикуется и другая точка зрения, абсолютизирующая процесс ориентализации, в соответствии с которым восточный путь развития (азицентризм, афроцентризм и т. п.) трактуется как позитивная альтернатива вестернизации (американизации).

Социокультурное взаимодействие стран мирового сообщества выходит на новый количественный (и качественный) уровни. Во второй половине XX в. почти в 2 раза увеличилось число туристов, которые получили возможность реально познакомиться с жизнью в самых различных странах и регионах мира, понять, оценить и принять национальные социокультурные особенности. Масштабность мировых миграционных потоков также способствует взаимосвязи национальных социокультурных традиций.

Глобализация смягчает (гомогенизирует) противоречия, связанные с реализацией как западного, так и восточного пути развития. Иными словами, сложившиеся стереотипы мирового развития предстают как взаимодополнительные.

Планетарная информатизация. Всеобщее распространение информационных потоков как выражение глобализации социоприродных систем.

Глобализация реализуется в условиях развития и становления «информационного общества», в рамках которого именно информационные процессы (а не только деятельность сугубо материального характера) определяют социокультурную динамику. При этом информационная глобализация способствует разрешению ряда общечеловеческих проблем, в том числе связанных с:

- открытостью информационного обмена между цивилизациями различного типа и уровня развития;
- расширением познавательных возможностей личности и свободой научных исследований и разработок;
- объединением локального и регионального пространства в сравнительно единую глобальную информационную систему.

В рамках информационного общества происходит не только сравнительно неограниченный и значительно ускоренный (по сравнению с историческими формами) обмен информационных потоков. Важнее то, что масштабный обмен информацией позволяет, аккумулируя национальный опыт развития культур (и цивилизаций), адекватно соотнести национальное и универсальное в иерархии мирового развития.

Управляемость мировым сообществом. Повышение статуса международных организаций в решении общечеловеческих проблем.

Историческая неуправляемость глобализации рассматривается как существенный фактор, влияющий на расширение негативных последствий мирового развития (увеличение социально-экономического расслоения, снижение благосостояния значительной части населения и т. п.). Во второй половине XX в. противоречия подобного рода стали активно преодолеваются в рамках процесса социализации политики национального государства, когда все большая часть государственного бюджета стала направляться на социальные цели (создание рабочих мест, здравоохранение, образование и т. п.).

Однако постепенно выяснялось, что возможности государства (по сравнению с частным сектором) в сфере распределения и использования ресурсов весьма далеки от эффективности. Вместе

с тем отдать социальную политику целиком частным структурам вряд ли конструктивно. Более того, глобализация существенно трансформируется в традиционные функции государства, нарушая подчас исторически сложившиеся механизмы суверенности принятия решений (политических, экономических и др.) на национальном уровне. Глобальные транснациональные корпорации оказывают все большее влияние на решения, принимаемые в государственном масштабе, что особенно характерно для развивающихся стран.

В этой связи активизируется проблема повышения «степени управляемости» мировым сообществом для обеспечения конструктивности и эффективности глобализации. Взаимосвязанность (и взаимозависимость) различных стран (например, развитых государств от стран-экспортеров нефти) вынуждает искать более надежные механизмы межгосударственного взаимодействия. Отсюда повышенное внимание к возможностям межгосударственных институтов – учреждений ООН, ВТО, МВФ и др.

Конечно, принятие согласованных решений на межгосударственном уровне – чрезвычайно сложная задача, предполагающая добровольную передачу части национального суверенитета при принятии решений межгосударственным структурам. Вместе с тем масштабность задач, стоящих перед цивилизацией, предполагает именно совместное их разрешение, что подводит мировой социум в целом (или его наиболее динамичную часть) к осознанию необходимости повышения «степени управляемости» глобализацией.

Минусы глобализации

Абсолютизация вестернизации. Западоцентризм как социокультурное обоснование глобализации.

В рамках западоцентризма (первоначально в форме европоцентризма, а затем – американоцентризма) воплощение западных стереотипов (в мышлении – рационализм, в экономике – рыночные отношения, в политике – демократизм и др.) рассматривается в качестве наиболее эффективной формы мирового развития. В этом контексте глобализация вольно или невольно трактуется как процесс универсальной вестернизации с учетом, естественно, национальных и региональных особенностей (природных, культурологических и т. п.).

Представления подобного рода достаточно эффективно «работали» в середине XX в., когда западные страны («Север») достигли сравнительно высокого уровня социально-экономического прогресса, а восточные страны («Юг») еще лишь искали стратегию национального развития, чтобы преодолеть исторические последствия колониализма (и неоколониализма). В процессе стратегического поиска некоторые из развивающихся стран («азиатские тигры»), используя западный опыт и учитывая национальную специфику, достигли в 1980–1990-х годах общепризнанного прогресса.

Тем не менее вестернизация (в форме американизации) сохраняет свое доминирующее воздействие на динамику мирового развития. Во-первых, востокоцентризм по своей мировоззренческой сущности не слишком приспособлен к активным формам реализации. Во-вторых, экономическая мощь и политическое влияние позволяют США оказывать существенное воздействие на принятие решений на национально-региональном уровне. В-третьих, международные организации (МВФ, ВТО и др.) поддерживают, как правило, национальные проекты и программы, соответствующие именно западной экономической стратегии.

Вместе с тем отнюдь не все западные стереотипы могут быть непосредственным образом перенесены в условия цивилизации восточного типа. Это касается не только необходимости адаптации современных технико-технологических решений, учитывающих, например, специфику природно-климатических условий стран Юга. Значительно сложнее осуществление адаптации западных социально-политических и экономических моделей.

Следовательно, глобализация должна базироваться не на экспансии западных стереотипов, а учитывать в большей степени национально-региональную специфику. Тем не менее современные формы ее выражения развиваются под воздействием вестернизации, что не соответствует конструктивной модели мирового развития.

Раскол цивилизации. Глобализация расширяет и интенсифицирует процесс расслоения стран мирового сообщества, приобретающий фатальный характер. «Богатые становятся богаче, а бедные – беднее». Выделим определяющие направления дифференциации развитых и развивающихся стран.

Усиление экономической дифференциации. «Экономические ножницы» между Севером и Югом имеют тенденцию к дальнейшему расширению.

На протяжении второй половины XX в. усиливается разрыв в доходах населения самых богатых и самых бедных стран: если в начале 1960-х годов этот показатель был 30:1, а в 1990-х годах – 60:1, то к началу XXI в. – 80:1. Для сравнения: в начале XX в. соответствующий показатель был 11:1.

Подобная дифференциация характерна практически для всех социально-экономических показателей развитых и развивающихся стран. Отметим некоторые из них:

- ВВП на душу населения (в долл. США): страны Севера (20 000), страны Юга (2 000); для США этот показатель – 40 000, Индии – 1 400, Мозамбик – 225;

- прямые иностранные инвестиции: в развитые страны (70 %), в «новые развитые страны» (20 %), в развивающиеся страны (10 %);

- 2 млрд людей, проживающих преимущественно в развивающихся странах, имеют доход ниже 2 долл. США в день;

- если в США уровень потребления на душу населения поднимался примерно на 2 % в год, то для стран Африки характерно снижение соответствующего показателя на 1 % в год;

- разрыв в доходах «внутри» развивающихся стран: если в «новых развитых странах» ВВП на душу населения возрастал, то в большинстве развивающихся стран – сокращался;

- среднечасовая оплата труда (в долл.): Таиланд (0,5), Япония (23), Германия (32).

Экстраполяция соответствующих процессов (даже при самых благоприятных тенденциях) не позволяет рассчитывать на реальное преодоление социально-экономических ножниц между развитыми и развивающимися странами. Особенно это касается большинства стран Африки.

Социально-демографический разрыв. Усиление специфики демографической ситуации в развитых и развивающихся регионах.

Среднегодовые темпы прироста населения в странах Юга соответствуют величине порядка 2 %. Соответствующие показатели для стран Севера – около 1 %.

На долю 20 % населения, проживающего в развитых странах, приходится более 80 % мирового ВВП. При этом 20 % населения, живущего в развивающихся странах, потребляет всего 1 % мирового ВВП.

Средняя продолжительность жизни населения стран Севера приближается к 80 годам. Соответствующий показатель для стран Юга – примерно в 1,5 раза меньше.

По-прежнему значительная часть населения развивающихся стран (свыше 60 %) имеет низкие социально-гигиенические условия проживания (жизнь в непригодных жилищах, отсутствие качественной питьевой воды и т. п.). Население развитых стран, особенно коренные жители, а не иммигранты, практически не испытывают соответствующих трудностей.

Обострение экологической ситуации. Острота мировой социально-экологической ситуации переместилась из развитых стран (в середине XX в.) в развивающиеся регионы (к концу XX в.). Мировая экологическая ситуация в целом отнюдь не улучшилась. Изменились ее региональные характеристики.

Во всех практически странах Севера наблюдается устойчивое улучшение социально-экологической ситуации (уменьшаются выбросы в атмосферу и сбросы в гидросферу, повышается степень утилизации отходов и т. п.). В результате в развитых странах имеет место рост средней продолжительности жизни как интегральный показатель развития.

Напротив, в большинстве стран Юга социально-экологическая ситуация ухудшается. Особенно это касается крупнейших развивающихся стран (например, Индии). Соответствующая негативная тенденция сказывается и на интегральном показателе развития.

Сложилась несправедливая ситуация, когда до 80 % мирового природно-ресурсного потенциала находится в развивающихся странах, а потребляет эти ресурсы около 20 % населения развитых стран. Это обстоятельство – важнейший фактор цивилизационной конфликтности.

Ужесточение социокультурной дифференциации. Разрыв в уровнях мирового и регионального развития.

Более 90 % мировых пользователей Интернета (а это важнейший показатель социокультурного уровня населения) проживает в развитых странах, 10 % – в развивающихся регионах.

Неграмотность среди женского населения в странах Юга на 60 % больше, чем соответствующий показатель для мужчин. Женщины практически не имеют возможности принимать участие в политической жизни – их доля в большинстве национальных парламентов около 5 %.

Напротив, женщины Севера добились фактически реального равенства в экономической, политической и социокультурной жизни, получили возможность активного участия в политической деятельности на самом высоком национальном и международном уровне.

Чрезвычайно различен уровень медицинского обеспечения населения. Для развивающихся стран характерен высокий уровень детской смертности (в несколько раз выше, чем в развитых странах); распространены эпидемические заболевания (холера, туберкулез и др.), исчезнувшие практически в западных странах. Распространяется СПИД (особенно в Африке – до 30 % увеличивается фиксация ВИЧ-инфицированных в некоторых африканских странах). Напротив, экспансия СПИДа приостановлена в развитых регионах мира.

Увеличение масштабов миграционных потоков привело к тому, что усиливается социальное расслоение и в развитых странах. В большинстве из них во второй половине XX в. возрастает число семей, преимущественно за счет мигрантов, живущих за порогом бедности, что значительно осложняет национальную социокультурную ситуацию.

Обострение цивилизационной конфликтности. Противоречия между Севером и Югом, западноевропейской и восточной (исламской) цивилизациями выходят на уровень опасного противостояния.

В начале XXI в. происходило не преодоление (снятие) противоречий глобального масштаба (как предполагалось в 1990-х годах), а их расширение. Это касается всей современной системы глобальных проблем (военно-политической, энергетической, демографической, экологической и т. п.).

Более того, повысилась степень «глобальной опасности» цивилизации: под угрозой оказались проблемы энергетического обеспечения (зависимость Запада от поставок энергоресурсов Юга); усилились религиозно-цивилизационные противоречия

(«карикатурный конфликт»); обострились противоречия между основными и маргинальными группами населения (столкновения на национальной почве во Франции); расширение международной преступности (в том числе и с помощью Интернета); и др.

Острые цивилизационного конфликта – «американская трагедия» (11 сентября 2001 г.). В результате американо-исламского столкновения погибло несколько тысяч неповинных людей.

Культурная унификация. Расширение процесса, связанного с утратой (нивелированием) национальной идентичности.

Глобализация рассматривается как процесс, связанный с объективной унификацией национальной культуры. Дело в том, что мировые тенденции имеют общие основания реализации в различных национально-региональных формах проявления.

Это касается всех направлений глобализации, а именно: экономических процессов, финансово-торговых взаимоотношений, научно-информационной составляющей и т. п. Например, процессы информатизации затрагивают практически все стороны и аспекты существования социума, в том числе и его культурной составляющей. В мировых сетях распространяется примерно одна и та же рекламная информация; потребители во всем мире пользуются одной и той же бытовой техникой, произведенной ТНК и т. п.

Конечно, национальная культура – достояние нации, имманентно ей соответствующее. Национальная культура отражает национальный характер, специфику природно-климатических условий, традиций и др. И в этом смысле ее существование является объективной (и имманентной) характеристикой национально-регионального развития.

Вместе с тем национальная культура оказывается под все большим воздействием мировых процессов. Например, «макдонализация» трактуется как форма выражения глобализации (американизации) национальной культуры. Взаимодействие культур – неизбежный процесс. Проблема заключается в том, чтобы процессы глобализации не «задавили» бы национальную идентичность.

Полярные (двойственные) оценки последствий глобализации фактически разделили ученых и специалистов на глобалистов (приверженцев новых мировых тенденций) и антиглобалистов (их жестких критиков).

Истинные оценки, как это нередко бывает, находятся где-то посередине. Глобализация, как и любое сложное явление, отнюдь не однозначный процесс. Однако адекватная оценка возможных последствий глобализации предполагает конкретизацию объектов, условий и обстоятельств ее реализации в социокультурной реальности. Вместе с тем очевидно и то, что позитивный динамизм мировой цивилизации требует радикального изменения исторически сложившейся модели развития. Именно в этом контексте рассматривается принятие мировым сообществом стратегии устойчивого развития, ориентированной на XXI в.

Глава 4

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ КАК ОТВЕТ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

1. Международное сотрудничество: от экологического к глобальному

До начала 70-х годов XX в. сотрудничество в области охраны природы и рационального природопользования носило преимущественно двусторонний характер. Основы стратегии международного сотрудничества в экологической сфере были заложены в рамках деятельности Конференции ООН по окружающей среде (Стокгольм, 1972) – Саммит I. Ее работа показала:

- глобальный (планетарный) характер остроты мировой социально-экологической ситуации;
- необходимость выработки мировой стратегии, создающей предпосылки рационализации взаимоотношений человека, социума и биосферы, – стратегия экологического развития;
- целесообразность создания специализированной экологической организации – Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП).

Именно с этих решений стало активно развиваться управление природопользованием на межправительственной основе, т. е. в процессе выработки международных договоров, конвенций и т. п. Активизировалось международное сотрудничество по изучению и оценке динамики качества окружающей среды как на мировом, так и регионально-национальном уровнях; выявлению негативных последствий производственно-хозяйственной и технико-антропогенной деятельности на состояние естественных экосистем; инициированию разработок и практических мероприятий в сфере ресурсосберегающих технологий и др.

Многие вопросы международного сотрудничества в природоохранной сфере традиционно решаются под эгидой специализированных учреждений ООН, а именно: Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Всемирная метеорологическая организация (ВМО), Межправительственная океаническая комиссия

(МОК), Продовольственная и Сельскохозяйственная организация ООН (ФАО), Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) и др.

В рамках деятельности ЮНЕП были созданы условия, обеспечивающие эффективность сотрудничества межправительственных и неправительственных организаций. Под ее эгидой реализовывалась Общесистемная среднесрочная программа в области охраны окружающей среды, ориентированная до конца 1980-х годов.

Одно из важнейших ее направлений – оценка качества окружающей среды, что предполагает создание глобальной системы наблюдения за состоянием качественных (и количественных) характеристик естественных экосистем. В ее рамках изучалась специфика отношения «человек–социум–биосфера» в различных региональных и природно-климатических условиях; обеспечивалась возможность оценки опасных для человека (и биосферы) изменений окружающей среды.

Получаемая информация использовалась для эффективности управления деятельностью по улучшению здоровья человека (совместно с ВОЗ), анализа климатических изменений (с ВМО), изучения процессов переноса загрязнений (совместно с Европейской экономической комиссией ООН и ВМО), исследования возобновляемых природных ресурсов (с ФАО и ЮНЕСКО), изучения Мирового океана (с МОК).

В процессе расширения деятельности по сохранению естественных экосистем ЮНЕП опирается не только на авторитет специализированных организаций ООН, но других международных учреждений – Международный союз охраны природы и природных ресурсов, Всемирный фонд охраны диких животных. Именно в сотрудничестве как правительственных, так и неправительственных международных организаций были разработаны в 1980-х годах такие фундаментальные документы, как Всемирная стратегия охраны природы и Всемирная хартия охраны природы.

В период «экологического двадцатилетия» (1972–1992) была не только осознана острота мировой социально-экологической ситуации, но активно разрабатывалась и реализовывалась международная программа экологического сотрудничества. Что же удалось сделать в этой области между Конференцией ООН по окружающей среде (Стокгольм, 1972 – Саммит I) и Конференцией ООН

по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 – Саммит II), определяющих динамику международной стратегии в системе «человек–общество–биосфера» второй половины XX в.?

Во-первых, сформулировано представление о единственности планеты (девиз Саммита I – «Земля всего одна») как реальной сферы существования и развития цивилизации, что обуславливает жизненную необходимость ее сохранения в исторически сложившихся формах.

Во-вторых, для поддержания экологического равновесия создана глобальная система мониторинга окружающей среды, позволяющая оценить как качество природной среды, так и наличие природных ресурсов в мировом масштабе.

В-третьих, поддерживаются усилия социума при реализации национальных экологических программ, преимущественно в развивающихся странах и странах «переходной экономики».

В-четвертых, создана система международных организаций, координирующих как весь комплекс экологических проблем (ЮНЕП, МСОП и др.), так и их специальные направления (ФАО, ВОЗ, МАГАТЭ др.).

В-пятых, заложены основы международного экологического права, выявлена ею взаимосвязь с системой национального природоохранного права.

В-шестых, сформулированы принципы экологического образования, реализуемые в той или иной форме на национальном уровне.

И, наконец, в-седьмых, выдвинута долгосрочная доктрина функционирования (от «экологического развития» к «устойчивому развитию»), с реализацией которой связывается возможность реальной коэволюции человека и биосферы.

В течение «экологического двадцатилетия» активно обсуждался вопрос о «степени авторитарности» международных организаций, занимающихся проблемами охраны природы и рационального природопользования. Если организация решает «благую задачу» для всей цивилизации (и экологическая проблематика полностью относится к задачам этого типа), то не следует ли придать ей более жесткую структуру и властно-силовые полномочия? Иными словами, методами авторитарного управления распространять экологическую модель развития («цель оправдывает средства»).

Впрочем, очевидно, что «экологический авторитаризм» (как и любой другой) не будет эффективным, ибо индивидуум (и социум) должны имманентно воспринимать экологические ценности и стереотипы. С другой стороны, международное сотрудничество (и международные организации) могли бы иметь более четкие формы реализации принятых решений. Тем более, если соответствующие решения имеют согласованный характер. Впрочем, и в современных формах экологическое сотрудничество, выходя на глобальный уровень, является важнейшим механизмом увязывания национальных и международных интересов при снятии противоречий социально-экологического характера.

Уже со второй половины 1980-х годов становилось очевидным: международные усилия в природоохранной сфере не давали ожидаемого эффекта. Более того, в целом мировая социально-экологическая ситуация, несмотря на положительную динамику в развитых странах, неуклонно ухудшалась.

Поэтому в рамках ООН (и ЮНЕП) не только подводились итоги «экологического двадцатилетия», но и выявлялась стратегия цивилизации XXI в., обеспечивающая ее динамику и экологическое выживание. В качестве таковой была выдвинута стратегия устойчивого развития, которая значительно расширяла исторически сложившиеся стереотипы международного сотрудничества.

2. Рио-92 – разработка основ мировой стратегии устойчивого развития цивилизации

В рамках ЮНЕП была создана и активно действовала (1984–1987) Комиссия ООН по окружающей среде и развитию («комиссия Брундтланд»). Итоги ее работы были положены в основу решений Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992), в которой приняли участие большинство глав государств и правительств мирового сообщества. Решения Рио-92 (Саммит II) во многом определили перспективные направления развития цивилизации на последующие десятилетия. Под эгидой этого крупнейшего международного форума не только подводились итоги «экологического двадцатилетия» (1972–1992), но и разрабатывалась стратегия цивилизации XXI в., призванная обеспечить ее динамику и экологическое выживание – стратегия устойчивого развития (УР-стратегия).

На Рио-92 было принято пять основополагающих документов. Отметим их¹.

1. *Декларация Рио-92 об окружающей среде и развитии.* Декларация включает 27 принципов, фиксирующих сущность УР-стратегии. Важнейший из них – право человека на здоровую и творческую жизнь в гармонии с природой.

2. *Повестка дня на XXI век.* Это – фундаментальный документ, представляющий собой обширную программу действий, обеспечивающих выживание цивилизации. В его рамках выявляются основные механизмы (экономические, политические, социокультурные, международные, организационные и др.), способствующие выходу цивилизации на путь устойчивого развития.

3. *Рамочная конвенция об изменении климата.* Конвенция включает 26 статей и распространяется, прежде всего, на регулирование выбросов «парниковых» газов». Ее цель – достижение стабилизации концентрации «парниковых газов» на уровне, который бы предотвратил опасное антропогенное изменение мировой климатической системы. Развитые страны, в соответствии с Конвенцией, берут на себя инициативу по снижению выбросов «парниковых газов» к концу XX в. до уровня 1990 г. При этом предполагается, что именно развитые страны предоставят дополнительные финансовые средства и технологии развивающимся государствам. Странам, переходящим на рыночную экономику, в том числе и России, предоставляется «определенная степень гибкости» в отношении сокращения выбросов «парниковых газов».

4. *Конвенция по биологическому разнообразию.* Конвенция состоит из преамбулы и 42 статей. Ее цель – сохранение биоразнообразия как важного показателя устойчивости естественных экосистем. Конвенция призывает к межгосударственному сотрудничеству, а также к разработке национальных программ по сохранению и устойчивому использованию биологического разнообразия.

5. *Заявление по принципам для глобального консенсуса по рациональному использованию, сохранению и устойчивому развитию всех типов лесов.* Документ впервые отражает согласованное мнение (консенсус) государств по вопросам рационального

---

¹ Программа действий. Повестка дня на XXI век и др. документы конф. в Рио-де-Жанейро в популяр. излож. /сост. М. Китинг. – Женева, 1993.

использования и сохранения всех типов лесов, независимо от их географического положения. Подчеркивается их важность в сохранении равновесия исторически сложившихся экосистем. Лесные ресурсы рассматриваются как устойчивые и экологичные источники возобновимой энергии и сырья. Обращается внимание на необходимость справедливого и равноправного использования продукции леса, учета экологических издержек и выгод в рыночных механизмах для целей сохранения лесов и устойчивого развития.

Какие принципиальные выводы следуют из этих документов, других материалов, а также работы Рио-92 в целом?

1. Обращается внимание на то, что, несмотря на усилия мирового сообщества в природоохранной сфере (которые привели к стабилизации и даже улучшению экологической ситуации в большинстве развитых стран), в целом глобальная социоэкологическая система отнюдь не стабилизируется. Более того, фиксируется усиление деградиционных изменений глобальной экосистемы к концу «экологического двадцатилетия». Подчеркивается, что сохранение сложившихся тенденций и стереотипов развития ведет к дальнейшему обострению мировых социально-экологических противоречий. Это чревато, в конечном счете, дестабилизацией исторически сложившегося равновесия глобальной системы «человек–социум–биосфера», что угрожает выживанию человека и человечества.

2. Обосновывается тезис, в соответствии с которым модель развития, реализуемая в большинстве западных стран, не может быть рекомендована для распространения в рамках всего мирового сообщества и прежде всего – в развивающихся странах. Подчеркивается, что вестернизация, т. е. экспансия западного типа развития на мировую социоприродную систему, может привести (учитывая, в том числе и масштабы западного потребительства) к опасной деградаци биосферы, утрате динамического равновесия естественных экосистем.

3. Подчеркивается сохранение глобального социально-экологического антагонизма, а именно: противоречия между сравнительно неограниченным ростом социального воздействия на биосферу (в результате расширения человеческой деятельности, демографических процессов и др.) и относительно ограниченным ее (биосферы) природно-ресурсным потенциалом.

4. Декларируется развитыми странами поддержка стран «третьего мира», согласившихся, несмотря на ограниченную модель

национального потребления, учитывать в процессе модернизации ориентиры нового типа развития.

5. Доказывается, что преодоление глобального социоприродного противоречия возможно лишь в процессе выхода цивилизации на модель устойчивого развития. Это позволит, как утверждается, с одной стороны, продолжать экономическое развитие, необходимое для создания адекватных условий существования человека, а с другой – сохранить равновесие исторически сложившихся экосистем как для настоящих, так и для будущих поколений. Если понятие «экологическое развитие» предполагало преимущественно рационализацию взаимоотношений человека и биосферы, то понятие «устойчивое развитие» носит интегральный характер. Выйдя на уровень устойчивого развития, человечество не только сохранит равновесие биосферы, но и обеспечит рациональные условия для всестороннего развития человека.

6. Предполагается, что разработанная мировая стратегия устойчивого развития станет основой, на базе которой будут приняты национальные стратегии устойчивого развития, соответствующие специфике (экономической, социальной, природной, социокультурной и т. п.) конкретной страны.

7. Принята система международных механизмов, предназначенных для реализации выдвинутой УР-стратегии. Отметим важнейшие из них.

Организационные механизмы. Учреждение Комиссии ООН по устойчивому развитию, подотчетной Экономическому и Социальному Совету ООН. Предполагается тесное сотрудничество Комиссии по УР со специализированными учреждениями ООН (ЮНЕП и др.).

Финансовые механизмы. Создание Фонда ООН по устойчивому развитию, в который развитые страны должны перечислять 0,7 % ВВП для поддержки развития странам «третьего мира». Предполагается, что страны «переходной экономики» определяют размеры своего вноса на добровольной основе.

3. Саммит по устойчивому развитию (Рио-92 + 10)

Всемирный саммит ООН по устойчивому развитию (Йоханнесбург, ЮАР, 2002) – Саммит III, с одной стороны, подвел мировые итоги «устойчивого десятилетия», а с другой – подтвердил

приверженность международного сообщества идеям устойчивого развития (принятие Йоханнесбургской политической декларации). В рамках Саммита отмечалось, что на протяжении прошедшего десятилетия было сделано немало для реализации мировой УР-стратегии. Тем не менее указывалось и на то, что реализация принципов устойчивого развития должна получить большее практическое измерение, ибо острота мировых противоречий, в том числе и в социально-экологической сфере, за последнее десятилетие отнюдь не смягчается, а напротив – усиливается, перемещаясь в развивающиеся регионы.

Итак, что же удалось?

Во-первых, в большей части государств мирового сообщества разработаны и утверждены национальные программы и стратегии устойчивого развития.

Во-вторых, во многих из них созданы государственные структуры (советы и т. п.), координирующие национальные усилия по реализации УР-стратегии.

В-третьих, несмотря на противоречия глобализации, стратегия устойчивого развития по-прежнему рассматривается мировым сообществом как реальный путь не только выживания, но и прогресса цивилизации XXI в.

Дискуссии на Рио-92 + 10 показали, что, с одной стороны, реализация на мировом уровне модели устойчивого развития цивилизации оказывается не такой простой задачей, как казалось в начале 90-х годов. С другой стороны, именно с УР-стратегией связываются позитивные перспективы цивилизации, устремленной в будущее. Принято решение: мировая стратегия устойчивого развития стартует с 2005 года.

Что же не удалось?

Во-первых, не удалось остановить тенденцию деградации мировой экосистемы. И хотя в большинстве развитых стран национальная экологическая ситуация улучшилась, тем не менее глобальные экологические процессы в целом носят негативный характер.

Во-вторых, по-прежнему увеличивается разрыв в уровнях социально-экономического развития между промышленными и развивающимися странами, что отнюдь не способствует устойчивости взаимоотношений между ними.

В-третьих, расширяющаяся глобализация обостряет конфронтацию между западной и восточной (исламской) цивилизациями, которая приобретает зачастую формы глобального терроризма.

В-четвертых, мировое сообщество оказалось не готовым к решению ряда проблем 90-х годов (информационных, коммуникационных, культурологических и др.).

В-пятых, во многих странах мира УР-стратегия в большей степени по-прежнему носит теоретический, а не практический характер.

4. Предварительные итоги «устойчивого двадцатилетия» (от Рио-92 к Рио-92 + 20)

В целях эффективности реализации соответствующих документов Рио-92 («Повестка дня на XXI век» и др.) была учреждена Комиссия ООН по устойчивому развитию (и Отдел по устойчивому развитию – ее рабочий орган), программа деятельности которых расписана до 2017 г. Суть деятельности ООН в этом направлении – поддержка как правительственных, так и неправительственных структур мирового сообщества в переходе от модели неустойчивого к устойчивому развитию, в обеспечении национального динамизма в интересах как настоящих, так и будущих поколений. Стратегия устойчивого развития, указывается в Декларации тысячелетия ООН (сентябрь 2000 г.), рассматривается в качестве программы функционирования цивилизации и в III тысячелетии. Большинство стран мира, поддержав эти идеи, приняли национальные УР-стратегии.

Во временных рамках «устойчивого двадцатилетия» (1992–2012) мировому сообществу вряд ли удалось выйти на уровень искомой гармонии экономических, экологических и социокультурных параметров динамизма цивилизации. Глобальная социоприродная система, порою угрожающе раскачиваясь, тем не менее, не утрачивала динамического равновесия подсистем, не входя в зону необратимой турбулентности. Отметим исторические изменения лишь некоторых параметров системы.

Конфликт цивилизаций. Преодоление стереотипов «холодной войны» и отход от реальной угрозы «ядерной катастрофы» стали важнейшим фактором роста локальных и региональных военных конфликтов, имеющих, как правило, политические, экономические и социокультурные основания.

Распад «советской империи» и соответствующая доминанта американской военной мощи явились определяющим условием потенциальной дестабилизации локально-регионального уровня, получивших форму конфликта (столкновения) цивилизаций западного и восточного типов, между иудео-христианской и арабской моделью развития («ближневосточный конфликт» и др.).

Военные конфликты на постсоветском пространстве (Чечня, Грузия и др.), ближнем зарубежье (Афганистан, Пакистан и др.), «майданные революции» (*араб.* «майдан» – городская площадь) в арабском мире (Алжир, Египет, Ливия, Сирия, Тунис и др.) – реальная форма выражения неустойчивости современной военно-политической локально-региональной ситуации, обусловленной как внутренними, так и внешними факторами. Впрочем, локальные конфликты существенно не увеличили «степень неустойчивости» региона. Более того, сокращается присутствие армии США в Афганистане, в ближайшее время намечается вывод их войск из Ирака, ведутся переговоры с новым сирийским руководством и т. п.

Демографические условия. Рост мирового населения – решающий фактор стабильности глобальной социоприродной системы, на котором «завязаны» практически все ее другие параметры.

К началу второй декады XXI в. в мире будет насчитываться около 7 млрд человек (для сравнения: в 1992 г. – 5 млрд чел.). Иначе говоря, абсолютный рост мировых демографических показателей сочетается с их относительным снижением.

При этом рождаемость снижалась не только в развитых странах (что для них является вполне устойчивой тенденцией), но и в развивающихся государствах (где отчетливо ощущаются элементы этой тенденции). И хотя определяющие мировые «демографические доноры» (Китай и Индия), сохранили свой лидирующий статус, тем не менее, и в этих странах фиксируются демографические изменения. Речь идет, например, о существенном постарении населения и его «перетекании» в городские ареалы. Молодое поколение, приобретая лучшее образование, тяготеет к трансформации традиционных демографических стереотипов.

Экономическая составляющая. Мировая экономическая ситуация отнюдь не носила устойчивого характера, балансируя между ростом и серьезными потрясениями.

Кризисные явления как неотъемлемый элемент динамики рыночных отношений продолжили свои перманентно

«ассенизаторские функции». С конца 1980-х – начала 1990-х годов локальные и региональные кризисы сотрясали мировую экономическую систему («черный понедельник», 1987; Мексиканский кризис, 1994–1995; Азиатский кризис, 1997; Российский кризис, 1998; мировой финансовый кризис, 2007–2011) – трясет нефтяные рынки, теряет устойчивость доллар, под угрозой оказывается стабильность еврозоны и т. п. И хотя время между кризисами стремительно сокращается, тем не менее, мировая финансово-экономическая система неуклонно возрождалась.

При этом мировая экономика, опирающаяся на процессы глобализации, активизирующиеся с начала 1990-х годов, значительно повысила «степень интегральности» за счет включения в свою орбиту экономических систем постсоветского типа. Тем самым увеличилась взаимосвязь национальных экономик, активно использующих интегративные механизмы. Высокие технологии, реализуемые в рамках мировой экономики, в условиях постиндустриального общества формируют реальные возможности для преодоления зависимости от традиционной энергетики, повышения эффективности использования природно-ресурсного потенциала, рационализации производственно-хозяйственной деятельности. «Информационная экономика», возникшая в процессе совершенствования Интернета на рубеже 1980–1990-х годов, преодолевает фатальную зависимость социума от материальной среды, выводя деятельность в «виртуальную реальность».

Социально-экологические процессы. Противоречия глобальной системы «человек–социум–биосфера» сохранили в целом негативную динамику при определенных позитивных сдвигах на уровне конкретных локально-региональных социоприродных систем.

В бурной мировой дискуссии о последствиях климатических изменений на планете в процессе расширения производственно-хозяйственной деятельности «победили» приверженцы глобального потепления. Это и определило основные направления усилий мирового социума, направленных на смягчение последствий «парникового эффекта».

Ядерно-радиационная катастрофа на японской АЭС (Фукусима Дай-ичи) – эпицентр внимания к экологическим последствиям человеческой деятельности после Чернобыльской трагедии. Еще раз выявилась высокая «степень уязвимости» цивилизации в результате

наложения природных и техногенных катастроф, что чревато опасными последствиями для окружающей среды и человека.

Качество жизни. В программе «Цель развития тысячелетия» ООН сформулированы восемь масштабных задач, «зацикленных», по существу, на решении проблем человека (сокращение нищеты и голода, развитие образования, снижение смертности и увеличение средней продолжительности жизни, экологическая устойчивость развития и др.).

С начала 1990-х годов под эгидой ООН разрабатываются показатели индекса развития человеческого потенциала, измеряемого соотношением дохода ВВП на душу населения, ожидаемой продолжительностью жизни и уровнем грамотности. Историческая динамика этих показателей позволяет сформулировать два, по меньшей мере, основных вывода.

Во-первых, пока не удалось решить задачу преодоления существенного разрыва в показателях жизни наиболее и наименее развитых стран. И хотя «ножницы» между «богатыми» и «бедными» странами не утрачивают своей дихотомии, тем не менее, во-вторых, фиксируется тенденция к относительному улучшению ряда показателей развивающихся стран (снижение материнской смертности и смертности детей младших возрастов, развитие образовательной системы и др.).

Итак, острота локально-региональных противоречий (военно-политических, демографических, экономических, экологических и др.), разрешаемых цивилизацией на протяжении «устойчивого двадцатилетия», нередко приобретающих турбулентный характер, не привели, однако, к опасной дестабилизации мировой социоприродной системы, сохраняющей «из последних сил» свои исторически сложившиеся характеристики. Более того, именно в этот период закладывались основания экономической модели нового типа – «зеленой экономики».

Очевидно, что в рамках «устойчивого двадцатилетия» в той или иной мере реализовывался процесс «озеленения» всех элементов глобальной социоприродной системы. Стратегия экономики «зеленого» типа придает этому процессу еще большее ускорение.

Ее поддерживает мировой бизнес: крупнейшие компании и корпорации разрабатывают и реализуют собственные программы устойчивого развития. Всемирный совет предпринимателей по устойчивому развитию, объединяющий свыше 200 крупнейших

международных организаций, в своих последних решениях указывает: стратегия «озеленения» мировой экономической модели – «ключ» к устойчивому будущему цивилизации. Более того, как подчеркивают его лидеры, коммерческий успех должен сочетаться с эффективным решением социально-экологических проблем, что обеспечит «будущее компаний», являясь формой выражения корпоративной социальной ответственности.

Бизнес, поддерживая «озеленение» экономики как механизм реализации стратегии устойчивого развития, выражает стремление «играть» по правилам, которые устанавливаются национальным государством и международными структурами. И это в полной мере относится к УР-стратегии, в целом поддержанной мировым сообществом, члены которого, тем не менее, осуществляли ее реализацию разными темпами и масштабами.

Целенаправленно и эффективно действовал Европейский Союз. Достаточно конструктивно реализуется стратегия ЕС по устойчивому развитию (2001), позднее (2004) уточненная, в основе которой стремление к балансу между экономическим процветанием, высоким уровнем охраны окружающей среды и социальной справедливостью. Подводя ее итоги, в материалах Европейской комиссии отмечается их противоречивость.

С одной стороны, страны ЕС существенно продвинулись по пути устойчивого развития: правда, одни в большей степени, другие – меньшей. При этом реализация общеевропейской УР-стратегии, имея общие тенденции (например, особое внимание к муниципальным механизмам решения), характеризуется национальными особенностями. Скажем, Швеция тяготеет к программам сбережения и рационального использования энергоресурсов, Германия делает акцент на строительстве экологически ориентированных жилищных объектов, в Голландии увлечены совершенствованием аграрных систем и т. п. В любом случае статистика свидетельствует: средняя продолжительность жизни европейского населения неуклонно увеличивается, составляя величину порядка 80 лет. С другой – не всё благополучно в «европейском королевстве» – финансово-экономический кризис затрагивает всё больше членов ЕС (реальная перспектива дефолта Греции, трудности Италии, ряда восточноевропейских стран и др.), под угрозой оказывается стабильность евро, целостность сложившейся европейской государственно-политической структуры.

В этой ситуации относительной региональной разбалансированности ЕС отнюдь не «опускает лапки». Напротив, принимается новая европейская стратегия экономического развития на ближайшие 10 лет – «Европа 2020: стратегия разумного, устойчивого и всеобъемлющего роста». В ее основе неуклонное следование принципам устойчивого развития, а именно: динамизм экономики, основанной на эффективности применения знаний и инноваций; качественность роста, обусловленная рационализацией использования природно-ресурсного потенциала; социальность развития, когда рост направлен на повышение человеческого потенциала.

Особый интерес представляет эволюция стратегии устойчивого развития США как наиболее экономически зрелой социоприродной системы, определяющей, особенно с начала 1990-х годов, основные ориентиры мировой динамики. Приняв под эгидой Совета по устойчивому развитию при Президенте национальную УР-стратегию (1996), США связали «представление о будущем» с динамично развивающейся экономикой, охраной окружающей среды и сохранением социоприродной среды.

Однако при реализации этой стратегии становилось очевидным, что затруднительно запрячь «трепетную лань» устойчивого развития в «телегу» традиционного экономизма. Тем не менее администрация США стремится сочетать американоцентризм внутренней политики, реально направленной на повышение национального индекса развития человеческого потенциала (внимание на программы здравоохранения, совершенствование выхлопной системы автомобиля и т. п.), с восприятием глобальных реалий – именно на это направлены американские обещания на сокращение выбросов парниковых газов на 17 % к 2020 году (ЕС запланировал несколько большую величину – 20 % к этому же периоду), как один из решающих факторов мировой климатической динамики.

Чрезвычайно важна в этом отношении позиция Китая, экономические масштабы которого, по всем прогнозам, к середине XXI в., если и не превысят показатели США, то пойдут с ними «ноздря в ноздю». Страна должна решить задачу глобального масштаба – обеспечение самого многочисленного населения (около 1,4 млрд человек). Для ср.: численность всего населения ЕС – примерно 500 млн человек) при сохранении устойчивости естественных экосистем (лишь 8 % территории покрыто лесами

и высокая степень биосферной деградации) и повышении человеческих показателей развития (пока средняя продолжительность жизни – около 60 лет).

Представленная программа устойчивого развития КНР (2003) носит базовый и прогностический характер. В ее рамках предполагается реструктуризация экономики (приоритет отдается внутренним источникам роста); реальное улучшение характеристик среды обитания человека (сокращение выбросов в биосферу); существенная рационализация использования природных ресурсов (намечается снижение энергоемкости производства).

Государственный совет КНР одобрил план сокращения выбросов парниковых газов на 12-ю пятилетку (2011–2015), согласно которому в 2015 г. выброс углекислого газа на единицу ВВП должен снизиться на 17 % по сравнению с 2010 г., т. е. поддерживается «парниковый» паритет с США – основным экономическим конкурентом. Прогнозируется тенденция улучшения качества жизни человека (к 2050 г. средняя продолжительность жизни в Китае должна достичь, как планируется, современных показателей в развитых странах).

На постсоветском пространстве особую активность в области стратегии устойчивого развития проявляют две страны, а именно: Белоруссия и Казахстан.

К середине 1990-х годов была одобрена Первая Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь; утверждена Национальная стратегия устойчивого развития на период до 2020 года. В ее рамках провозглашается курс на формирование социально ориентированной рыночной экономики, построение демократического правового государства и т. п. Возникает вопрос: насколько реальна увязка «правильных» теоретических положений с их реализацией в условиях сложившейся национальной политической модели и современных кризисных экономических тенденций?

Для Казахстана характерны довольно высокие темпы экономического роста: на рубеже веков соответствующие показатели достигали 9 % (для ср.: Румыния – 3 %, Венгрия – около 4 %, Украина – 5 %). Реальный технико-экономический потенциал (ресурсные возможности, советское промышленное наследие и т. п.) создает основы для реализации стратегических планов (Концепция экологической безопасности до 2015 года, Стратегия развития Казахстана до 2030 года и др.). Концепция перехода Республики Казахстан

к устойчивому развитию (2007–2024) исходит из того, что страна станет одним из лидеров в евразийской геополитической системе.

Трудно однозначно оценить российскую ситуацию. С одной стороны, РФ – одна из немногих стран мирового сообщества, в которой не утверждена национальная стратегия устойчивого развития. Ей не удалось воспользоваться в полной мере периодом «тучных годов», чтобы диверсифицировать модель экономического развития, преодолеть доминанту «ресурсной экономики» и выйти на уровень современных форм динамизма. По данным ВОЗ (2011), средняя продолжительность жизни в России составляет 68 лет (при этом показатели для мужчин немногим выходят за пределы современного пенсионного возраста). Впрочем, такие же демографические показатели характерны для стран постсоветского пространства (Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Украина и др.). В результате стратегия устойчивого развития, ориентированная на качественный, но не количественный рост, и, не соответствующая реальным потребностям социума, не выходит на уровень приоритетных политических решений.

С другой стороны, в России есть, в сущности, всё для того, чтобы не только принять, но и реализовать УР-стратегию.

- Объективная необходимость преодолеть «ресурсное проклятие» национальной экономики, т. е. ее зависимость от природно-ресурсного потенциала, в большей степени соответствовать стереотипам постиндустриальной цивилизации.

- Наличие природных ресурсов, позволяющих при рациональном их использовании, заложить реальные основы динамичной экономики модернизационно-инновационного типа.

- Разработанная совокупность юридических актов (указы Президента, правительственные решения, доктрины и др.), как непосредственно связанные со стратегией устойчивого развития (принятые в 1990-е годы), так и эффективно с ней коррелирующие (принятые в первой декаде XXI в.).

- Политическая необходимость, ибо вхождение в лидирующую группу стран мирового сообщества (во всех из них приняты национальные УР-стратегии), членство в престижных международных организациях (в том числе и в ВТО), предполагает поддержку общих «правил игры».

- Стратегическая необходимость, поскольку евразийская сущность России исходит из баланса между вестернизационными

и ориентальными стереотипами. Выход на этот баланс и есть, в сущности, «рациональное зерно» стратегии устойчивого развития. Россия как евразийская социоприродная система имеет прогностические основания для ее эффективной реализации.

С конца первой декады XXI в. экспертные группы активно работают над Стратегией социально-экономического развития РФ до 2020 г. Однако из них немногим более двух десятков (большая часть) занимается собственно экономической проблематикой, другая (меньшая) – социокультурными вопросами. И лишь одна экспертная группа рассматривает проблемы здоровья и охраны окружающей среды.

«Экономизм» формируемой стратегии понятен, ибо вне эффективной экономической базы вряд ли реально возможны действенные программы социокультурного и экологического развития социума. Вместе с тем «стратегия 2020», ориентированная на перспективу, решая базисные экономические проблемы, чтобы соответствовать идеологии XXI в., должна, хотя бы «в уме», исходить из более отчетливой взаимосвязи «экономизма», «социологизма» и «экологизма».

С начала 1990-х годов разрабатываются критерии измерения степени устойчивого развития государств (индексы, индикаторы и др.). Наиболее репрезентативны в этом отношении доклады о человеческом развитии, выходящие под эгидой ООН, где публикуются индексы развития человеческого потенциала отдельных стран. В последнем из них «Устойчивое развитие и равенство возможностей: лучшее будущее для всех» (2011) соответствующие показатели увязываются с реализацией стратегии устойчивого развития, учитывая не только экономические, но и социокультурные и социально-экологические критерии.

Из 187 государств мирового сообщества выделены примерно равные по количеству их группы – с очень высокими (1), высокими (2), средними (3) и низкими (4) показателями человеческого (устойчивого) развития:

– группа 1. Норвегия, Австралия, Нидерланды, США, Новая Зеландия, Канада и др.;

– группа 2. Уругвай, Румыния, Куба, Болгария, Саудовская Аравия, Мексика и др.;

– группа 3. Алжир, Шри-Ланка, Доминиканская Республика, Китай, Таиланд и др.;

– группа 4. Кения, Пакистан, Бангладеш, Ангола и др.

Россия отнесена к группе 2, располагаясь в ее середине, непосредственно рядом с Белоруссией и Казахстаном. И в этом смысле реализация евразийской функции РФ имеет не только историческое, но и экономическое обоснование.

Уже на протяжении нескольких столетий Россия занимает существенное место в динамизме цивилизации. Сохранить эту роль возможно лишь, преодолев ресурсную зависимость национальной экономической модели, и войти на равных в цивилизацию постиндустриального (модернизационного), или устойчивого, типа.

Стратегия устойчивого развития – объективная форма динамизма цивилизации, балансирующей между необходимостью экономического роста, сохранением исторически сложившихся экосистем и развитием человека. Современная цивилизация или выходит на уровень устойчивого развития (наименования могут быть самые различные, но суть едина), или в исторически обозначенные сроки (по расчетам Римского клуба – к концу XXI в.) ей уготован «закат».

5. Рио-92 + 20: «будущее, которое мы хотим»

Конференция ООН по устойчивому развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 2012) – Рио-92 + 20 (Саммит IV) выдвинула три основные цели, а именно:

1) поддержка мировым сообществом стратегии устойчивого развития;

2) подведение итогов ее реализации;

3) выявление новых проблем и оценка их перспективного разрешения.

Конкретизация этих целевых установок выразилась в тематической направленности Саммита. В его рамках сформулированы в самом общем виде две проблемы, требующие анализа, а именно:

– во-первых, основные направления динамики «зеленой экономики», выход на уровень которой рассматривается как основной механизм реализации принципов устойчивого развития социума, в том числе и искоренение нищеты в мировом масштабе;

– во-вторых, рассмотрение институциональных форм УР-стратегии, ее организационных механизмов.

Концепция устойчивого развития по-прежнему рассматривается мировым сообществом как стратегия, обеспечивающая позитивное развитие цивилизации будущего. При этом ее реализация приобретает более конкретные формы в виде концепции «зеленой экономики», которая предполагает эффективный баланс экономических, экологических и социальных механизмов, стремясь соответствовать целевым установкам как мирового, так и национально-регионального развития.

Теоретические основания этой концепции опираются на современные экономические воззрения, и прежде всего представления, разрабатываемые в рамках экологической экономики (экономики окружающей среды), которая выявляет механизмы взаимосвязи экономических и экологических принципов развития социоприродных систем. Традиционная экономическая модель («коричневая экономика») рассматривается как определяющий фактор деградации естественной среды обитания человека.

«Зеленая экономика» – альтернатива ресурсопотребительской экономической системе. В ее рамках традиционная экономическая система, связанная с механизмами производства, распределения и потребления товаров (и услуг), ориентируется на удовлетворение потребностей человека в таких формах, которые не создают неблагоприятных условий для социально-экологического существования как настоящих, так и будущих поколений.

Выход цивилизации на уровень «зеленой экономики» предполагает реализацию трех, по крайней мере, базовых принципов, а именно:

– во-первых, принцип природного фактора и ресурсных услуг, в соответствии с которым постулируется баланс (при приоритете биосферных требований) природоохранных и производственно-хозяйственных установок цивилизации;

– во-вторых, принцип экологической занятости, когда экономический динамизм социума связывается с реализацией эффективной природоохранной политики, и в частности с созданием «зеленых» рабочих мест;

– в-третьих, принцип взаимосвязи экономических, экологических и социокультурных взаимосвязей как фактор конструктивного развития элементов системы «человек–социум–биосфера».

Для реализации этих принципов предлагается совокупность механизмов (политических, экономических, социальных и др.). Отметим некоторые из них:

- Принятие и реализация национальной концепции устойчивого развития как стратегической основы экономики «зеленого» типа.

- Рост государственных инвестиций во все сферы производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности, соответствующих современным представлениям эффективности; расширение государственной закупочной политики, стимулирующей формирование «зеленых» рынков и предприятий.

- Целевая государственная поддержка исследований, связанных с разработками новых технологий (повышение «степени замкнутости», эффективность и т. п.); активизация разработок в сфере возобновляемых источников энергии и энергоэффективности производственно-хозяйственной деятельности во всех их проявлениях.

- Совершенствование механизма ценообразования в процессе использования природных ресурсов; выведение из налоговой базы рабочей силы и ужесточение механизма налогообложения деятельности, имеющей негативные последствия для человека и среды его обитания.

- Активизация социальной стратегии, связывающей интересы социума, государства и качество среды обитания человека.

- Взаимосвязь государственной политики и рыночных механизмов как фактора оптимизации системы «человек–социум–биосфера».

С начала XXI в. в системе организаций ООН разрабатываются четыре программы реализации стратегии «зеленой экономики». Несколько подробнее о каждой из них.

1. В рамках Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) принята и действует стратегия «зеленой экономики», включающая следующие направления деятельности, а именно:

- рационализацию моделей потребления и производства;
- введение принципов «зеленой экономики» в рамках деятельности рынков и предприятий;
- динамическое развитие национальной и региональной инфраструктуры;

- целенаправленность налоговой и бюджетной реформы;
- инвестирование в природный капитал;
- оценка экологической эффективности деятельности социума во всех проявлениях.

Наиболее конструктивно эти принципы реализовывались в Республике Корея, которая одной из первых не только приняла, но и воплотила национальную концепцию «зеленой экономики» как механизм конкретизации стратегии устойчивого развития. В ее рамках прилагались усилия для обеспечения экономического динамизма при рационализации использования природных ресурсов и минимизации воздействия производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности на среду обитания человека. При этом государственная политика ориентировала рынок на рост инвестиций в природоохранную деятельность, что и явилось существенным фактором национального социально-экономического роста. Одним из стимулирующих факторов выступает «зеленая» налоговая реформа (опирающаяся на опыт скандинавских стран и Германии), способствующая расширению деятельности природоохранного характера.

2. Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) ориентирована на поддержку усилий в переориентации национальных социально-экономических стратегий в те сектора деятельности («чистые» технологии, альтернативные источники энергии, современные транспортные системы, экологичность аграрного сектора и др.), которые связаны с балансом элементов системы «человек–социум–биосфера». Провозглашенный глобальный «зеленый курс» – ответ на вызовы современного системного кризиса, затронувшего большинство стран мирового сообщества.

Предполагается, что его радикальное преодоление реально в процессе вложения государственных инвестиций («зеленый пакет») в области, связанные с природоохранной деятельностью, развитием человеческого потенциала. Эти меры, с одной стороны, будут способствовать интенсификации «вхождения» национальной экономики в «зеленую» область при ростовом динамизме (повышение занятости, создание новых рабочих мест и т. п.); с другой – создаются реальные условия для «экологизации» деятельности во всех ее проявлениях.

3. Конференция ООН по торговле и развитию в сотрудничестве с другими ооновскими учреждениями предлагает несколько иной подход к выходу на уровень «зеленой экономики». Речь идет о необходимости не столько микроэкономического анализа интернализации внешних факторов, сколько макроэкономического рассмотрения государственной политической стратегии, обеспечивающей реализацию принципов устойчивого развития.

В этом контексте решение проблемы изменения климата связывается с расширением государственных инвестиций в инфраструктуру (развитие возобновляемых источников энергии, замкнутые технологические процессы и т. п.). Это создаст, с одной стороны, условия для расширения возможностей доступа населения развивающихся стран к энергетическим ресурсам, а с другой – будет способствовать уменьшению выбросов парниковых газов в атмосферу. Координация государственных и частных инвестиций рассматривается как эффективная стратегия выхода на уровень «зеленой экономики».

4. Программа, разработанная совместно с ЮНЕП и Международной организацией труда (МОТ), акцентирует особенное внимание на социальную составляющую новой экономической модели. Речь идет о том, что выход социума на уровень «зеленой экономики» расширяет социальные возможности населения, предоставляя дополнительные рабочие («зеленые») места. По имеющимся оценкам, опираясь, например, на опыт Индии, в мировом масштабе величина соответствующих рабочих мест может приблизиться к цифре порядка 60 млн. Таким образом, социально-экономическая стратегия увязывается со стратегией реального разрешения как мировых, так и национально-региональных социально-экологических противоречий.

Предполагается, что странам мирового сообщества для эффективной реализации стратегии устойчивого развития, стремящимся выйти на уровень «зеленой экономики», необходимо выделять около 2 % ВВП, что позволит, по расчетам ЮНЕП, в течение 10 лет сбалансировать взаимоотношения элементов системы «человек–социум–биосфера». ЮНЕП исходит из того, что целенаправленные инвестиции в 10 секторов экономики (сельское хозяйство, энергетика, строительство, туризм и др.) позволят не только повысить

жизненный уровень населения, но и примерно на 50 % уменьшить антропогенное воздействие на природную среду к середине XXI в.

При этом каждая страна, исходя из принципов устойчивого развития (и собственной концепции УР), разрабатывает национальную стратегию «зеленой экономики», учитывая национально-региональную специфику (уровень экономики, особенности культуры, ментальность населения и т. п.). Вместе с тем подтверждаются глобальные интегрирующие функции учреждений ООН при реализации стратегий УР и разработке национальных вариантов «зеленой экономики».

Комиссия ООН по устойчивому развитию, функционирующая с начала 1990-х годов, выступает в качестве организации высокого уровня, которая объединяет и конкретизирует усилия международных структур в сфере взаимосвязи экономических, экологических и социокультурных программ и проектов, составляющих основу УР-стратегии. Решения, подготовленные в ее рамках, выносятся на обсуждения более высокого уровня.

Еще в рамках решений Рио-92 промышленные страны обязались поддерживать усилия стран «третьего мира», выделяя на цели устойчивого развития 0,7 процента валового национального продукта. Рио-92 + 20, отмечая сложности в реализации этого решения, призвали развитые страны-доноры принять дополнительные меры для поддержки национальных стратегий УР.

Итак, что же в «осадке» Рио-92 + 20?

Во-первых, по-прежнему концепция устойчивого развития признается как стратегия позитивной динамики цивилизации XXI в.

Во-вторых, «позеленение» мировой экономики рассматривается как механизм ее эффективной реализации.

В-третьих, обозначается целесообразность более четкой взаимосвязи мировой и национальных УР-стратегий.

В-четвертых, подчеркивается необходимость «фундаментализации» и «информатизации» научных исследований и разработок в области устойчивого развития.

В-пятых, укрепляются международные структуры для повышения эффективности управления глобальными социоприродными системами.

Стратегия устойчивого развития – своеобразный мост между развитыми и развивающимися странами, государствами

и правительствами, научным сообществом и гражданским обществом и т. п. Именно в этом направлении движения цивилизации обеспечивается взаимосвязь экономических, экологических и социокультурных механизмов как одно из условий позитивного «вхождения» в будущее.

Девиз Рио-92 + 20 – «будущее, которое мы хотим». Выход на уровень «зеленой» (устойчивой) цивилизация рассматривается как реализация «Целей развития тысячелетия», принятых мировым сообществом в его начале.

На знамени цивилизации будущего начертаны три слова – *экономика, экология и человек*. Именно с таким «слоганом» продолжится ее продвижение в третье тысячелетие.

Глава 5

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ПОЛИТИКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

1. Принципы экологической экономики

Динамика экономической модели: от роста к развитию. Исторически сложившиеся экономические модели, ориентированные на ростовую экспансию, достигли в XX в. существенного прогресса в научно-технической, социально-экономической и других сферах. Однако уже к началу 1970-х гг. стало очевидно: дальнейшая экспансия ростовых отношений не имеет перспектив, ибо обозначились «пределы роста», связанные с относительной ограниченностью ресурсных и ассимиляционных возможностей биосферы¹.

Западная модель экономического развития, исходя из накопленного потенциала (технологического, социального, интеллектуального и т. п.), все более активно начинает включать в рыночный механизм экологическое измерение. Иначе говоря, рост в его современном виде предполагает существенный и биосферный контекст, т. е. постепенно осуществляется проникновение экологических идей во всю систему производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности западной цивилизации (экологизация экономики, науки и технологии, индивидуального и общественного сознания и т. п.).

Восточная модель, исходящая преимущественно из технологического опыта развитого мира, первоначально в значительной мере ориентировалась на западно-центристские установки роста. Предполагалось, что развивающиеся страны, не имеющие современных технико-технологических структур, могут быстрее (чем это характерно для промышленных государств в прошлом) перейти от «традиционного» к «постиндустриальному» обществу в «восточном исполнении», ассимилируя западный опыт.

Впрочем, та точка зрения, что только на путях копирования научно-технического и социально-экономического образцов западной модели можно рассчитывать на подъем периферии

---

¹ Печчеи А. Человеческие качества. – М., 1985.

мирового хозяйства, постепенно утрачивала былую популярность. Уже в 1980-х гг. был сформулирован тезис, в соответствии с которым прямой перенос западных технико-технологических решений в страны «третьего мира» не соответствует их условиям (историческим, социокультурным, природно-климатическим и др.). Отсюда возникла проблема не столько адаптации западных технологий (впрочем, эту тенденцию никто и не исключает), сколько целенаправленного создания соответствующих технико-технологических систем, ориентированных на специфические «восточные» условия.

Иная ситуация характерна для России, выбирающей национальную модель развития. И в середине 1990-х гг. страна как бы возвратилась к своему «серединному» (евразийскому статусу), занимая и в экономическом отношении промежуточное положение между Западом и Востоком. Очевидно, что, преодолев естественный этап переходного периода, Россия, восприняв в полной мере позитивные тенденции мирового развития (а для этого есть все условия, включая и интеллектуальный потенциал), найдет механизмы, учитывающие ее специфику, в том числе и в социально-экологической сфере (ментальность, уровень техники, природные особенности и т. п.).

Экологизация деятельности (развития) в различных социально-экономических условиях предполагает доминирование не количественных, но качественных показателей, показывающих статус социума в динамике мирового цивилизационного процесса.

В 1950–1970-х годах мировая статистика ориентировалась преимущественно на экономические показатели (внутренний валовой продукт, капитальные вложения, доходы населения и др.), учитывающие количественные критерии развития социума. При таком подходе страны, ориентированные на «вал», занимали первые строчки мировых экономических рейтингов.

В 1980–1990-х годах, в связи, в частности, с восприятием остроты мировой биосферной напряженности, были введены системные показатели развития. В их рамках учитываются как экономические показатели (в их традиционной форме), так и социальные показатели (или показатели «качества жизни») включают среднюю продолжительность жизни населения, расходы на образование, здравоохранение, охрану природной среды и др.

Оказалось, что по критериям «качества жизни» изменились прежние рейтинги стран мирового сообщества. Страны, доминирующие по экономическим (количественным) показателям (например, США), уступают по социальным (качественным) показателям, в частности, некоторым северным европейским странам.

Итак, в рамках современного цивилизационного процесса определился характер направления деятельности социума, а именно: от количественного к качественному типу развития. Очевидно, что страны, находящиеся на разных уровнях экономического роста, различным образом (в большей или меньшей степени) могут реагировать на эту тенденцию. Вместе с тем выявленные процессы – неуклонная тенденция мирового развития, обеспечивающая коэволюцию социума и биосферы.

От природопотребительства к природоресурсному воспроизводству. Основы мировой (западной) экономической модели, заложенные в конце XVIII в. (А. Смит и др.), исходили из теоретического обоснования фундаментального правила свободного рынка – закона стоимости.

В соответствии с ним на рынке товары продаются по стоимости, отклоняясь от нее в ту или иную сторону в зависимости от оппозиции «спрос – предложение». Закон стоимости исходит, во-первых, из свободной конкурентной борьбы; и, во-вторых, из сравнительно неограниченного естественного природно-ресурсного потенциала.

Реализация этих установок в условиях западной цивилизации явилась «мотором» ее динамизма и мировой экспансии. Вместе с тем постепенно выявлялись и негативные последствия развития западной экономической модели.

Примерно до середины XX в. западная экономическая модель не включала экологические ограничения роста – преобладала природопотребительская экономика. Эффективность производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности понималась преимущественно как максимально возможное получение благ в процессе потребления природно-ресурсного потенциала. При этом использование природных ресурсов (объем, количество отходов и т. п.) ограничивалось преимущественно экономическими соображениями.

Природопотребительский тип развития мировой цивилизации явился одной из основных причин усиления деградационных

изменений естественных экосистем – процесса, опасно расширившегося во второй половине XX столетия. Постепенно эффективность производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности стала пониматься как возможность максимального получения материальных благ не только при рациональном использовании природно-ресурсного потенциала, но и при активизации процессов, направленных на сохранение и восстановление природных ресурсов, поддержание равновесия социоэкосистем.

Эколого-экономическая модель социума восприняла, по крайней мере, два ограничения для роста традиционного типа:

– ограниченность возможностей биосферы для ассимиляции отходов технико-антропогенной деятельности (пределы «емкости биосферы»);

– принципиальная ограниченность (технологическая, экономическая и др.) невозобновимых природных ресурсов.

Эта модель реализовывалась на основе трех принципов, а именно: «загрязнитель платит», «предотвращение загрязнений» и «платность ресурсов». Эти принципы соответствовали историческим этапам реализации модели природно-ресурсного воспроизводства в странах западного типа развития.

Принцип «загрязнитель платит» отражает конфликтность ситуации между природоохранительной стратегией и проблемами экономического роста. С начала 1970-х годов эта конфликтность отчасти преодолевалась механизмом введения соответствующих штрафных санкций. Этот механизм, несмотря на ограниченность возможностей (штрафы не могут, к сожалению, полностью ликвидировать последствия антиэкологических действий), позволил во многих странах, тем не менее, связать экономические и экологические стереотипы развития.

В 1980–1990-х годах введенный *принцип «предотвращения загрязнений»* исходил из создания условий, при которых экономически выгоднее предусмотреть возможные негативные экологические последствия деятельности, чем преодолевать возникающие социально-экологические противоречия. Создается новая эколого-экономическая ситуация, в которой цели сохранения и воспроизводства природных ресурсов входят в общую систему ценностей развитой цивилизации. Разрабатывается позитивная форма стимулирования природно-ресурсного воспроизводства (налоговые льготы, продажа лицензий, квот и др.).

Принцип «платности ресурсов» является, в сущности, основным механизмом, призванным рационализировать природно-ресурсное потребление. Введение платного природопользования способствует адекватному учету экологических факторов в деятельности социума. Выделение платы за право пользования природными ресурсами и за их воспроизводство, а также охрану демонстрирует свою эффективность лишь в условиях развитого рынка.

Именно в рамках развитого социума создается действительно эффективный экологический рынок, т. е. рынок услуг и товаров, создающий условия рационализации производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности, исходя из интересов как человека, так и экосистем. Впрочем, мировой опыт показал ограниченность использования в природно-ресурсной сфере лишь рыночных отношений.

Очевидно, наибольшая эффективность природоохранительной и природно-ресурсной деятельности связана с реализацией механизмов «промежуточного типа», что особенно важно для стран с «переходной экономикой». Действительно, эффективное функционирование экологического рынка и создание экологического менеджмента требуют стимулирующей поддержки государственных структур. Чем развитее экологический рынок, тем меньше может быть его «степень управляемости» государственной системой на пути реализации природно-ресурсных и природоохранительных стереотипов.

2. Динамика эколого-экономического развития цивилизации

От теории к практике. С середины XX в. фундаментальные исследования по экономическим аспектам экологии довольно активно стали переходить из сферы экономической науки (экономика окружающей среды) в область реальной экономики. Это было обусловлено рядом обстоятельств. Отметим некоторые из них.

Во-первых, действительная острота экологической ситуации в большинстве развитых стран, воспринятая к началу 1970-х годов как опасный фактор дестабилизации и перспективной деградации цивилизации западного типа. Этот тезис отчетливо был сформулирован в рамках Конференции ООН по окружающей среде

(Стокгольм, 1972), поддержанный большинством стран мирового сообщества.

Во-вторых, реальное восприятие идей первого доклада Римского клуба («Пределы роста», 1972), в соответствии с которыми глобальная компьютерная модель, при сохранении современных стереотипов мирового развития, свидетельствовала о катастрофическом развитии отношения «человек–социум–биосфера». И это требовало, для экологического выживания западной цивилизации, действительных изменений экономической модели развития.

В-третьих, западная модель экономического развития, несмотря на свои недостатки и издержки, создала материальные предпосылки, на основании которых все большая часть ресурсов (финансовых, технических и др.) может быть направлены на цели, корректирующие экономическую экспансию, в том числе и в экологической сфере.

В-четвертых, индивидуальное (и общественное) сознание в развитых странах оказалось подготовленным как к адекватному восприятию остроты экологической ситуации, так и реальным действиям, направленным на преодоление конфликта в системе «человек–социум–биосфера».

Экологизация рынка. Традиционные рыночные отношения, не учитывающие экологических факторов и условий, трансформировались, пытаясь преодолеть свою историческую и социокультурную ограниченность, опирались, тем не менее, именно на механизмы рынка. Выделим некоторые из этих механизмов:

– Частная собственность, позволяющая «привязать» к владельцу не только принадлежащий ему продукт на продажу, но и негативные факторы производственно-хозяйственной деятельности (например, отходы производства). В результате не только сохраняются права на собственность, но и расширяются обязанности собственника (в частности, связанные с утилизацией отходов производственно-хозяйственной деятельности).

– Относительно свободный обмен товаров и услуг, когда более эффективный собственник, взявший, например, кредит на создание более «чистого» потребительского товара, получает предпочтение по сравнению с другими производителями на бытовом рынке.

– Широта информационного потока, создающая предпосылки для полного представления потребителя о товаре (его качестве,

способе применения и т.п.), повысившая конкурентоспособность экологически чистой продукции.

В 1980–1990-х годах в развитых странах сформировался существенный рынок «экологического бизнеса» – отрасли деятельности, обеспечивающей товары и услуги в сфере охраны природы и рационального природопользования. В большинстве из них бизнес в этой сфере становится важным фактором экономической динамики. Например, в Германии свыше 20 % ВВП дает именно экологический бизнес. Его специфика заключается в том, что в его рамках развиваются современные технологии и реализуются прогрессивные научно-технические решения. Это касается новых технологических процессов (создание относительно замкнутых технико-энергетических систем), экологически чистых продуктов и т. п. Опыт развитых стран показывает, что выход на уровень деятельности экологического характера обеспечивает экономическую эффективность производственно-хозяйственной системы. Иными словами, экологичность деятельности отнюдь не противоречит ее экономичности. Однако, чтобы принцип экономичности экологической деятельности «заработал», необходимо предусмотреть и реализовать систему мер, стимулирующих природоохранную ориентацию бизнеса.

Экономические механизмы эcobизнеса. Отметим некоторые рыночные инструменты экологизации деятельности.

Налоги (штрафы). Конкретные выплаты предприятия за загрязнение окружающей среды и нерациональное использование природных ресурсов.

Различаются прямые и косвенные экологические налоги. Прямые налоги связаны с выплатами за выбросы (или сбросы) непосредственно в процессе производственного цикла (например, за сверхнормативный выброс двуокиси серы в процессе производства серной кислоты). Косвенные налоги – обусловлены платой за некачественную с экологической точки зрения продукцию (например, за произведенную мебель, покрытую некачественным лаком). При этом размер штрафов носит такой характер, что предпринимателю выгоднее совершенствовать технологию производства с природоохранной точки зрения, чем выплачивать штрафные санкции.

Государственные субсидии. Поддержка предприятий, производящих продукцию экологической направленности и высокого качества.

Предприятия получают финансовую поддержку, если их деятельность имеет природоохранную направленность, а именно: во-первых, производственный цикл соответствует принятым экологическим нормам; во-вторых, продукция обеспечивает природоохранные потребности социума (очистные сооружения и т. п.); в-третьих, продукт, производящийся на предприятии, удовлетворяет современным экологическим требованиям.

Инвестиции могут поступать в форме налоговых кредитов, ускоренной амортизации оборудования, ценовой поддержки и др. Этот процесс поддерживается как на государственном (банковский государственный кредит), так и частном уровне (субсидии от частных банков).

Квоты на загрязнение. Создание банка квот (прав), что позволяет загрязнителю регулировать процесс выброса (и сброса) загрязняющих веществ.

Любая производственно-хозяйственная система имеет право на выброс (сброс) определенного объема загрязнителей (например, выброс углекислого газа). Если в результате технической модернизации удастся уменьшить объем соответствующего выброса, то создаются условия, при которых производитель, сокращая свои выбросы, экономит разрешения для будущего использования или перепродажи (через банк) другим пользователям. Тем самым предприятие, ориентированное на экологически совершенные технологии, получает реальную возможность экономического эффекта.

Административные инструменты экобизнеса. Речь идет о введении различного рода нормативов и запретов, имеющих обязательный характер для ресурсопотребителей (и природозагрязнителей).

Введение экологических стандартов. Разрабатывается (и реализуется) система показателей (качества окружающей среды, технологии, продукции и др.), обеспечивающих природоохранные стереотипы.

Качество окружающей среды обеспечивается регламентацией ряда показателей. Одни из них – предельно допустимая концентрация (ПДК) конкретного вещества в природной среде. Предполагается, что если соответствующие показатели соответствуют нормативам, то выбросы (или сбросы) не оказывают неблагоприятного

воздействия ни на человека, ни на природную среду. ПДК – важный фактор воздействия на характер и масштабы производственно-хозяйственной деятельности.

Аналогичным образом разрабатываются стандарты на экологически ориентированную технологию, которая должна соответствовать определенным показателям (степень замкнутости, рецикличность и др.). Реализуются стандарты качества продукции («зеленая продукция»), призванной соответствовать экологическим нормативам (например, пищевые продукты должны производиться с использованием ограниченных химических добавок).

Оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС). Изучение актуальных и потенциальных последствий производственно-хозяйственной деятельности на природную среду.

Особенно эффективен ОВОС на стадии проектирования производственно-хозяйственных объектов, что позволяет административно (лицензия) участвовать в принятии решения о возможности соответствующего строительства. Оценка потенциального объекта создает предпосылки того, что еще на стадии проектирования предусматриваются возможные негативные экологические последствия хозяйственной последующей деятельности. Тем самым обеспечивается их устранение или проект не получает лицензию природоохранных органов.

Сложнее реализовать стратегию ОВОС на стадии уже функционирующей производственно-хозяйственной системы. Для этой цели применяется ее *экологический аудит (экоаудит)* – как внутренняя, так и внешняя проверка, контролирующая соответствие документации и фактической деятельности производства, природоохранным нормативам, законодательным актам и т. п. Экоаудит является составной частью производственно-хозяйственной деятельности предприятия, позволяя сочетать экономическую эффективность с повышением экологической безопасности производства. Результаты экоаудита могут поставить вопрос о запрете конкретного производства или выпуска определенной продукции, не соответствующей современным природоохранным нормам.

Рынок или административные методы? Адекватный ответ на этот вопрос носит исторический характер.

Еще в первой половине XX в. рыночные отношения не учитывали *экстерналии*, т. е. внешние последствия производственно-

хозяйственной деятельности в ее негативном воздействии на естественную среду. На рубеже 1960–1970-х годов реализация фронтальной (или ковбойской) экономики в условиях складывающихся рыночных отношений обуславливала реальную остроту (и даже конфликтность) взаимоотношений человека и среды его обитания.

В экологическом измерении традиционный рынок давал опасные сбои, т. е. в его рамках не удавалось сбалансировать экономические и природоохранные интересы. Скажем, рынок неплохо оценивал ближнесрочные последствия того или иного технико-технологического или экономического решения. Однако стратегические ориентиры, оценка долгосрочных тенденций не были для него (рынка) характерны. В перспективе выявляются негативные социально-экологические последствия производственно-хозяйственной деятельности. Более того, права частной собственности как базовой характеристики рыночных отношений предоставляли возможность предпринимателям практически неограниченную свободу хозяйственной инициативы. И это, с одной стороны, создавало предпосылки эффективности деятельности, условия для ее динамизма; с другой – обуславливало приоритеты экономизма, неуправляемого динамического развития, приводящих, в конечном счете, к негативным явлениям и процессам в системе «человек–социум–биосфера».

Экспансия рынка потребовала определенных ограничений на государственном уровне. Именно государство в развитых странах взяло на себя ответственность за регулирование взаимоотношений между эффективностью бизнеса и его экологической ориентацией. С этой целью в большинстве развитых стран были созданы централизованные природоохранные структуры, которые на основе разработанного и принятого законодательства с помощью государственного нормирования, контроля и санкций попытались экологизировать традиционные рыночные отношения.

Вряд ли в перспективе государственное управление экологизацией бизнеса станет доминирующим. Государственные природоохранные системы будут по-прежнему разрабатывать и контролировать эффективность реализации экологического законодательства; создавать условия, при которых бизнес, конструктивно развиваясь, мог бы сочетать динамизм с экологизмом. Следовательно, лишь

во взаимосвязи рыночных и государственных механизмов можно выйти на уровень эффективного хозяйствования с учетом экологических требований и стереотипов.

3. Глобализация мировой экономической модели

Глобализация экономики – растущая интеграция национальных экономических систем, рост мировых внешнеторговых и финансовых потоков, расширение информационно-технологического и научного обмена, увеличение межграничного потока рабочей силы и туристов, рост трансграничного переноса загрязнений и др. процессы интеграции национальных и региональных экономик приобретают такие масштабы, что глобальная экономика выступает в качестве самостоятельного феномена, обладающего собственной динамикой, внутренними закономерностями, тенденциями развития.

Современная эффективная модель развития балансирует между рыночным либерализмом, т.е. абсолютизацией рынка как механизма регулирования товарно-денежных отношений, и вмешательством нерыночных отношений, т. е. степенью государственного участия в производственно-хозяйственной деятельности. Если в XIX в. большинство развитых стран реализовывали идеологию предельно свободных рыночных отношений, то на рубеже XX–XXI вв. все в большей мере стала повышаться степень государственного вмешательства в систему производственно-хозяйственных отношений.

Очевидно, что не эффективна абсолютизация таких моделей как, «либеральная экономика» (неизбежность циклических кризисов различного масштаба) и «централизованная экономика» (крушение мировой социалистической системы). Как бы ни относиться к взаимоотношению «рынок – государство», именно экспансия западной модели развития рассматривается в качестве одного из определяющих факторов роста мировой экономики. И хотя национальный экономический уровень имеет, как очевидно, существенные различия, тем не менее, в целом в послевоенное время реальный среднедушевой доход населения увеличился вдвое.

С начала 1990-х годов мировая экономика выходит на принципиально новые рубежи развития. Одним из результатов глобализации стало изменение роли национальных рынков, т. е.

производственно-хозяйственная деятельность становится эффективной в том случае, если уже изначально ориентируется на мировой рынок, а не ограничивается лишь национальными рамками. Соответственно меняется и статус национального государства в системе мирохозяйственных связей. Если еще в XIX в. государство выступало в качестве ведущего субъекта международных экономических отношений, то в XX в., особенно с его второй половины, система международных соглашений регулирует экономическое поведение хозяйствующих субъектов. Контроль над их исполнением возложен на систему международных организаций, что ограничивает традиционные управленческие возможности национального государства.

На рубеже XX–XXI вв. структурируется экономика особого типа – глобальная экономика. Иначе говоря, на основе взаимосвязи национальных хозяйств неуклонно формируется сравнительно целостная экономическая система, где отдельные национальные хозяйства становятся определенной подсистемой относительно единого социально-экономического организма – глобальной экономики. В ее рамках именно законы экономики, т. е. приоритеты экономической эффективности и целесообразности, определяют социально-политические приоритеты и направления динамики развития цивилизации.

Отметим некоторые общие тенденции рыночной экономики в условиях глобализации, а именно:

- при значительном росте оборота мирового промышленного производства, тем не менее международная торговля товарами и услугами, включая денежно-финансовые операции, развивается динамичнее;

- усиливается интернационализация деятельности как крупных, так и средних (и мелких) фирм. ТНК, стремясь расширить рынки сбыта, интенсифицируют процесс слияний и поглощений конкурентных структур;

- динамично развивается финансовая сфера, которая в значительной мере является формой реализации интегративных тенденций мирового развития;

- усиливается дифференциация развивающихся стран, ибо некоторые из них, преимущественно в Африке, остаются на чрезвычайно низком уровне развития, другие, особенно «азиатские тигры», выходят на экономический уровень промышленных стран.

Важнейшая предпосылка глобальной экономики – процесс интернационализации капитала и производства. Этот процесс, реальные истоки которого обнаруживаются в XIX в., особенно активизируется в XX столетии.

Интернационализация – историческая форма глобализации, в рамках которой функционирование относительно самостоятельных национальных экономических систем предполагает выход на уровень мирового рынка. В экономике глобального типа национальные экономические системы входят составной частью в целостно-планетарную социально-экономическую структуру. Иначе говоря, во второй половине XX в. процесс экономической глобализации «поглощает» интернационализацию, которая становится элементом глобальной экономики.

Переход интернационализации в стадию (форму) глобальной экономики – реальный процесс современного мирового развития. Отметим некоторые его особенности.

Во-первых, относительная стабилизация (при абсолютном росте) мирового населения при сокращении прироста его численности в развитых странах, компенсирующие внутренние демографические показатели ростом миграции населения из развивающихся стран. Во-вторых, сравнительная гомогенизация (однородность) мировой модели развития, в рамках которой реализуются в той или иной форме рыночные принципы хозяйствования. В-третьих, экономический динамизм обуславливается не столько материальными факторами (масштабы производства, объемы потребления природных ресурсов и т. п.), сколько интеллектуальными предпосылками (развитие микроинформатики, синтетических материалов и новых видов энергии, нанотехнологии и др.). В-четвертых, эффективность национальных экономик является функцией их конструктивного участия в современных мирохозяйственных отношениях. И, наконец, в-пятых, единство мировой экономической системы сочетается с отказом от монополярного мира и выходом на уровень полиполярных социально-экономических отношений.

Глобализация – эффективный фактор конвергенции (экономической, социальной, политической и т. п.). Действительно, теоретически предполагается, что разные страны, ориентирующиеся на реализацию сравнительно единой экономической модели (различные варианты рыночных отношений), исходят из относительно схожих предпочтений (политических, социальных и др.). Более

того, в процесс экономической глобализации все более активно «втягиваются» и развивающиеся страны.

Вместе с тем на практике глобализация ведет не только к сравнительной целостности мировой экономической системы, но и обуславливает усиливающуюся дифференциацию (гетерогенность) мирового развития. Структура мирохозяйственных связей значительно усложняется. Если до 90-х годов XX в. доминировал биполярный мир, основанный на балансе сил между США и СССР, то во второй половине XX в. преобладал монополярный тип международных отношений, обусловленный реальной доминантой (военной, экономической, информационной, технологической и др.) США.

К началу XXI в. формируется экономическая стратегия полиполярного мира, когда несколько региональных центров пытаются установить баланс национальных, региональных и мировых интересов. Наряду с исторически сложившимися еще в XX в. мировыми центрами (США и Европейский Союз) повышается международный статус дальневосточного социально-экономического (Япония, Китай), азиатского (Индия, Южная Корея и др.), южноамериканского (Бразилия) центров и др. Имеются все предпосылки того, что таковым мировым центром к середине XXI столетия станет, возможно, и Россия.

Таким образом, глобализация экономической системы и взаимозависимость национальных хозяйств отнюдь не означает, что мировая экономическая модель приобретает гомогенный (единый) вид. Тенденция к сравнительному единству мировой экономической системы сочетается с сохранением дифференциального характера развития (локального, национального, многонационального, регионального). Следовательно, адекватный анализ мировой экономической системы предполагает учет дифференциальных ее составляющих. Напротив, эффективное изучение динамики, например, национальной экономической системы предполагает анализ процессов и явлений, связанных с функционированием экономики глобального типа.

Один из определяющих факторов, управляющих экономической глобализацией, – информатизация. Экономическая информатизация как форма выражения постиндустриальной экономики. Выделим ее некоторые характеристики:

Во-первых, динамизм социума и его социокультурной среды, интенсивное развитие науки и технологий, оказывающих радикальное воздействие на все стороны жизнедеятельности человека. Во-вторых, доминирование производства не материальных продуктов (товаров), а интеллектуальных услуг (индустрия знаний). В-третьих, структурные сдвиги в характере рабочей силы: переход от специалистов, обслуживающих машины, к специалистам, занимающихся производством, обработкой и передачей информации. В-четвертых, постепенный отказ от наличных финансово-денежных отношений и преобладание кредитной системы с использованием их современных форм («пластиковые деньги», «электронные деньги»). В-пятых, транснациональный характер производства, когда отдельные элементы технологического процесса «разбросаны» в различных странах, учитывая стоимость рабочей силы, цену ресурсов, жесткость экологического законодательства и др. В-шестых, расширение децентрализации производственно-хозяйственной деятельности, когда информационные потоки связывают отдельные производства, расположенные в различных подсистемах мировой экономической системы. И, наконец, в-седьмых, несмотря на сохранение социально-экономического неравенства как внутри стран, так и между развитыми и развивающимися странами, тем не менее, наблюдается тенденция относительного роста благосостояния отдельного индивидуума (и социума в целом).

Создаются предпосылки для формирования экономики нового типа, т. е. фиксируется переход от «старой экономики» («old ecomoty») к «новой экономике» («new ecomoty»). «Новая экономика» («виртуальная экономика», «информационная экономика», «Интернет-экономика») связана с теми возможностями в сфере эффективности производственно-хозяйственной деятельности, которые предоставляет использование современных информационных и коммуникационных технологий. Более того, представление об информационной экономике рассматривается как одно из важнейших достижений современной экономической теории (и практики).

Как бы ни оценивать возможности нового типа экономического развития (с плюсом или минусом), в любом случае очевидно, что, с одной стороны, современные технологии используются в традиционных сферах экономики, связанных с материально-технической

сферой производства, способствуя их существенной эффективности; с другой – информационная экономика становится все расширяющейся сферой экономической деятельности, являясь реальным механизмом глобализации, т. е. устанавливая взаимосвязь между различными подсистемами глобальной экономической системы.

Использование информативно-коммуникационных технологий позволяет бизнесу, особенно средним и малым предприятиям, эффективно сотрудничать с аналогичными производственно-хозяйственными структурами, поставщиками, потребителями и т. п. Предприятия подобного рода в условиях информационной экономики оказываются динамичнее, оперативно реагируя на изменения конъюнктуры. При этом сравнительно малые предприятия имеют потребности в основном капитале значительно меньше, чем соответствующие структуры при старой экономической модели. Если в локальном контексте экономическая эффективность, в рамках информационной экономики, связывается преимущественно с небольшими производственно-хозяйственными структурами, то в глобальном контексте преимущество отдается транснациональным корпорациям (ТНК). Именно ТНК рассматриваются в качестве основы экономической глобализации, действуя в рамках разработанных глобальных стратегий, связывая национальные и региональные рынки, обеспечивая, таким образом, сравнительную целостность мирового хозяйства.

Для ТНК характерны определенные тенденции, связанные с их динамикой, обусловленной глобализацией. Отметим некоторые из них.

Во-первых, глобализация способствует реализации интегративных стереотипов мировой экономики, ибо современные информационные технологии значительно ускоряют этот процесс, т. е. ТНК, учитывая конъюнктуру, активно перемещаются в мировом экономическом пространстве. Вместе с тем некоторые ТНК стремятся оставаться в традиционных районах своего функционирования, используя интеллектуальный местный потенциал, инфраструктуру и др. К примеру, Силиконовая долина (США) на протяжении многих десятилетий является мировым центром информационных технологий (микропроцессоры и т. п.), научно-исследовательские наработки которого являются составной частью мирового продукта в области новейших информационно-технологических систем.

Во-вторых, ТНК в качестве приоритета рассматривают страну своего базирования. Действительно, транснациональные корпорации исходят именно из подобных стереотипов, поскольку значительная часть прибыли, получаемой от зарубежных инвестиций, переводится в банки страны основного пребывания материнской фирмы.

Однако глобализация неуклонно преодолевает национальные привязанности и предпочтения. Известны, например, японские компании, являющиеся филиалами ТНК (IBM и др.), которые ориентированы не на национальный приоритет, действуя в интересах международных акционеров. Тем самым, ориентируясь на конкурентоспособность, транснациональные корпорации, в значительной степени утрачивают свою национальную принадлежность (к примеру, в немецких и французских компаниях высший менеджмент использует зачастую английский язык в процессе мировых управленческих контактов).

В-третьих, глобализация стимулирует процесс слияния (интеграции) транснациональных корпораций. Действительно, на долю 500 крупных и средних ТНК приходится около 80 % прямых зарубежных инвестиций. При этом небольшие фирмы, стремясь выжить в конкуренции, вынуждены включаться в систему субконтрактов, которая навязывается крупными транснациональными корпорациями.

Вместе с тем возможности информационных технологий открывают перед небольшими компаниями немалые перспективы. Локальные фирмы могут занимать конкретные отраслевые ниши (например, в разведке полезных ископаемых или в производстве единичной детали); гибкие организационные структуры и собственные интеллектуальные ресурсы позволяют небольшим фирмам лучше реагировать на рыночные конъюнктуры. Это сложнее реализовать в рамках больших ТНК, которые ориентируются на значительные объемы продукции. Иными словами, в рамках информационной экономики необходим баланс между объемами производственно-хозяйственной деятельности и гибкой трансформацией технологий и конечной продукции.

В-четвертых, новые технологии создают условия для динамичного производства, значительно ускоряя создание новой продукции, требующей более совершенных организационных систем.

К началу XXI в. масштабы деятельности ТНК стремительно возрастают. На их долю приходится более 50 % мирового промышленного производства, около 2/3 мировой торговли и более 70 % лицензий на новую технику, технологию и ноу-хау. При этом телекоммуникации позволяют централизовать маркетинговую, инновационную и инвестиционно-финансовую стратегию, отдав их материнской структуре; оперативное управление передается эффективно филиалам, т. е. на местный уровень.

Расширение деятельности ТНК имеет экономическую основу. Процесс экономической глобализации сокращает издержки производства. Вместе с тем глобализация производства (как элемент глобальной экономики) имеет существенное маркетинговое значение. Потребитель тяготеет к продукции известной марки (бренда), зачастую не принимая во внимание национальную принадлежность продукции. Например, большинство объемов современной высокой техники (компьютеры, телевизоры и др.), производимой под маркой ТНК, собирается в южно-азиатских странах.

При этом ТНК не только решают внутрикорпоративные целевые установки, но и объективно улучшают социально-экономическую структуру принимающей стороны – преимущественно в этой роли выступают развивающиеся страны, где более дешевая рабочая сила, слабость профсоюзов, ограниченные возможности государственного регулирования и т. п. На их территории возводятся современные технологические объекты, функционирование которых предполагает развитие инфраструктуры, подготовку местных кадров, отчисления в национальный бюджет и др. Современные производственные объекты, возводимые ТНК, ориентируются, как предполагается, на совершенные в экологическом отношении технологии.

Если в 1970–1980-х годах преобладали инвестиции в сырьевые отрасли (например, в нефтедобычу), то с конца 1990-х годов всё в большей мере инвестиции связаны с производством потребительских товаров (автомобилей, техники, продуктов питания и др.). К началу XXI в. расширяются инвестиции в новые технологии.

На рубеже XX–XXI вв. около 60 % мирового товарооборота приходилось на долю взаимного обмена между развитыми странами. Растет товарооборот в рамках региональных объединений – в ЕС взаимная торговля между странами Европейского Союза

составляет до 70 % их совокупного товарооборота. Постепенно увеличивается товарооборот между развитыми и развивающимися странами.

Развитие глобальных производственных сетей способствует формированию стратегических союзов (альянсов) между фирмами, стремящимися уменьшить риски, повысить конкурентоспособность и т. п. Кроме ТНК, растет численность «стратегических альянсов», предполагающих развитие сотрудничества между юридически самостоятельными структурами. Нередко подобные объединения приводят к полному слиянию компаний; и количество этих слияний неуклонно возрастает.

В результате расширения стратегических альянсов, слияний и поглощений в условиях глобальной экономики имеет место сращенность собственности и власти, что приводит к изменениям исторических условий конкуренции.

Глобальная экономика – форма современного существования цивилизации. Как видится перспектива глобальной экономики?

В этой связи возникло представление об «экономике будущего» (Next Economy), которая понимается как интеграция (синтез) «новой» (New Economy) и «старой» (Old Economy) экономики. В общем виде эффективность экономического развития системы любого уровня (от небольшой фирмы до крупнейшей ТНК) зависит не столько от ее способности предложить товары, финансовые услуги или информационно-коммуникативные технологии, сколько от ее адаптации к новым, зачастую неожиданным, вызовам цивилизации.

Следовательно, экономическая система должна быть готова к адаптации новых технологий, удовлетворяющих возрастающие потребности социума. Исходя из синергетической парадигмы, мировая экономика не может рассчитывать на длительные периоды устойчивости, которые неуклонно будут сменяться периодами неопределенности и неустойчивости.

Предприятие (фирма) как первичная экономическая структура, стремясь к устойчивости, должна усилить свою эффективность. Сущность «неокапитализма» заключается, в сущности, в том, что каждый индивид является одновременно эксплуатируемым (как работник) и эксплуататором (как владелец финансовых ресурсов).

И «эксплуатируемый», и «эксплуататор» являются частью более общей социально-экономической системы, владельцами которой являются акционеры, требующие максимизации прибыли.

Существенно повышаются требования к управлению. Это ставит более высокие целевые установки перед менеджментом: новые технологии связаны с выходом на уровень нелинейного мышления. Новые горизонты технологии и управления означают, что эффективность системы предполагает ее постоянную трансформацию, отвечая на тактические вызовы и прогнозируя стратегические задачи.

Структура мировой экономики не должна (и не будет) оставаться неизменной. Ее изменения обусловлены политической ситуацией, мировой конъюнктурой, ценами на ресурсы, технологической динамикой и др. Ведущие страны, чтобы сохранить свои позиции, должны постоянно наращивать экспорт капитала и товаров (и услуг), расширяя присутствие на мировом рынке. Страны мирового сообщества участвуют в конкуренции, что и обуславливает периодическую смену экономического лидера.

Если в XIX в. экономическими лидерами выступали европейские страны (Англия, Германия, Франция), то в XX в. это лидерство принадлежало США. Экономические прогнозы на XXI в. исходят из того, что США постепенно уступают бесспорное лидерство как по темпам, так и масштабам развития.

Экономическая глобализация, неуклонно увязывая национальные системы в относительно целостную единую структуру, тем не менее, не может окончательно преодолеть социально-экономические противоречия. Более того, именно их преодоление и является механизмом, обеспечивающим динамизм экономического развития. Преодоление экономических противоречий между государствами предполагает выход на уровень нового мирового экономического порядка, где действуют не отдельные государства, а их региональные союзы (блоки).

Конечно, эффективнее было создать глобальную систему экономического регулирования. Однако пока довольно трудно приблизиться к созданию институциональной структуры, способной участвовать в регулировании экономики на мировом уровне, преодолевая противоречия между национальными экономиками.

Поэтому все чаще обращается внимание на формирование региональных экономических структур. Тем более что опыт Европейского Союза оценивается, как правило, положительно. Экономические системы, основываясь на региональной общности, прежде всего социокультурной, имеют возможность не только смягчить национальные противоречия в рамках региона, но и выйти на мировой уровень социально-экономического регулирования.

Прогнозы исходят из того, что темпы роста мировой экономики будут носить волнообразный характер, когда спад сменяется подъемом. При этом предполагается следующее:

- темпы роста развивающихся стран в среднем будут превосходить соответствующие показатели развитых государств;

- в результате уже в первой половине XXI в. более половины мирового производства будет приходиться на долю развивающихся стран. При этом выделяется группа развивающихся стран и государств с переходной экономикой (Китай, Индия, Индонезия, Бразилия и др.), к ним относят и Россию, которые, становясь региональными экономическими центрами, обладают мощным социально-экономическим динамизмом.

Таким образом, с одной стороны, глобальная экономика способствует взаимосвязи и взаимозависимости национальных экономических систем; международные структуры типа Всемирной торговой организации повышают свою эффективность. С другой – сохраняющаяся экономическая дифференциация государств изменяет свою структуру.

С введением индекса развития человеческого потенциала, учитывающего не только показатели ВВП на душу населения, но и характеристики «качества жизни» (уровень грамотности взрослого населения, средняя продолжительность жизни и др.), изменяется иерархия ведущих стран мирового сообщества. Первые три места в соответствии с этими показателями занимают Исландия, Норвегия и Канада. Показатели индекса развития человеческого потенциала достаточно адекватно коррелируются с эффективностью реализации стратегии устойчивого развития.

Глава 6

РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА: В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ

1. Целостность как характеристика православного сознания

Для цивилизации православного типа характерна специфика соотношения экофильных и экофобных тенденций. Именно православие лежит в основе взаимоотношений человека с окружающим его природным миром в системе российской культуры¹.

Экофильность (что, впрочем, характерно для большинства первичных человеческих сообществ) была присуща древним славянам, которые относились к природе как к «богине-матери». Живые объекты находились «под охраной» лешего, водяного, русалки и т. п. В своей основе русская народная культура формировалась на принципе соответствия человека и природы.

Это следует даже из сугубо этимологических соображений. Так, слово «природа», написанное несколько иным образом (природа), означает все то, что есть при роде, т. е. при живом объекте (растительный и животный мир, а также человек). Природа, следовательно, способствует выживанию живого мира, а значит самое себя. Ментальность русского (российского) человека в существенной степени рассматривается как функция природного окружения.

При этом для русского сознания характерно общинное (коллективистское) мышление. Именно на коллективистских основаниях («на вече») принимались важнейшие общественные решения. В рамках принятия соответствующих решений происходило не только «единение» членов общины друг с другом, но их «духовное общение» с Богом.

«Вече» складывалось как объединение сравнительно локальных сообществ. Принятие решений в масштабах государства связывалось с проведением Соборов. Позднее «идея соборности» стала рассматриваться как выражение гармоничного сочетания

---

¹ Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы филологии. – 1990. – № 4.

личностных и коллективистских стереотипов, соответствующих практике общинного бытия.

В современной интерпретации «соборность» – взаимосвязь отдельных индивидуумов как между собой, так с социумом в целом, а также с окружающей природой в процессе познания целостности бытия, «целостности творения» (Серафим Саровский).

Русская Православная Церковь указывает¹, что все, сотворенное Богом – и живой мир, и человек – должно жить в мире с Ним. При этом православие считает человека «помощником и соработником Богу», связывая гармонизацию отношения «человек–природа» с моральным и духовным становлением личности, с «выявлением духа» в человеке.

«Владычествование» над природой и «обладание» землей, к которым человек призван, по Божию замыслу, не означают «вседозволенности». Человек должен показать свое «царское достоинство» не в господстве и насилии над окружающим миром, но «в возделывании» и «охранении» величественного «царства природы», за которое он ответственен перед Богом.

Православие не рассматривает окружающую природу как замкнутую структуру. Все элементы бытия взаимосвязаны. С христианской точки зрения природа не есть «вместилище ресурсов», предназначенных для эгоистического и безответственного потребления, но «дом», где человек – не хозяин, а «домоуправитель», а также «храм», где он – «священник», служащий «единому творцу».

В основе понимания природы как храма лежит идея теоцентризма. Бог, дающий «всему жизнь и дыхание, и все» является «источником бытия». Поэтому сама жизнь во всех ее проявлениях – «Божий дар», поправление которого есть вызов, «брошенный не только божественному творению, но и самому Господу».

В «русском космизме» человек рассматривается как составная часть не только биосферы (природы в сравнительно узком смысле), но и Космоса. В воззрениях «космистов» человек, биосфера и космос являются единым целым. В рамках русского космизма, преодолевая традиционный антропоцентризм западного типа, выдвигается принцип антропокосмизма. Человеку «отказано»

---

¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – М., 2000.

в статусе «вершины эволюции живого мира». Его становление и динамика рассматриваются в контексте планетарной системы «человек–биосфера–космос».

Русская духовная (религиозная) традиция исходит из баланса между экофобностью и экофильностью. Ибо, с одной стороны, подчеркивается высокий статус человека, его активность по преобразованию реального мира, стремление к космической экспансии, а с другой – провозглашается принцип «вписываемости» человека и его деятельности в сложившиеся природные связи и отношения.

2. Динамизм «русской идеи»

Один из базовых стратегических вопросов русского (российского) самосознания с выявлением специфики национального пути развития («русская идея»), определяемой парадигмой взаимоотношений «Запад – Россия – Восток»¹. Эта парадигма рельефно проявлялась в рамках оппозиции «славянофильство – западничество».

Ранние славянофилы (А. С. Хомяков и др.), утверждая идею самобытности России, противопоставляли Запад и Восток как противоборство альтернативных социокультурных начал. Соборная сущность России трактуется как особый, отличный от Запада путь исторического развития. Суть России, как ее понимали славянофилы, не в том, чтобы стать «самым богатым» государством, а в том, чтобы стать «самым христианским из всех человеческих обществ».

Напротив, западники (П. Я. Чаадаев и др.) исходят из идеи, в соответствии с которой западный тип культуры трактуется как «единственно правильная» форма выражения цивилизации, а все остальные – «тупиковые линии» развития. Россия, с этой точки зрения, не является ни европейской, ни азиатской цивилизацией, занимая «промежуточное положение». И лишь «примкнув» к цивилизации западного типа, Россия, как предполагалось, займет достойное место в мировой динамике.

На рубеже XIX – XX вв. стратегический путь России рассматривался с позиции принципа всеединства (В. С. Соловьев), в рамках которого предполагалось «примирение» Запада и Востока

---

¹ *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта: в 3 т. – Философское общество. – М., 1991.

в процессе формирования культуры Богочеловечества («вселенской культуры»). Позитивные перспективы России связывались с ее превращением в «христианское царство», где русский народ выступает в качестве «посредника» между волею Божьей и миром.

Несколько позднее российская специфика формулировалась следующим образом. Россия, по Н. А. Бердяеву («Русская идея») – «великий и цельный Восток–Запад по замыслу Божьему и она есть неудавшийся и смешанный Восток–Запад по фактическому своему состоянию». В «русской душе» борются два начала – восточное и западное; Россия соединяет в себе два мира – Восток и Запад. «Внутренняя русская задача» видится им как «собрание» христианского общества в живое «всечеловеческое» единство, снятие противоречий между Востоком и Западом.

Евразийство, сформировавшееся в 20–30-х годах XX в., рассматривает русскую культуру как «географический континент» на стыке европейских и азиатских общностей. «Особость» русского пути связывалась с тем, что ее национально-государственная программа, не совпадая с западноевропейской традицией, оказывается внутренне ближе азиатским социокультурным стереотипам. В любом случае стратегия русского пути – в необходимости сближения европейских и азиатских оснований культуры.

С 1990-х годов XX в., после развала «советской империи» и появления «новой России», активизировались дискуссии о ее стратегических перспективах. Однако, в сущности, и в их рамках не удалось, как представляется, выйти за пределы исторической оппозиции «славянофильство – западничество». Видимо, прав Д. С. Лихачев («О национальном характере русских»), который выявлял общность (в частности, по степени универсальности) европейской и русской культур, их принадлежность к «единому типу культуры».

Становятся очевидными три, по крайней мере, тезиса. Представим их.

Во-первых, несмотря на реальность «кризиса» западной модели развития, ее основные элементы (демократизм, плюрализм, экономизм, технократизм и др.), трансформируемые в процессе адаптации к реалиям современного развития цивилизации, демонстрируют свою эффективность и в той или иной степени (по мере

«готовности») реализуются в других социокультурных условиях (например, в рамках «новых индустриальных стран»).

Во-вторых, общество, реализуя национальную модель социокультурного развития, исторически следуя неизбежно в фарватере западноевропейских ориентиров, особенно в сфере экономики или технологии, должно исходить из учета национальных культурологических особенностей. Скажем, Япония достигла своего динамизма в процессе сочетания вестернизации с сохранением социокультурных традиций.

И, в-третьих, культурологический динамизм национально-региональных и глобальных социоприродных систем предполагает новое (адаптационное) отношение к природной среде обитания.

Глобализация, объективно способствуя унификации национальных моделей развития, вместе с тем субъективно не связана с отказом от национальной специфики. Россия XXI в., являясь субъектом (и объектом) глобализации, сохраняет в той или иной степени внутренние особенности национального развития. Отметим их (особенностей) базовые характеристики:

- доминирующая роль государства в принятии решений как на национальном, так и индивидуальном уровнях;
- преобладающий статус православия в совокупности духовно-религиозных стереотипов;
- определяющее стремление к формированию целостной картины мира в рамках индивидуального сознания.

Конечно, отмеченные исторические характеристики национальной ментальности в определенной мере «работают» и в условиях современной России. Очевидно, однако, и то, что традиционные стереотипы трансформируются под воздействием процессов глобализации, а именно:

- государство стремится, с одной стороны, реализовать принцип «вертикального управления» систем всех уровней; с другой стороны, проникновение мирового управленческого опыта на национальный уровень свидетельствует об эффективности плюралистических моделей;
- православие, сохраняя свой традиционный статус, вынуждено учитывать роль других религий (в особенности ислама) в российском духовно-религиозном пространстве;

– индивидуальное российское сознание, исторически тяготеющее к целостному восприятию картины мира, активно воспринимает и другие стереотипы (в том числе и западные).

Следовательно, теоретически современная российская модель развития не воспринимает крайние формы как западничества, так и славянофильства, тяготея к евразийству – балансированию между западными и восточными стереотипами. Иное дело, что в истории «новой (постсоветской) России» это балансирование приобретало различные формы выражения.

Выделяются три модели (типа) развития социума, а именно: опережающий, догоняющий типы, а также промежуточная модель.

Западники (неозападники) скорее склоняются к догоняющей модели развития российского социума. Приверженцы западничества связывают национальные перспективы преимущественно с реализацией в той или иной мере и степени уже существующих стереотипов (в управлении, экономике, технологии и др.).

Славянофилы (неославянофилы), доказывая на рубеже XX–XIX вв. необходимость в условиях России реализовывать самобытную, отличную от западной, модель развития (активность государства, многоукладность экономики, национальная ментальность и т. п.), исходят, как правило, из представлений о модели опережающего типа. Эти стереотипы, трансформируемые в рамках советской (ныне – державной) фразеологии, обусловили жесткую конфронтацию между западной (рыночной) и постсоветской моделями развития.

Для евразийской модели характерны механизмы догоняюще-опережающего развития. В ее рамках постулируется установка на реализацию принципа взаимодополнительности западных и восточных стереотипов. Именно в этом направлении ориентируется формирующаяся модель развития современной России – от Евразийского Союза к Большому Евразийскому Союзу.

3. Становление «постсоветской России»: от системного кризиса к устойчивости

В течение XX в. в рамках евразийского пространства произошли радикальные геополитические трансформации (гибель Российской империи, генезис, развитие и распад «советской империи», становление «постсоветской России»), оказавшие глобальное воздействие на мировую динамику.

Теория циклизма доказывает (а история свидетельствует), что все империи прошлого в том или ином временном интервале приходили к состоянию распада. В предельно обобщенном виде причины этого феномена – резкое обострение внутренних и внешних противоречий, приведших к дестабилизации и последующему распаду национальных социоприродных систем.

Распад советской империи обусловлен рядом как субъективных, так и объективных факторов¹.

С одной стороны, страна обладала мощным военным, экономическим, политическим потенциалом, фактически на равных соперничая с ведущими державами мира. Продемонстрировала свою эффективность, победив в войне с немецким фашизмом, и восстановив экономический потенциал. Более того, в ряде сфер деятельности (атомная энергетика, освоение космического пространства и др.) занимала устойчиво лидирующее положение. Активно выступала на международной политико-идеологической арене, распространяя социалистические (коммунистические) идеи не только на европейском («французский» или «итальянский» коммунизм), но и других континентах («африканский» или «кубинский» социализм).

С другой стороны, во второй половине 80-х годов XX в. становилась очевиднее сравнительная неэффективность советской (социалистической) социально-экономической системы по отношению к буржуазной (капиталистической) модели развития. Это обуславливалось неуклонным принижением человеческого фактора (систематические политические репрессии способствовали уничтожению наиболее эффективных субъектов деятельности); постоянно нарастающей милитаризацией всех сфер бытия (рост военных расходов вел к дисбалансу внутренней экономической системы); неэффективным использованием природного потенциала (высокие показатели энергоресурсной емкости производственно-хозяйственной деятельности) и др.

Более того, советская экономика исторически оказалась жестко привязанной к экстенсивному использованию национального природно-ресурсного потенциала. И хотя масштабное развитие

---

¹ *Гайдар Е. Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. – М., 2006.

промышленного производства выступало в качестве идеологической основы советской производственно-хозяйственной системы, тем не менее, основные валютные поступления были связаны с экспортом первично переработанных полезных ископаемых (нефть, газ, алюминий, медь, минеральные удобрения, древесина и др.). При этом производительность труда в промышленном секторе значительно отставала от соответствующих показателей ведущих развитых стран. Вместе с тем экспорт сырья менее эффективен, чем продуктов их переработки.

Конечно, советская экономическая система имела в своем распоряжении значительные запасы мирового природно-ресурсного потенциала. Однако при сравнительно малой эффективности их использования, соответствующие потребности социума (и производства) возрастали. Более того, относительно низкий уровень жизни населения страны сочетался с необходимостью поддержания «имперского статуса» (гонка вооружений, освоение космического пространства, финансовая поддержка мирового коммунистического и национально-освободительного движения и др.). Советская модель развития не выдержала противоречий между потребностями, которые требовались на поддержание ведущего положения страны в системе лидирующих государств мира, и сравнительно ограниченными экономическими возможностями. Падение мировых цен на нефть стало одним из составных частей системного социально-экономического кризиса, приведшего, в конечном счете, к окончательному развалу «советской империи».

В результате возникла «постсоветская Россия», стремящаяся в кризисных социально-экономических и политических условиях начала 1990-х годов создать основы новой государственности, идеологии, экономической системы и др. Лидеры «новой России» при всех различиях мировоззренческих установок были, кажется, едины в одном: социалистическая модель, проявившая свою историческую ограниченность, должна быть демонтирована; на ее месте необходимо заложить основы рыночной (капиталистической) экономики, которая, как представлялось тогда, победив в исторической гонке, доказала свою эффективность.

Теоретически реализация задачи модернизации предполагает две диаметрально противоположные модели развития социума, а именно: эволюционную («мягкую») и жесткую («шоковую») модели вхождения в рыночные отношения.

Мягкая модель предполагает постепенное формирование рыночных структур. В рамках этой модели выход на уровень рыночных отношений связывается с частичным сохранением прямого государственного регулирования экономики. В этом случае либерализация хозяйственной деятельности предполагает существенные ограничения, а именно: приватизация не носит всеобщего характера (это касается объектов национального значения, например, железных дорог, источников природных ресурсов и др.); используется государственный заказ для поддержания важнейших отраслей (госзаказы, связанные с военной сферой, обеспечением национальной безопасности); монетарная политика обычно ориентируется не только на ограничение инфляционных процессов, но и предполагает стимулирование реального производства (поддержка секторов деятельности, связанных с сохранением уровня развития социальной сферы); и др.

Жесткая модель исходит из представлений, в соответствии с которыми формирование рыночных отношений связывается с временным динамизмом и абсолютизацией рыночной идеологии. В этом случае реализуется принцип неолиберализма, исходящий из имманентных преимуществ свободного рынка по сравнению с государственными механизмами управления, т. е. либерализация стремится затронуть практически все стороны производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности социума. Это выражается в том, что приватизация приобретает предельно масштабный характер, пытаясь подчас проникнуть в области, связанные с национальной безопасностью. Проводится жесткая денежно-кредитная и бюджетная политика по монетаристским схемам. При этом реализуется установка на сдерживание инфляции, что оборачивается, в конечном счете, сокращением капиталовложений в социальную сферу, снижением жизненного уровня населения.

В России с начала 1990-х годов реализовывалась «шоковая» модель формирования рыночных отношений. К ее результатам сложилось отчетливо двойственное отношение.

Сторонники этой модели утверждали, что в условиях национального кризиса любые иные варианты развития имели бы необратимые фатальные последствия общегосударственного масштаба. Несмотря на издержки, особенно в трудном экономическом положении оказалось население, реализация «шоковой модели»

позволила остановить распад страны, создать экономическую основу для последующего развития рыночных отношений, обеспечить потребительский рынок; и др.

Критики доказывали, что вхождение в рынок можно было бы обеспечить и в рамках эволюционной модели, не разрушая окончательно исторически сложившиеся экономические структуры. Утверждалось, что «шоковая» модель, реализуемая по рекомендациям западных экономистов, привела к распределению национальных ресурсов между олигархами, близкими к властным структурам, а основная масса населения реально не участвовала в процессах приватизации.

Конечно, трудно объективно оценить эффективность и действенность реформ, затрагивающих население целой страны. Более того, отсутствовал реальный мировой опыт деформирования социалистической (плановой) экономики в капиталистическую (рыночную) систему, чем и обусловлены трудности реализации западного опыта в российских условиях.

Трудности реформирования экономики России, в особенности масштабы негативных социально-экономических последствий, существенно осложнивших положение населения, связываются, в частности, с тем, что теоретические рекомендации подчас расходились с реальностью. Так, «запуск» рыночного механизма должен производиться (в соответствии с теорией) непосредственно после отказа от системы директивного планирования и административного управления экономикой в процессе освобождения цен и передачи государственных предприятий в частную собственность.

Реализация стратегии «шоковой терапии» свелась, по существу, к тому, что высокая степень «шоковости» принятых решений не сочеталась с их «терапевтичностью». Иначе говоря, реформаторы – неолибералы реализовывали (во всяком случае, на первом этапе) экономическую модель, абсолютизирующую идеологию свободного рынка, отвергающую регулирующую функцию государства.

Ряд западных крупнейших экономистов (Дж. К. Гэлбрейт, С. Кузнец, Дж. Стиглиц и др.) критически отнеслись к последствиям реформ в России, механизмам их реализации.

Так, одна из причин неудовлетворительного состояния российской экономики переходного периода видится в том, что не были

созданы механизмы (управленческие, финансовые, юридические и др.) регулирования процесса приватизации. В результате значительная часть государственной собственности получила олигархический статус, а социально-экономическое положение основной массы населения значительно ухудшилось (рост смертности, снижение рождаемости и т. п.).

Более того, доказывалось, что само понятие «свободный рынок», к которому апеллировали российские реформаторы, по существу стал в XX в. мифологическим феноменом. Например, в Англии цены на ряд продовольственных продуктов (молоко и др.) отнюдь не являются результатом свободной игры рыночных механизмов, а регулируются правительством, национальными картелями, организациями ЕС.

Показателен в этом отношении исторический опыт США. На первых этапах экономического развития страны преобладал механизм относительно свободных рыночных отношений. Правительственные органы в основном воздерживались от вмешательства в деятельность бизнеса. Однако к началу XX в., когда корпорации стали оказывать существенное воздействие на экономику, управленческие функции государства для защиты средних и мелких предприятий, а также отстаивания интересов потребителя стали неуклонно возрастать. Радикальные изменения функций государства произошли в период 30-х годов XX в. («великая депрессия»), когда провозглашенный (и реализуемый) Ф. Рузвельтом «новый курс», поддержанный конгрессом США, был связан с все более масштабным вмешательством государства в экономику. Система принятых законов была направлена, в частности, на регулирование социально-экономических отношений между предпринимателем и наемным работником (право на создание профсоюзов, продолжительность и оплата работы, выплата пособий по старости, безработице и др.). Позднее законодательство в этой области было уточнено и расширено. На рубеже XX–XXI вв. государственные расходы США, в частности в сфере социальных программ, достигли 50 % ВВП.

Следовательно, исторический опыт свидетельствует о том, что рыночные и государственные структуры отнюдь не противостоят друг другу, а взаимодополняемы. Экономический динамизм предполагает сочетание различных форм и механизмов производственно-хозяйственной деятельности социума.

Итак, с одной стороны, приватизация по-российски, отказавшись фактически от «человеческого измерения», обернулась значительным снижением жизненного уровня населения, его поляризацией. Спад производства обусловил существенное сокращение государственных расходов на социальные нужды. Социальные «издержки» переходного периода (высокий уровень безработицы, сокращение покупательной способности населения, сужение сферы потребления и т. п.) привели к известному обострению социальной напряженности в обществе. С другой стороны, рыночные реформы начала 1990-х годов позволили избежать катастрофических последствий распада страны, т. е. найти реальные механизмы национального выживания в условиях, когда до опасного минимума сократилось промышленное (и сельскохозяйственное) производство, в особенности выпуск потребительских товаров, доминирующий экспорт, определяющий масштабы валютных поступлений, обуславливался объемами экспортируемых сырьевых ресурсов (сырая нефть, алюминий и др.). Сокращение потребления соответствующего сырья на национальном уровне позволило, несмотря на падение производства, увеличить экспортные поставки, обеспечивающие необходимые валютные поступления.

Тем не менее к середине 1990-х годов намечались отчетливые кризисные тенденции, приобретающие системный характер. Отметим некоторые из этих кризисных направлений, а именно:

– *стратегическое направление*, в рамках которого предполагается формулировка достаточно четкого ответа на вопрос о специфике национального развития. В этом контексте очевидно, что модель «догоняющего развития», в известной мере повторяющая западные стереотипы, не имеет выраженных условий для эффективной реализации, учитывая российскую специфику (более низкая производительность труда, отставание в использовании высоких технологий и др.). При этом позитивные особенности национальной (российской) модели развития, учитывающие ментальность, специфику хозяйственной деятельности и т. п., не получили отчетливой формы выражения. Национальные стратегические ориентиры так и не были обозначены, осложняя принятие эффективных долгосрочных решений;

– *экономическое направление*, определяющее в значительной мере национальные реалии. Не удалось восстановить подорванный

производственный потенциал, обусловленный сокращением реальных экономических структур. Объем промышленного и сельскохозяйственного производства упал до уровня, который не удовлетворял национальные потребности. Страна оказалась в экспортно-импортной зависимости, когда стали доминировать сырьевые отрасли, обеспечивая товарную импортную наполняемость рынка. Увеличилась зависимость от международных финансовых организаций (Международный валютный фонд и др.), кредиты которых позволяли поддерживать на определенном уровне экономическую систему, финансировать социальную сферу. Непомерно выросла, по сравнению с реальной экономикой, финансовая и торговая сфера, носящая избыточно спекулятивный характер. Форма и последствия приватизации подрывали доверие социума к государственной политике. Создавались реальные основания для опасного обострения социально-экономических противоречий национального развития;

– *социальное направление*, фиксирующее критическое ухудшение качества жизни человека. Спад производства обусловил доминирование стереотипов «экономического выживания» населения, привел к росту социального неравенства и существенному расслоению общества. Потоки беженцев и вынужденных переселенцев с территории постсоветского пространства усугубляли социальную напряженность. Разрыв между средним уровнем дохода самой богатой и самой бедной части населения существенно превышал 10-кратную разницу, рассматриваемую как предел, превышение которого ведет, в соответствии со стандартами развитых стран, к социальным антагонизмам. Усилилась явная и скрытая безработица. В стране произошло резкое сокращение реальных доходов на душу населения; при этом более 1/3 доходов тратилось на удовлетворение непосредственно потребностей первого уровня (физических потребностей). Сократилось финансирование воспроизводства человеческого капитала. Обострилась социальная напряженность;

– *демографическое направление*, связанное с тем, что острота сложившейся в стране социально-экономической ситуации привела к национальной депопуляции. Официальные данные свидетельствовали о том, что показатели смертности стали превышать соответствующие характеристики рождаемости; отчетливо проявилась

тенденция к сокращению средней продолжительности жизни, особенно мужского населения наиболее динамичных возрастных групп. Масштабность миграционных потоков с территории постсоветского пространства способствовала дальнейшему сокращению доли титульной нации. Негативные демографические процессы на национальном уровне, опасные сами по себе, имеют существенное прогностическое значение, ибо, обладая инерционностью, могут десятилетиями сохранять соответствующие показатели после того, когда социально-экономическая ситуация в стране улучшится. Депопуляция поставила под угрозу историческое выживание нации;

– *экологическое направление*, акцентирующее внимание на ослаблении взаимосвязи производственно-хозяйственной и природоохранной деятельности. В условиях, когда реальное производство приобретало отчетливую тенденцию к масштабному свертыванию, национальная экологическая ситуация в известной степени улучшалась. Однако трудности социально-экономической ситуации в стране отодвигали приоритетность разрешения реальных экологических противоречий, обусловленных характером и масштабами человеческой деятельности. Экологическое финансирование осуществлялось по остаточному принципу, что затрудняло реализацию эффективных решений в природоохранной сфере. В целом, несмотря на снижение масштабности производственно-хозяйственной деятельности, национальная социально-экологическая ситуация неуклонно ухудшалась, являясь важной составляющей снижения качества жизни населения, осложнения перспектив социума;

– *прогностическое направление*, в рамках которого анализируются перспективы «постпереходного периода». И если основоположники реформ, несмотря на осознание остроты возникающих проблем, тем не менее, рассчитывали на конструктивное их преодоление, и вхождение России в цивилизованный рынок, то их оппоненты были настроены критически в этом отношении. Более того, учитывая остроту системного кризиса середины 1990-х годов, ставилась под сомнение возможность адекватного ответа России на мировые вызовы, реальность сохранения национальной идентичности, расширение «разрыва» между ведущими экономическими странами и т. п. Подчас утверждалось, что Россия, окончательно утратив свой статус в системе лидирующих государств мира, «растворится» в глобализованном мировом процессе.

Финансовый кризис (август 1998 г.), потрясший социально-экономическую и политическую системы России, подтвердил реальность представлений о кризисной ситуации в стране. Кратко обозначим его основные причины.

Внешнеэкономические причины. Обусловлены существенной зависимостью российской экономической системы переходного периода от мировых процессов.

Кризис, начавшийся в Азии («азиатский финансовый кризис»), захвативший мировую финансово-экономическую структуру, привел и к кризису финансовой системы России. Национальные бюджетные доходы (промышленное производство, сбор налогов и др.) не соответствовали государственным расходам, ибо традиционные финансовые инструменты (деньги) в значительной мере (более 70 %) заменялись бартерными отношениями и взаимозачетами. Внутренний финансовый дефицит привел к росту внешних займов. При этом все большая их часть шла на их обслуживание. Международные рейтинговые агентства, понизив оценку платежеспособности ведущих российских коммерческих банков, которые выступали заемщиками на мировом финансовом рынке, закрыли их доступ к относительно дешевым иностранным кредитам до «нормализации» национальной социально-экономической ситуации. При этом произошло падение мировых цен на основные энергоресурсы и сырье, которые обеспечивали базисные национальные валютные поступления.

Внутриэкономические причины. Связаны с совокупностью реальных социально-экономических противоречий переходного периода. Во-первых, политическая нестабильность, в рамках которой не создавалось предпосылок для эффективной хозяйственной деятельности, в частности, для полноценного сбора налогов. Во-вторых, сокращение масштабов реального производства; при этом все большая часть функционирующих хозяйственных систем приобретала убыточный характер (свыше 70 % промышленных предприятий и около 90 % в аграрном секторе). В-третьих, энергосырьевая зависимость бюджетных поступлений, которые сократились в результате падения курса рубля: на Чикагской товарной бирже фьючерсный курс рубля (на июнь 1998 г.) составлял 14 рублей за доллар. В-четвертых, усиление стремления отдельных регионов к суверенизации, осложняющее финансовое положение центральных структур.

Конец 1990-х годов оказался переломным в истории постсоветской России. С одной стороны, были разрушены механизмы хозяйствования и управления административно-командной системы. С другой – закладывались в рамках метода «проб и ошибок» основания реальных рыночных отношений. Постепенно формировалось понимание того, что рынок предполагает не только свободу социально-экономических отношений, но и определенную степень дирижизма, т. е. включенности в большей или меньшей мере (в зависимости от уровня экономического развития) элементов государственного управления.

4. К итогам первой декады XXI в.

Если для России 1990-х годов были характерны кризисные тенденции, то результаты первой декады XXI в. (особенно по сравнению с переходным периодом) оцениваются в целом, особенно с экономической точки зрения, вполне позитивно¹. Этот факт объясняется рядом обстоятельств: жесткая модель управления, позволяющая реализовывать на регионально-местном уровне централизованные решения; высокие мировые цены на энергоресурсы – примерно в 10 раз выше, чем в 1990-х годах и др. Отметим основные тенденции этого десятилетия.

Сохранение статуса великой державы. Развал СССР и последующий переходный период обусловили возможность снижения геополитического статуса «новой России» (сокращение географического пространства, ограничение военно-стратегических возможностей, уменьшение экономического потенциала и др.). Эти тенденции удалось приостановить.

Конечно, географические масштабы страны уменьшились в процессе суверенизации ее бывших республик. Впрочем, и в этом случае Россия остается одной из крупнейших евразийских стран, потенциал которой (природно-ресурсный, интеллектуальный

---

¹ Например, см.: Львов Д. С. Свободная экономика России: взгляд в XXI век. – М., 2000; Стратегический ответ России на вызовы нового века / под ред. Л. И. Абалкина. – М., 2004; Кризисная экономика современной России. Тенденции и перспективы / науч. ред. Е. Т. Гайдар. – М., 2010; Стратегические ориентиры экономического развития России / координатор член-корр. РАН Р. С. Гринберг. – СПб., 2010.

и т. п.) обеспечит в необходимом объеме и в исторической перспективе национальные потребности.

Исчезновение с мировой географической карты Советского Союза, союзнических организаций (СЭВ, Варшавский договор), групп развивающихся стран, строящих «национальный социализм», привело в конце 1980-х – начале 1990-х годов к формированию монистического (монополярного) мира. В его основе целевые установки США, которые после развала биполярного мира стали доминировать (в сотрудничестве с ЕС) в глобальной системе.

Однако к началу XXI в. все отчетливее выявляется тенденция перехода от монополярного к полиполярному (многополярному) миру, когда, наряду с мощной «американской цивилизацией», исторический динамизм получают другие геополитические образования: «европейская цивилизация» (страны ЕС), «дальневосточная цивилизация» (Китай, Япония), «индийская цивилизация» (Индия), южно-американская цивилизация (Бразилия) и др.

Именно в этом контексте проявляется статус «евразийской цивилизации». Россия, неуклонно восстанавливая и наращивая свой потенциал (военный, экономический, технический, социокультурный и т. п.), выполняет функции одного из центров современной геополитической структуры – полиполярного мира. С начала 1990-х годов на развалах бывшего СССР было создано Содружество Независимых Государств (СНГ); действуют региональные союзы, например, Организация черноморского экономического сотрудничества, ориентированная на совместное решение проблем энергетики, транспорта, торговли, туризма и др. Создана межправительственная Шанхайская организация сотрудничества (КНР, Шанхай, 2001), в которую входят Казахстан, Китай, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Узбекистан, ориентированная на кооперацию в решении не только конкретных вопросов в области образования, энергетики, транспорта и туризма, но и фундаментальных проблем, касающихся безопасности, создания демократического, справедливого и рационального нового международного порядка.

К началу XXI в. Россия восстановила субъектность своего геополитического существования и исторического статуса, т. е. является не только объектом глобализации, но и принимает активное участие в динамике мирового развития. Страна, обладая мощным потенциалом (ресурсным, экономическим, интеллектуальным

и т. п.), взаимодействуя с региональными и мировыми центрами принятия решений (ООН, ЕС, НАФТА и др.), сохраняет свою специфику и национальные особенности развития.

Идеологическая функциональность православия. Отказ от марксистской (коммунистической) идеологии при всей ее исторической ограниченности привел к тому, что в постсоветской России были утрачены духовные ориентиры, создающие предпосылки для определенного единства социума.

Коммунистические ориентиры, несмотря на их историческую абстрактность, тем не менее, интегрировали усилия социума, идеологически обосновывая необходимость жертв для достижения высшей цели «всеобщего счастья». Ценой значительных жертв, опираясь на коммунистическую идеологию, была построена «социалистическая Россия», развал которой обусловил и отказ от прежних идеологических стереотипов.

В условиях постсоветской России поиск «общей идеи» обернулся фактически возрождением традиционной оппозиции «славянофильство – западничество». Их ожесточенное противостояние, как и в прошлом, не привело к формированию обобщенной позиции.

Оказалось, впрочем, что «православная идеология», государственно объединяющая «царскую Россию», в той или иной мере «работает» и в современных условиях. При этом отметим два, по крайней мере, обстоятельства, осложняющие реализацию православия как общенационального объединяющего фактора.

Во-первых, наличие различных конфессий (ислам, буддизм, иудаизм и др.), приверженцы которых должны найти свое место при реализации национальной духовной стратегии развития. В условиях царской России государственный статус православия обуславливался безусловным доминированием титульной нации. Православие создавало основу для социальной динамики личности, являлось действительным (реальным) социокультурным интегратором.

Во-вторых, на протяжении большей части XX в. православие жестоко искоренялось в советском геополитическом пространстве; генетические носители веры в значительной степени были истреблены в социальных конфликтах и войнах. Необходим временной

интервал для действительного, а не мнимого возрождения православия в качестве реальной идеологической основы социума.

Укрепление государственности. Реформа начала 1990-х годов опиралась на либеральный вариант монетаристской экономической теории, в основе которой идея саморегулируемости рынка.

Суть ее в том, что именно предельно свободные экономические отношения при максимально возможном сокращении участия государства в производственно-хозяйственной деятельности создают объективные условия для эффективного хозяйствования. При этом эффективность деятельности в рамках рыночных отношений оценивается несравненно выше, чем в условиях государственной собственности.

В практике, однако, большинства развитых стран, особенно с начала 1960–1970-х годов, роль государственных расходов неуклонно возрастает, преимущественно в тех областях (высокие технологии, охрана природы и др.), где отдача капиталовложений связана с существенным временным интервалом. Поэтому либеральная теория этатизма к середине XX в. трансформируется под воздействием реалий, а именно: государство, с одной стороны, не становится гоббсовским Левиафаном, а с другой – далеко от «отмирания» (что следует из марксистской теории «классового монизма» или представлений анархизма). В развитых странах соблюдается баланс между рынком и государственной системой управления: в большинстве из них доля государственных расходов колеблется в пределах 50 % ВВП.

Если для западных стран исторически характерна модель «сетевого управления», когда различные подсистемы национальной (государственной) системы выходят на уровень демократических механизмов согласования, то Россия тяготеет к иерархическому типу управления. Государство и общество рассматриваются исторически как некая единая субстанция, управляемая иерархически, в рамках принципов подчиненности и субординации («властная вертикаль»).

Реальные условия России (обширность территории, многонациональность населения, ментальность и т. п.), в соответствии с достаточно распространенной точкой зрения, требуют реализации жестких моделей управления. Эта позиция обосновывается

тем, например, что именно эпохи Ивана IV и Петра I, ориентированные на такую модель, обеспечили национальный динамизм. Командно-административная модель эпохи Сталина ценой огромных человеческих жертв и социальных потрясений вышла на управленческую систему, обеспечившую индустриализацию, культурную революцию, победу над немецким фашизмом и экономическое восстановление. Это отнюдь не означает, что постсоветская Россия должна отказаться от рыночных (либеральных) механизмов управления. Однако реальность такова, что «шоковый» развал централизованно-плановой системы государственного управления начала 1990-х годов привел к социально-экономическому кризису, сокращению масштабов промышленного производства, доминированию сырьевой ориентации экономики и к значительному снижению жизненного уровня населения.

Выход из этой опасной ситуации был связан с повышением «степени управляемости» национальной системы, когда предельно свободные рыночные отношения все более отчетливо дополняются государственными механизмами. С начала XXI в. шел активный поиск (методом «проб и ошибок») компромисса между этими альтернативными системами управления. При этом искомая национальная управленческая модель должна в идеале не «подавлять» экономическую динамику, а повышать «индекс экономической свободы», т. е. постепенно сокращать государственное вмешательство в производство, распределение и потребление товаров и услуг.

Динамизм реальной экономики. Декада XXI в. ознаменовалась выходом постсоветской России из состояния системного кризиса.

Впрочем, в условиях переходного периода были заложены основы современного российского экономического динамизма. Свободный характер рыночных отношений (хотя и в «шоковом варианте») открыл национальную экономику для мирового рынка, создав предпосылки для последующего роста. Вместе с тем экономика новой России, являясь наследницей социально-экономической системы советских десятилетий, включает в той или иной степени элементы уходящей эпохи, а именно: диспропорции экономических структур (доминирование военных отраслей, тяжелой промышленности и т. п.); природно-сырьевая направленность; отсутствие кадров, соответствующих рыночным механизмам; и др.

Выделим некоторые позитивные и негативные элементы современного национального экономического развития.

Позитивные элементы. Опросы общественного мнения показывают, что значительная часть населения считает Россию страной, вернувшей (утратившей в 1990-е годы) статус «великой державы». Исходя из учета:

- реального преодоления системного кризиса национального развития 1990-х годов;

- возросшего престижа страны на мировой политической арене, вхождения в группу ведущих промышленных государств мира («большая восьмерка»); активной защиты России своих национальных интересов;

- преодоления периода глубоких социально-политических потрясений и выхода на уровень стабильного развития; государство полностью расплатилось с Парижским клубом по долгам бывшего СССР;

- сравнительно высоких показателей экономического роста;

- роста капиталовложений в реальную экономику как внутренних, так и внешних (иностраных) инвесторов;

- значительных долларовых и золотовалютных резервов, создающих основу для стабильного национального роста;

- частичного восстановления традиционных для страны научно-технологических направлений (ракетно-космическая промышленность, атомная энергетика, авиа- и судостроение и др.)

- отчетливо выраженного стремления перейти от односторонней природно-ресурсной ориентации к инновационному развитию, используя достижения современного знания (нанотехнологии и т. п.);

- тенденции на улучшение социально-экономического положения все большей части населения страны.

Негативные элементы. Российская экономическая модель находится в стадии формирования: ее динамизм сочетается с необходимостью преодоления традиционных стереотипов хозяйствования, уточнения и трансформации современных ориентиров. Некоторые из «болевых точек» в этом контексте.

- *Ресурсность экономики.* Несмотря на экономическую динамику, не удалось решить задачу удвоения ВВП. Высокие доходы от экспорта энергоресурсов, с одной стороны, по-прежнему являются одной из определяющих причин высоких темпов экономического

роста, а с другой стороны, не создается эффективных стимулов для диверсификации экономики. Сохраняется довольно жесткая зависимость национальной экономики от динамики мировых цен на энергоносители. Падение экспортных цен приведет, если не готовиться к этому процессу, к кризисным тенденциям национальной экономики.

– *«Раскручивание» инфляции.* Мировые цены на энергоносители позволяют увеличивать государственные расходы, что создает условия для обострения инфляционных тенденций. Возникает проблема не только рационального использования «нефтедолларов», но и направления их в те сферы производственно-хозяйственной деятельности, которые не связаны с «выбросом» денежной массы (строительство инфраструктуры, образование и др.). Инфляция усиливается под воздействием неоправданно увеличивающегося потребительского кредитования, создавая предпосылки для финансово-банковского кризиса.

– *Уровень государственного вмешательства.* Государство (в виде управленческого аппарата) во все большей мере стремится регулировать характер и масштабы производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности. Подобная ситуация затрудняет экономический процесс, создавая, в частности, условия для распространения коррупции. В результате не только ограничивается приток иностранного капитала, но и усиливается его экспорт (отток), т. е. ухудшается инвестиционный климат в стране.

– *«Сырьевое проклятье».* Использование высоких технологий (в промышленности, энергетике и т. п.) является основным направлением мирового экономического развития. Россия, обладая значительными мировыми запасами энергосырьевых ресурсов, с трудом преодолевает потребительские стереотипы. «Экономика трубы» оказывается более достижимой, чем усилия по диверсификации промышленного и научно-технического развития. Частные предприятия не стремятся вкладывать инвестиции в инновации. Государственные структуры лишь начинают деятельность в этом направлении.

– *Слабость аграрной системы.* Современная земельная реформа, связанная с заменой колхозно-совхозного производства

свободным индивидуально-коллективным землевладением, не завершилась созданием эффективной аграрной системы. Развал государственных аграрных структур не привел к созданию крестьянских (фермерских) хозяйств, которые могли бы полностью взять на себя продовольственное обеспечение населения. Это ставит под угрозу основы национальной продовольственной безопасности.

– *Дифференциальность регионального развития.* Страна утрачивает целостность, если отдельные регионы существенно отличаются друг от друга (в экономической сфере, по социокультурным условиям и т. п.). Специфика динамики центральных («богатых») и периферийных («бедных») регионов – важный фактор национальной социально-политической устойчивости. При этом не обеспечено в полной мере фактическое, а не формальное равенство субъектов федерации.

– *Ограничение инвестиций в человека.* Сохраняются негативные социально-демографические тенденции (сравнительно низкая средняя продолжительность жизни, относительно высокие показатели смертности и т. п.). Не разрешены, а лишь обозначены в качестве приоритетных, проблемы совершенствования национальных систем образования, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства; остра проблема реформирования пенсионной системы. Сравнительно низкие, по сравнению с развитыми странами, национальные показатели «качества жизни», индекса «человеческого развития».

– *Энергоресурсная безопасность.* К началу XXI в. Россия позиционирует себя как «мировая энергетическая держава». Национальный энергетический и ресурсный потенциал позволяет стране достаточно эффективно преодолевать как внутренние, так и внешние противоречия развития.

Россия по-прежнему обладает одними из крупнейших мировых запасов органического топлива (нефть, газ, уголь). При этом надо учитывать, что с конца 1990-х годов цены на энергоносители выросли на мировом рынке примерно в 10 раз. Более того, потребности в энергоресурсах, обусловленные, в частности, экономическим динамизмом «новых развитых стран» (Китай, Индия, Бразилия), масштабами их демографических процессов, поддерживают тенденции к перспективному энергетическому дефициту.

На основе, прежде всего, экспорта национальных энерго-сырьевых запасов России удалось преодолеть системный кризис, обеспечить современный экономический динамизм. Вместе с тем надо учитывать ряд обстоятельств, корректирующих эту ситуацию.

Во-первых, относительную ограниченность национального природно-ресурсного потенциала. Конечно, по суммарным запасам природных ресурсов Россия является одной из крупнейших держав мира (около 30 % мировых запасов природного газа, почти 10 % нефти, более 20 % лесов и т. п.). Вместе с тем, очевидно и то, что новых крупных месторождений, например, нефти, открывается редко. В этой связи все более актуальной становится задача рационального использования ресурсов традиционных месторождений.

Во-вторых, реальность тенденции к объективному сокращению мировых энергопотребностей, обусловленной тем, что распространяются альтернативные источники энергии (солнечная и ветровая энергия, атомная энергетика и др.). При этом масштабы потребления энергии и сырья в принципе сокращаются (при повышении эффективности производства), учитывая возможности высоких технологий.

Поэтому национальная политика энергетической и ресурсной безопасности, с одной стороны, связана с созданием Стабилизационного фонда, где накапливаются «газо- и нефтедоллары», которые, по мере необходимости, предполагается направлять на преодоление социально-экономических трудностей. С другой стороны, развиваются альтернативные источники энергии, а также современные технологии, ориентированные на оптимальный характер энерго- и ресурсопотребления.

– *Инновационность развития.* Российская наука постепенно выходит на уровень, приближающийся в той или иной мере к соответствующим критериям, характерным для развитых стран.

В условиях переходного периода наука, особенно фундаментальная, оказалась в России в критическом состоянии (сокращение государственного финансирования, «утечка умов», моральное и физическое старение оборудования и т. п.). Национальная фундаментальная (академическая) наука неуклонно утрачивала свой статус в мировой иерархии приоритетов, что выражается, в частности, в сокращении публикаций российских авторов в международных журналах, уменьшении «индекса цитирования».

Постепенно, однако, наука стала приспосабливаться к рыночным условиям. Стало ясно, что перспективы будущих научных исследований и разработок связаны с сочетанием предпринимательского (частного) и государственного финансирования. И если бизнес, учитывая особенности финансирования научных исследований (длительность и неопределенность их окупаемости), достаточно медленно подключается к этому процессу, то государство, по мере экономического роста, все активнее и масштабнее поддерживает развитие науки, а именно: неуклонно возрастают (хотя и недостаточно) бюджетные ассигнования на фундаментальные исследования.

Разработана и реализуется национальная стратегия в области развития науки и инноваций, которая предполагает эффективное сочетание фундаментальных и прикладных исследований. Один из ее базовых принципов связан с концентрацией ресурсов федерального бюджета для финансирования ключевых направлений научных исследований и разработок, определяемых научным сообществом, и прежде всего – Российской академией наук (РАН).

Среди приоритетных направлений развития науки, технологии и техники на первую декаду XXI в. были выделены следующие области исследований, а именно: информационно-телекоммуникационные системы; индустрия наносистем и материалов; рациональное природопользование; энергетика и энергосбережение; безопасность и противодействие терроризму.

С одной стороны, выделенные направления исследований и разработок, имеющие приоритет, носят выраженный прикладной характер. С другой стороны, их развитие предполагает проведение соответствующих фундаментальных работ, например, в области нанотехнологий. Следовательно, предполагается баланс прикладных и фундаментальных исследований. При этом бизнес, заинтересованный в конкретных разработках, будет финансировать и часть необходимых фундаментальных проектов (в развитых странах на долю предпринимательства приходится до 60 % финансирования науки; в России – около 20 %).

– *Взаимосвязь экономики и экологии.* Административно-командная система, решая на протяжении большей части XX в. проблему социально-экономического выживания, стремясь к экономическому росту, фактически не учитывала экологические

представления. Экологические решения, принимаемые в 1970–1980-х годах, по существу, не получили практической реализации; финансирование экологических проектов осуществлялось преимущественно по остаточному принципу.

В конце 1980 – начале 1990-х годов «российские зеленые» стали составной частью мощного национального демократического движения, под давлением которого была разработана и реализовывалась в той или иной степени государственная программа охраны природы и рационального природопользования. Отметим ее некоторые элементы, а именно:

- система мониторинга качественных (и количественных) характеристик состояния окружающей среды;
- открытость и доступность экологической информации, в том числе ежегодное издание государственных докладов («белые книги») о состоянии окружающей природной среды России;
- инициирование системы законодательства в области охраны природы и рационального природопользования;
- система государственной экологической экспертизы, осуществляющей предупредительный контроль на стадии разработки документации;
- предложен механизм экономического регулирования природоохранной деятельности.

И хотя в переходный период Россия испытывала существенные экономические трудности и не все элементы программы были реализованы в полной мере, тем не менее государственная экологическая стратегия рассматривалась как одно из приоритетных направлений национальной политики.

К началу XXI в. государственная политика, реализуя модель экономического роста (стратегия «удвоения ВВП»), не рассматривала остроту социально-экологических противоречий в качестве приоритетной проблемы. Произошел (вольно или невольно) возврат к традиционному (а ныне – архаичному) отношению к биосфере как сравнительно неисчерпаемому источнику ресурсов. Необходимость быстрого снятия социальной напряженности вынудила постсоветскую модель развития опираться на «ресурсную экономику», когда именно экспорт сырья являлся основным фактором национального динамизма. При этом экономические стереотипы явно доминировали над соображениями экологического характера.

В первой декаде XXI в. созданы реальные предпосылки для эффективной реализации природоохранной стратегии.

Во-первых, экономический рост последнего десятилетия создал материальные условия для более активного государственного финансирования деятельности в области охраны природы и рационального природопользования. Экономический динамизм позволяет государству реализовывать эффективную экологическую политику.

Во-вторых, обострение национальной экологической ситуации. Подъем производственно-хозяйственной деятельности после периода промышленного спада оборачивается усилением биосферной напряженности, опасным загрязнением природной среды (водоемов и почвы в районах строительства газопроводов и трубопроводов; городской среды в результате масштабной автомобилизации и выброса отходов и т. п.).

И, в-третьих, деградация биосферы является одним из факторов, влияющих на качество жизни, что оборачивается реальным ухудшением экологических условий существования человека.

– *Опасность депопуляции.* С начала 1990-х годов в России фиксируется процесс доминирования естественной убыли населения, когда показатели смертности превышали соответствующие характеристики рождаемости. В результате население страны неуклонно сокращалось.

Выделим негативные аспекты реальной депопуляции. Отметим некоторые из них.

Геополитический аспект. Демографический фактор выступает одним из важнейших условий поддержания и упрочения статуса великой державы, ибо обуславливает биологические предпосылки социокультурной динамики. Население является определяющим фактором производственно-хозяйственной деятельности, субъектом производства во всех его проявлениях. Именно население выступает субъектом, поддерживающим государственную территориальную целостность, а при определенных условиях (исторических, военных и др.) осуществляющим геополитическую экспансию. Адекватная плотность населения, особенно в пограничных районах, позволяет реально противостоять внешним территориальным претензиям.

Структурный аспект. Изменяется возрастной и социальный состав населения. Темпы роста смертности мужского населения трудоспособного возраста и привели к доминанте женского населения в биологической структуре населения. При этом отмечается сокращение доли детских возрастов. Вместе с тем увеличивается доля пожилых групп населения, что, впрочем, соответствует мировым демографическим тенденциям. В результате растет число пенсионеров, осложняющее реализацию социальной политики.

Социокультурный аспект. Национальная социально-экономическая ситуация привела к тому, что усилилась «утечка умов». В результате пределы страны покидают наиболее активные и дееспособные группы населения (молодые ученые перспективных специальностей, квалифицированные рабочие и др.). Россия лишается лучшего генофонда. В обмен активизировались миграционные потоки из южных регионов ближнего зарубежья, усилился приток рабочей силы низкой квалификации.

Этнический аспект. Особенности демографических показателей русского (православного) и восточного (исламского) этносов выражаются в том, что в соответствии, например, с исламскими традициями реализуются стереотипы многодетности, высокого естественного прироста. Напротив, для русского этноса характерны тенденции, присущие современным западным стереотипам, в том числе и низкая рождаемость. Вместе с тем российская демографическая специфика (в отличие от западной модели) связывается, в частности, с высокой смертностью, сравнительно низкой продолжительностью жизни. Сохранение подобной тенденции ведет к реальной депопуляции коренного русского населения.

Эффективная национальная демографическая программа предполагает:

- сохранение экономического динамизма и стабильность социально-экономической ситуации ;
- активную пронаталистскую политику, обеспечивающую повышение рождаемости до уровня простого воспроизводства населения («родительский капитал»);
- целенаправленное привлечение миграционного потенциала, в особенности русского этноса, как ближнего, так и дальнего зарубежья, создавая соответствующие условия для эффективной производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности, а также создания семьи;

– систему комплексных мероприятий, связанных с повышением качества жизни человека (совершенствование областей здравоохранения, оздоровление окружающей среды, улучшение сферы труда, досуга и др.).

Демографические процессы характеризуются значительной инерционностью. Поэтому даже ускоренная реализация национальных проектов для улучшения демографической ситуации в России (и даже современный «беби-бум» в отдельных регионах, в том числе и в Москве) может дать существенный эффект лишь через значительный временной интервал

– *Человеческое измерение развития*. Государственная стратегия, провозглашенная к концу первой декады XXI в., постулирует необходимость комплексных инвестиций в человеческий капитал страны. Иначе говоря, экономический рост важен не сам по себе, а как условие, обеспечивающее достойный статус человека в социальной динамике.

С начала 1990-х годов в стране произошло резкое падение жизненного уровня значительной части населения, затронувшее практически все сферы жизнедеятельности. Поэтому социально-экономическая стабилизация конца 1990-х годов привела к сравнительному повышению в российских условиях индекса человеческого развития.

Программа развития ООН ежегодно (начиная с 1990 г.) издает доклады о человеческом развитии, разрабатываемые группой независимых международных экспертов на основе данных международных организаций, агентств, аналитических разработок и др. Индекс человеческого развития включает систему показателей, а именно: продолжительность жизни, размер валового внутреннего продукта на душу населения, уровень грамотности, положение в области прав человека, возможность участия в общественной жизни.

Первые рейтинги в этих измерениях принадлежат таким странам, как Исландия, Норвегия, Австралия или Канада; аутсайдеры – африканские государства: Сьерра-Леоне, Буркина-Фасо, Нигер. Россия замыкает группу стран с высоким уровнем развития.

И если показатели ВВП или уровень грамотности в российских условиях неуклонно приближаются к стандартам развитых стран, то основные демографические или некоторые социальные

характеристики далеки от европейских. Особенно это касается дифференциации (расслоения) социума.

Примерно 25 % населения образуют российский «средний класс» (топ-менеджеры, высококвалифицированные специалисты и др.). Его представители находятся в «зоне благополучия», т. е. востребованы в профессиональной деятельности и неуклонно повышают свой жизненный уровень. Однако большая часть населения (около 60 %) пребывает в «зоне бедности» (пенсионеры, сельское население и др.). Им удастся лишь с большим трудом удовлетворять свои биологические потребности. И, наконец, «зона нищеты» (15 %), где ведется отчаянная борьба за выживание.

Жесткая дифференциация населения отнюдь не способствует социальной устойчивости. Россия занимает одно из первых мест в мире по количеству самоубийств.

При этом Москва отнесена специальными международными аналитическими агентствами в группу дорогих (по проживанию) городов мира. Рейтинг составляется на основе анализа системы данных (стоимость аренды и покупки жилья, стоимость еды в магазинах и ресторанах, цены на одежду, бытовые услуги и др.). Вместе с тем Москва отнюдь не признается городом, благоприятным для жизни, в частности, из-за низкого качества медицинского обслуживания, экологических показателей.

Тем не менее в целом за последнее десятилетие, по многочисленным и независимым друг от друга социологическим опросам, население вполне положительно оценивает динамику благосостояния. Россияне, особенно в крупных городах, привыкли к социально-экономической стабильности, уровню жизни, который приближается к западным стандартам (сетевые магазины, разнообразные услуги и т. п.). Конечно, высокий уровень потребления соответствует лишь возможностям определенных групп населения. Однако их количество неуклонно возрастает; а социальные аутсайдеры получают стимулы для динамики.

Более половины россиян довольны (частично или полностью) своей жизнью. И это закономерно, ибо не только преодолен системный кризис – Россия вошла в «десятку» («двадцатку») наиболее развитых стран мира, растет экономика, возрастает бюджет государства; увеличиваются доходы населения; сокращаются масштабы бедности.

В первой декаде XXI в. Россия находилась на стадии существенного подъема. Проблема заключается, однако, в том, чтобы обеспечить неуклонный динамизм российской экономики и социального прогресса в исторической перспективе, преодолеть «ресурсную экономику» и выйти на уровень действительного инновационного экономического роста, обеспечивающего эффективность развития.

Глава 7

РОССИЯ: ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

1. Истоки российской концепции УР

В начале 1990-х годов новая Россия только формировала свои социально-экономические предпочтения, преодолевая трудности «переходного периода». Тем не менее небольшая официальная национальная делегация довольно активно действовала в рамках Рио-92, информируя мировую общественность о стратегических перспективах России, поддерживая концепцию устойчивого развития, как стратегию, устремленную в будущее цивилизации.

На основе документов Рио-92 было принято решение о формировании российской концепции устойчивого развития. Ее основанием стал Указ Президента РФ (апрель 1996 г.), утвердившего Концепцию перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. Правительству РФ было поручено разработать проект соответствующей государственной стратегии. Опираясь на концептуальные построения мирового научного сообщества, а также национальные разработки, в России приступили к формированию государственной УР-стратегии¹.

По инициативе ряда министерств и ведомств, государственных и общественных организаций (Минэкономразвития, Минэкологии и др.) были созданы авторские коллективы, которые, независимо друг от друга, разрабатывали соответствующие документы. Подготовленные материалы активно обсуждались в заинтересованных министерствах и ведомствах, органах представительной и исполнительной власти, в научных и учебных заведениях, на совещаниях политических партий, движений, общественных организаций и др. Проекты концепции перехода России на путь устойчивого развития были обсуждены в Совете Федерации, в Государственной Думе, на Всероссийском съезде охраны природы, научно-практических конференциях, симпозиумах и т. п.

Представленная государственная стратегия устойчивого развития в основном была одобрена Правительством РФ (декабрь 1997 г.). Отметим некоторые из ее особенностей.

---

¹ Урсул А. Д. Переход России к устойчивому развитию. – М., 1998.

Во-первых, преемственность основных идей, сформулированных в рамках мировой стратегии устойчивого развития, обосновывающих необходимость сочетания экономических, экологических и социокультурных ориентиров в процессе принятия решений на любом уровне управления социоприродными системами.

Во-вторых, адаптация представлений об устойчивом развитии, выдвинутых в национальных социокультурных условиях (учение о биосфере, теория ноосферы и др.), к современным научным и социальным реалиям.

В-третьих, УР-стратегия предполагалась как одна из форм выражения «национальной идеи», реализация которой должна была бы привести к общественному согласию и возрождению России на основе решения проблемы гармонизации отношения «человек–социум–биосфера» и повышения качества жизни человека.

Несмотря на то, что государственная стратегия устойчивого развития конца 1990-х годов так и не была принята, тем не менее подготовленные материалы стали основой для участия России в Саммите по устойчивому развитию – Рио-92+10 (Йоханнесбург, 2002). Подготовка к национальному участию в этом крупнейшем международном форуме начала XXI в. значительно активизировала деятельность страны в этом направлении.

Выделим несколько направлений этой работы, а именно: научно-исследовательская, по линии государственных и общественных организаций.

Научно-исследовательская деятельность. Проведение научных обсуждений и подготовка публикаций.

Научная общественность обсуждала (на конференциях, «круглых столах» и т. п.) итоги реализации идей Рио-92 на национальном уровне, концептуальные проблемы и трудности (экономические, политические, социокультурные и др.). Активизировалась группа специалистов (В. И. Данилов-Данильян, К. С. Лосев, Р. А. Перелет, А. Д. Урсул и др.), которые с начала 1990-х занимаются анализом сущности концепции устойчивого развития, выявлением ее перспектив в российских условиях. Коллективы ученых подготовили к Саммиту специальные публикации¹.

Деятельность государственных организаций. Эта работа проходила на законодательном и правительственном уровнях.

---

¹ См., например, Устойчивое развитие: мнение ученых. – М., 2002.

Активно функционировала Комиссия по проблемам устойчивого развития РФ Государственной Думы (руководитель – академик М. Ч. Залиханов). Под ее эгидой было проведено несколько парламентских слушаний.

На одном из них обсуждалась тема «О формировании стратегии устойчивого развития России» (октябрь 2000 г.). На слушаниях рассматривался, в частности, проект «Национальной стратегии устойчивого развития России», подготовленный коллективом специалистов (В. А. Коптюг, В. М. Магросов и др.), в рамках которого национальные интересы страны увязывались с реализацией представлений о цивилизации устойчивого типа. В материалах слушаний подчеркивалось, что работа над УР-стратегией России, не требуя спешки, должна опираться на традиции и сохранившийся потенциал фундаментальной отечественной науки.

Через год на парламентских слушаниях рассматривался проект доклада правительства к Саммиту III «О стратегии устойчивого развития России» (октябрь 2001 г.). Участники дискуссии связывали, в частности, реализацию УР-стратегии с более четкой разработкой перспектив страны, выработкой социально-экономической стратегии России на отдаленную перспективу, формированием законодательной базы стратегии устойчивого развития и др.

Минэкономразвития совместно с МИДом и Министерством природных ресурсов подготовили правительственный доклад (Национальная оценка прогресса Российской Федерации при переходе к устойчивому развитию. – М., 2002). Этот материал был рекомендован Национальным подготовительным комитетом как официальный доклад России.

Кроме того, рабочая группа Правительства РФ при участии ряда организаций (Минэкономразвития и др.) подготовила материал (Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке. – М., 2002). Эта работа – фундаментальный анализ сложностей и перспектив реализации УР-стратегии в национальных условиях.

Перед самым Саммитом была принята «Экологическая доктрина Российской Федерации» (август 2002 г.). В ее рамках эффективное решение национальной природоохранной проблемы связывается с реализацией концепции устойчивого развития.

Деятельность неправительственных организаций (Информационный центр ООН, «Эко-согласие», «Эко-планета», «Зеленый крест» и др.).

Под эгидой неправительственных организаций были проведены многочисленные обсуждения, касающиеся реализации модели устойчивого развития в условиях России. Более того, инициативная группа ряда российских неправительственных организаций подготовила рекомендации по оценке прогресса в области УР-стратегии. С одной стороны, как отмечается в рекомендациях, Россия позитивно восприняла решения Рио-92. В стране разрабатывалась концепция и стратегия в области устойчивого развития; природоохранные структуры, несмотря на трудности экономического и социального характера, наращивали объемы своей деятельности. И хотя уменьшение выбросов в атмосферу в значительной степени обусловлено спадом производства 1990-х годов, тем не менее считается, что 15-процентное сокращение выбросов обусловлено соответствующей природоохранной деятельностью. С другой стороны, сохраняются стереотипы неустойчивого типа развития. Национальная экономика по-прежнему базируется на природоэксплуатирующих отраслях (топливно-энергетические ресурсы, лесной сектор и др.). При этом нередко ослабляется статус природоохранных систем. Недостаточно развито взаимодействие между министерствами и ведомствами в области устойчивого развития. Слабо вовлечены структуры гражданского общества России в разработку и принятие решений для достижения устойчивого развития. Российская делегация поддержала основные решения Рио-92 + 10. Тем самым была подтверждена приверженность России принципам устойчивого развития.

2. Киотский протокол – реализация решений Рио-92

Киотский протокол – конкретизация Рамочной конвенции ООН об изменении климата, принятой в рамках работы Рио-92. Большая часть стран мирового сообщества его ратифицировала. Государственная Дума РФ также поддержала этот процесс (ратификация в октябре 2004 г.).

Это решение неоднозначно воспринято научным сообществом и общественным мнением. Если экологи в целом положительно

оценили ратификацию, то ученые других специальностей и политики не давали однозначной оценки. Отметим как позитивные, так и негативные суждения.

Аргументация сторонников:

– Экономическая – в ее рамках доказывается, что Россия не имеет реального конкурента на мировом рынке продажи квот на выбросы парниковых газов, учитывая, что в течение 1990-х годов сравнительно улучшались качественные характеристики биосферы. Тем самым перед страной открываются значительные экономические возможности, обеспечивающие ее социально-экономическую динамику. Российские предприятия, выходящие на уровень новых технических решений, получают преимущества на мировом рынке.

– Экологическая – опирается на точку зрения, в соответствии с которой существуют естественнонаучные (и неопровержимые) доказательства того, что именно выбросы парниковых газов ведут к опасной дестабилизации климатического режима в планетарном масштабе. Именно поэтому российские экологические организации и движения всячески поддерживают киотскую стратегию, направленную на стабилизацию выбросов в атмосферу. В результате уменьшения выбросов в атмосферу улучшатся качественные показатели среды обитания, уменьшится риск заболеваний, возрастет средняя продолжительность жизни человека.

– Политическая – исходит из того, что ратификация соответствует стратегическим интересам страны, стремящейся к вступлению в европейские экономические организации. ЕС рассматривает реализацию Киотских договоренностей как одну из своих стратегических задач. Однако без подписания Россией Киотского протокола (учитывая объемы ее выбросов парниковых газов) соответствующие решения не могли вступить в силу. Ратифицируя протокол, Россия, демонстрируя свою приверженность современным европейским интересам, вправе рассчитывать на учет и своих национальных интересов, которые связываются с вхождением в европейские институты, в ведущие международные организации, в том числе и в ВТО;

– Научно-технологическая – доказывается, что совершенствование энергетических технологий позволит не только уменьшить

выбросы в атмосферу, но и выйти на уровень новых научно-технических решений в сфере энергетики («чистая энергетика»). Создается дополнительный стимул для внедрения в российских условиях энергоресурсосберегающих технологий, биотоплива и др.

– Юридическая – исходит из того, что принятие ряда нормативно-правовых актов (например, об экологических стандартах моторного топлива, экологических стандартах автотранспорта) и создание организационного механизма сертификации выбросов (например, координационный совет при Правительстве России), вполне реально в условиях современной правовой обеспеченности;

– Прогностическая – утверждается, что парниковые газы с неизбежностью приведут к климатическим изменениям планетарного масштаба, которые в существенной степени проявятся и в российских условиях. Акцент ставится на отрицательной стороне процесса потепления для России – изменения характеристик традиционных экосистем, подтопление зон вечной мерзлоты, затопление ряда регионов и др.

Аргументация критиков:

• Экономическая – доказывается, что выполнение условий протокола неизбежно приведет к серьезным ограничениям для социально-экономической динамики России. Страна, преодолев экономический спад, выйдя на уровень экономического роста, и не имея масштабной современной производственно-технической базы, с неизбежностью столкнется с Киотскими ограничениями. Расчеты показывают: при реализации стратегической задачи – динамичного экономического роста Россия через несколько лет выходит на установленный уровень выбросов углекислого газа. Иными словами, продажа квот для решения экономических проблем оказывается под вопросом.

• Экологическая – исходит из отсутствия неопровержимых доказательства того, что именно выбросы парниковых газов ответственны за тенденцию нарушения глобального равновесия. Более того, утверждается, что степень вероятности глобального климатического прогноза имеет чрезвычайно высокую степень неопределенности. Отстаивается точка зрения, что современное повышение температуры носит циклический характер, не имея, как предполагается, масштабной зависимости от человеческой

деятельности. Более того, утверждается, что климатическое потепление имеет для России, находящейся значительной частью в холодном температурном режиме, больше положительных, чем отрицательных последствий.

- Политическая – доказывается, что вхождение в европейские структуры приведет Россию к большей зависимости от Запада, затормозит ее потенциальную социально-экономическую динамику, учитывая уровни экономического развития западных стран и России, являющейся страной переходной экономики. Россия, характеризующаяся сравнительно чистой и объемной экологической системой (например, значительные запасы леса), должна иметь определенную компенсацию, в том числе и в политической сфере, за реализацию экологической функции в европейском (и в мировом) масштабе.

- Научно-технологическая – исходит из того, что экологическая ориентация производственно-хозяйственной деятельности (относительная замкнутость производства, рационализация энергопотребления и т. п.) является составной частью стратегической политики России и вне реализации Киотских договоренностей. Более того, налагаемые ограничения на экономический рост тормозят и технологическую модернизацию российской промышленности. Вместе с тем Россия, обладая существенным запасом органического топлива, имеет стратегические перспективы. Ограничения в использовании нефти, угля или газа, основных источников атмосферных выбросов, ослабляет ее экономические перспективы.

- Юридическая – обосновывается тезис, в соответствии с которым в России не имеется эффективной системы контроля выбросов парниковых газов; не разработан соответствующий правовой механизм. Отсутствие эффективно работающего экологического механизма не создает предпосылок для конструктивной реализации Киотских договоренностей.

- Прогностическая – исходит из того, что прогнозы потепления не подтверждаются рядом исследовательских групп, т. е. значительные средства (финансовые, технические и др.) будут потрачены напрасно. Реализация соответствующих решений позволит, как предполагается, уменьшить температурный режим планеты немногим более на 1/10 градуса. При этом альтернативная

прогностическая модель исходит из того, что в перспективе ожидается климатическое похолодание. Но эта позиция замалчивается, как утверждает, под давлением транснациональных корпораций, заинтересованных получением соответствующих инвестиций.

Таким образом, имеются как сторонники, так и противники ратификации Киотского протокола. В начале 2005 года, через 90 дней после ратификации Россией, соответствующие решения вступили в законную силу. Очевидно, что лишь практика его реализации в российских условиях сможет дать адекватный ответ на поставленные вопросы.

3. Почему в России не принимается национальная стратегия устойчивого развития?

Этот вопрос уже поднимался в 1990-х годах, когда после завершения Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-92) принятую мировую стратегию пытались адаптировать к российским реалиям. Однако ситуация (политическая, экономическая, социальная и т. п.), складывающаяся в России к концу XX в., отнюдь не благоприятствовала принятию национальной стратегии устойчивого развития (хотя и были проведены фундаментальные научные исследования и подготовлены соответствующие проекты важных решений).

К началу XXI в. условия «игры» в стране существенно меняются: стабилизируется политическая ситуация, наблюдается значительный экономический рост, в целом улучшается социальное положение населения и др. Россия активизирует участие в реализации программы Рио-92, подтвержденной и Рио-92 +10. Принимается система базовых документов, а именно: Экологическая доктрина РФ (2002); ратификация Киотского протокола (2004), Энергетическая доктрина РФ (2006); Климатическая доктрина РФ (2009), Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года (2009) и др.

Более того, в стране реализуются программы (приоритетные национальные проекты), принимаются фундаментальные документы, имеющие принципиально прогностическую направленность. Россия, завершив «нулевое десятилетие», создала неплохую основу для прорыва в будущее. При этом в большинстве отмеченных документов, в частности, в Стратегии национальной безопасности

указывается, что Россия, преодолев системные трудности конца XX в., и уверенно входя в XXI в., имеет все предпосылки и целевые установки для эффективной реализации стратегии устойчивого национального развития.

Отметим стимулирующие и тормозящие факторы, обуславливающие, с одной стороны, возможность принятия, а с другой – затрудняющие реализацию российской стратегии УР.

Стимулирующие факторы

Объективная необходимость. Реальность противоречий между сравнительно неограниченным ростом потребностей социума и относительной ограниченностью национального природно-ресурсного потенциала.

Рост населения и масштабов производственно-хозяйственной деятельности с неизбежностью ведет к расширению ресурсных потребностей, что оборачивается, с одной стороны, их исторической исчерпаемостью, а с другой – обострением деградационных изменений национальных экосистем. Адекватное снятие этого противоречия – радикальное изменение модели развития, ориентированной на баланс экономических, экологических и социокультурных стереотипов цивилизации.

Концептуальное обоснование стратегии. С начала 1990-х годов готовилась теоретическая основа стратегии устойчивого развития. На основе зарубежных исследований, использования творческого наследия отечественных авторов, прежде всего В. И. Вернадского, учитывая документы Рио-92, выявлялась сущность модели устойчивого развития. Показывалась необходимость формирования такой социоприродной системы, которая, во-первых, обеспечивала бы удовлетворение рациональных (и все возрастающих) потребностей (материальных, энергетических, духовных) социума; во-вторых, была бы стабильна по отношению как к внутренним, так и современным внешним факторам воздействия; и, в-третьих, сохранила бы динамическое равновесие в исторической перспективе.

Стратегические перспективы евразийства. Геополитическая сущность России предполагает баланс европейских (западных) и азиатских (восточных) стереотипов.

Исторический опыт показывает – ни абсолютизация восточных ценностей (с их природоцентристским измерением), ни доминирование западных стереотипов (с их антропоцентристским воззрением) не обеспечивают перспективного позитивного развития глобальной социоприродной системы.

Очевидно, что лишь реализация принципа дополнительности, когда западные и восточные стереотипы и ценности будут находиться в состоянии взаимосвязи, обеспечит мировому социуму выход на уровень позитивного прогностического динамизма.

Для российской ментальности характерны стереотипы, увязывающие интересы личности с ценностями социума (соборность), сочетающие активность Запада и гармонию Востока. Национальная (русская) культура создает предпосылки для эффективного и конструктивного исторического динамизма России, воспринимающей все лучшее, что создано в рамках мировой цивилизации, ее отдельных ветвей. Ее срединное географическое положение создает основы для реализации социокультурных российских стереотипов.

Государственничество. Российская ментальность традиционно патерналистски воспринимает управляющие функции государства. Вся стратегия национальной политической системы с начала «нулевого десятилетия» связана с провозглашением (и отчасти реализацией) реформ, направленных именно на укрепление российской государственности.

В идеале представление о сильном государстве включает в себя деятельность, направленную на повышение «качества жизни» человека. При этом индивидуум внутренне поддерживает реализуемую государственную стратегию, ибо ее целевые установки ему имманентны.

Динамизм государства обусловлен балансом между «степенью управляемости» социумом и свободой человека в реализации его целевых установок. Более того, созданная властная вертикаль позволяет реализовать любые (в большей или меньшей степени) решения, принятые на национальном уровне.

Демографические условия. В России складывается специфичная демографическая ситуация, обусловленная особенностями современного социально-экономического развития.

С середины 1990-х годов в стране активно реализуется тенденция сокращения численности населения, снижения рождаемости, повышения смертности, уменьшения показателей средней продолжительности жизни. Тенденция депопуляции сопровождается структурными социально-демографическими диспропорциями, снижением «качества жизни» населения.

Россия нуждается в активной демографической политике, которая привела бы в ближайшей перспективе к росту народонаселения. Официальные данные свидетельствуют о том, что соответствующие мероприятия (материнский капитал, увеличение пособия на детей и др.) уже обозначили положительные тенденции. Вопрос лишь в том: имеют ли эти тенденции определяющий или же временный характер? При этом умеренные темпы демографического прироста (выход на уровень «демографического оптимума») – один из определяющих факторов реализации УР-стратегии.

Природно-ресурсный потенциал. В России сохранились значительные запасы природных ресурсов, что позволяет сочетать экономический динамизм с относительным равновесием национальных естественных экосистем.

На российской территории имеются залежи практически всех видов полезных ископаемых и ресурсов органического топлива, в масштабах, удовлетворяющих национальные потребности. Именно энерго-минерально-сырьевая база (актуальная и потенциальная) обеспечивает современной России фундамент национального социально-экономического развития. Однако перспективная стратегия связана с преодолением ресурсных стереотипов, отказом от завышенных показателей природоемкости производственно-хозяйственной деятельности, переходом к масштабному использованию высоких технологий и более эффективному учету экологических стереотипов.

Традиции высокой науки. Россия относится к числу стран, в которых исторически развивается фундаментальная наука.

В течение большей части XX в. отечественная наука, воспринимая мировой опыт и опираясь вместе с тем на национальные традиции, стремилась сохранять высокий научный потенциал. Конечно, отечественная наука неуклонно утрачивала стержневые элементы, поддерживающие ее в прошлый период. Тем не менее кризис еще не перешел в точку «невозврата», и есть возможность

придать ей утраченную инновационность. Еще пока сохраняются базисные основания науки: постепенно увеличивается финансирование академических институтов, укрепляется вузовская наука, в определенной степени сохранены научные школы и интеллектуальные кадры, не утрачен интерес к науке у молодежи. Именно «инновационный взрыв», связанный с развитием науки, призван обеспечить национальный исторический динамизм.

Высокий образовательный потенциал населения. Сохраняется сравнительно высокий интеллектуальный потенциал социума.

Реально существуют субъективные условия, позволяющие реализовать проекты и национальные программы любого уровня сложности. Реализация УР-стратегии требует интегральных усилий интеллектуального национального сообщества.

Ориентация национальной идеи. В России по-прежнему активно обсуждается проблема общенациональной идеи, призванной объединить социум в его продвижении в будущее.

Такую функцию можно было бы возложить на стратегию устойчивого развития. Именно в ее рамках можно было бы, вписавшись в мировую стратегию, предложить собственную модель, учитывающую национальные ценности, стереотипы и реальные условия. Более того, в России имеются объективные предпосылки (геополитическое положение, ментальность, природные ресурсы и др.) для ее более эффективной реализации, чем в рамках западной и восточной формах цивилизации.

Международная поддержка. Мировое сообщество поддержит принятие и реализацию российской стратегии УР.

Стратегия устойчивого развития – реальный тренд цивилизационной динамики первой половины XXI в. Россия как равноправный участник мирового (и особенно европейского) процесса в рамках деятельности ВТО и др.) с неизбежностью выйдет на уровень общепринятой (подтвержденной и на Рио-92+20) цивилизационной модели развития.

Итак, имеются реальные предпосылки для того, чтобы включиться в реализацию мировой УР-стратегии с учетом национальной специфики. Задача заключается в том, чтобы российский потенциал получил практическое измерение, обеспечив высокий статус России в глобализованном мире, соответствующий ее исторической и социокультурной традиции. Иначе говоря, необходимо преодолеть инерцию исторического развития.

Тормозящие факторы

Сложность национальной экономической ситуации. Россия, динамично развиваясь в первой декаде XXI в., тем не менее, по основным экономическим показателям, оказывается все еще ближе к тем странам, которые ориентируются на доминирование не качественных, но количественных характеристик человеческого развития.

Системный кризис начала 1990-х годов не позволил реализовать идеи Рио-92. Ко времени подготовки Рио-92 + 10 идеи устойчивого развития в России достаточно активно разрабатывались, но кризис конца 1990-х годов приостановил их реализацию. И, наконец, подготовка и проведение Рио-92 + 20 оказались осложнены мировым экономическим кризисом, который существенно корректирует темпы национального динамизма 2008–2012 годов. Сокращаются объемы ВВП; снижаются валовые показатели производственно-хозяйственной деятельности. Негативные экономические процессы происходят на фоне сравнительного падения цен на нефтяных мировых рынках. Осложняется реализация национальных плановых социальных программ и проектов. В этих условиях модернизация реальной экономики отодвигается в очередной раз. Лидеры страны не воспользовались благоприятной экономической конъюнктурой в условиях предшествующих «тучных лет»; не до этого, как вполне очевидно, и в период экономической рецессии.

«Ресурсное проклятье». России не удалось кардинально изменить экономическую модель, отказавшись от доминирования ресурсной экономики, и преодолеть зависимость от «нефтедолларов».

Мировая ресурсная (нефтяная) конъюнктура позволяет российской элите, радикально не меняя социально-экономической стратегии, обеспечить сравнительную стабильность национального развития. При этом очевидна историческая ограниченность подобной политики, когда национальная безопасность является функцией трудно прогнозируемых процессов (военных, политических и др.), оказывающих влияние мировые нефтяные рынки. Современная политическая элита не может преодолеть ресурсной зависимости, не «не затягивая» в какой-то мере «пояс» на социальных потребностях.

Тенденция потребительского роста. Население советской России, испытывавшее на протяжении всего XX в. постоянный потребительский дефицит и получившее доступ к материальным возможностям относительно свободного рынка, не готово отказаться от этих исторических достижений.

Более того, население и новой России, оказавшееся в конце 1980 – начале 1990-х годов в условиях «переходной революции», когда социально-экономическая ситуация для подавляющей части социума складывалась практически драматично, не готово к восприятию и реализации решений, которые можно было бы трактовать как ограничение экономического роста (и потребления). И это не могут не учитывать лица, принимающие решения.

По данным ВОЗ (2011), средняя продолжительность жизни в России составляет 68 лет (соответствующий показатель для большинства развитых стран – около 80 лет). Следовательно, социально востребована экономически ориентированная, а не радикально трансформированная модель национального развития.

Политический минимизм. Затрудняются возможности для активной деятельности групп, движений и партий, предлагающих альтернативные национальные пути развития.

Более того, в стране не разработана перспективная национальная модель развития. Политическая элита, оказавшись не в состоянии предложить такую модель, вместе с тем не готова и к адаптации мировой доктрины. При этом усиливается влияние политических сил, негативно оценивающих роль глобализации (и УР-стратегии) для позитивного динамизма России.

Устойчивость национальной социоэкологической системы. К началу XXI в. в стране сложилось определенное равновесие, когда, с одной стороны, экономические возможности позволяют реализовать социальные программы, удовлетворяющие в определенной мере потребности населения; с другой – установлен консенсус между различными политическими силами.

Очевидно, что время реализации стратегических решений станет реальностью тогда, когда будет приближаться период неустойчивости, обусловленный экономическими трудностями, политической неопределенностью, социальной напряженностью и т. п. Именно тогда, как представляется, в полной мере будет задействован национальный экономический потенциал, в полной мере будут

открыты шлюзы для свободной предпринимательской деятельности. И будут востребованы радикальные проекты развития России. Исторически объективно и экономически неизбежно преодоление стереотипов ресурсной экономики и реальный переход к новым моделям национального развития.

В России, в отличие от большинства развитых стран, не принята и к Рио-92+20 соответствующая национальная стратегия, хотя под принятыми документами стоит и подпись российских представителей. Конечно, это не простой процесс – принятие (и главное – реализация) государственной стратегии УР. Необходимо выйти на определенный уровень экономического развития, принять зачастую непопулярные политические решения, получив при этом общественную поддержку. Население России, уставшее от экономических трудностей и прежней политической неопределенности (и это показывают социологические опросы), не рассматривает экологические идеи (составляющие важнейшую часть УР) как приоритетные.

Таким образом, *тактически* лидеры России, стремясь к стабильности, имеют все основания не рассматривать стратегию устойчивого развития как реальную ближнесрочную прогностическую национальную модель, ибо ее реализация требует радикальных изменений основных характеристик сложившейся системы. На эти изменения политическая элита не готова, поскольку стремится «не раскачивать лодку».

Однако в любом случае (позднее или раньше) мировые кризисные тенденции, затронувшие и Россию, завершатся. И тогда с прежней (если не большей) остротой встанет вопрос о ее стратегических перспективах: подходит ли ей адаптация мировой стратегии УР, принятой большинством развитых стран, или же ей уготовлен иной путь, ведущий к национальному процветанию?

Однако вряд ли стратегическая экономическая модель России может радикально отличаться, если ставится задача повышения качества жизни человека, от ориентиров и механизмов, реализуемых в развитых странах.

И если развитые страны активно реализуют модель устойчивого экономического роста, то в России только ставится задача подобного рода. Более того, современная российская экономика – по-прежнему

наследница стереотипов советского природопотребительства, исходившего из принципа «неисчерпаемости природы».

Выход на уровень перспективного экономического роста предполагает радикальную трансформацию современной социально-экономической модели развития России. Речь идет не столько о проблемах, связанных с «нефтяной трубой», сколько о развитии реальной экономики, ее модернизации и эффективности, обеспечивающих, в конечном счете, повышение качества жизни человека и статус страны в мировой социоприродной системе. Именно в этом и заключается сущность стратегии устойчивого развития.

Следовательно, *стратегически* это решение ошибочно, ибо не имеет дальнесрочной перспективы, не увязывает национальные и глобальные ориентиры развития. Россия (как практически и все страны мирового сообщества) купила билет на один и тот же поезд, подписав документы ООН об устойчивом развитии. Однако, если развитые страны уже не только вошли в вагон, но и расположились в купе, то Россия еще раздумывает: входить или не входить в вагон?

В первой половине XXI в. Россия оказывается на «перекрестке» уникальной прогностической мировой ситуации.

Россия, опираясь на принцип евразийства, балансируя между вестернизацией и ориентализацией, имеет исторические (генетические) предпосылки для конструктивного сочетания западного экономического динамизма и восточной адаптивности, обеспечивающего выход на уровень перспективного исторического развития. Вместе с тем, если в стране не изменится реальное отношение к модернизации типа национального развития (от экономизма к экологизму и устойчивости), то Россия «забуксует» в XXI столетии.

Очевидно, что это в полной мере осознается лидерами страны. Именно в этом контексте предстает разработка стратегии развития России до 2020 года. Ее суть – преодоление стереотипов энергосырьевой модели, выход на уровень устойчивого экономического роста, реализация в полном объеме человеческого потенциала. Тем самым выдвигается долгосрочная национальная стратегия, преодолевающая традиции экспоненциального роста, ориентирующаяся на качественные критерии развития на основе модернизации всех сфер деятельности, позволяющей приблизиться к высоким показателям качества жизни человека.

Стратегия устойчивого развития – своего рода «голубая мечта» («миф») человечества. Это – недостижимая линия горизонта, к которой стремится пылкий разум. Но именно в процессе этого продвижения к идеалу цивилизация собьет «масло в кувшине», обеспечив тем самым свое реальное пространственно-временное выживание.

Реализация тезиса о «новой России», ее историческом динамизме предполагает формирование основ современной стратегии устойчивого развития России, в рамках которой устанавливается баланс между экономическими, экологическими и социокультурными процессами социума. Искомый баланс может быть получен лишь на инновационной основе.

4. Инновационно-модернизационная модель России как выражение национальной УР-стратегии (от истории к современности)

Российские лидеры не часто используют термин «устойчивое развитие». Им ближе понятия «модернизация», «высокие технологии», «инновации», «устойчивый экономический рост» и др. В сущности, однако, это и есть «базовые элементы» мировой стратегии устойчивого развития.

Модернизация – развитие всех элементов системы любого уровня на основе инноваций, затрагивающих базисные направления человеческой деятельности (экономические, социальные, технологические, экологические, информационные, прогностические и т. п.). И в этом смысле инновационно-модернизационный процесс – форма исторического динамизма мировой цивилизации¹.

Модернизация (если оценивать ее как синоним эволюции) «стартовала» на Древнем Востоке. Именно «тогдашние» научные и технологические достижения, попав в уникальные античные условия, дали «семена», из которых произросли базисные элементы цивилизации западноевропейского типа. Еще в раннем Средневековье восточные цивилизации (например, арабская) выказывали свое превосходство перед европейской культурой. Однако уже развивающаяся алхимия, ставшая одним из оснований

---

¹ Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке / отв. ред. В. Г. Федотова. – М.: Институт философии РАН, 2002.

экспериментального естествознания, продемонстрировала реальные преимущества западноевропейского инновационного динамизма.

Западная цивилизация, опираясь на протестантский «дух капитализма», постепенно выходила на уровень «первого круга» модернизации – переход от средневековой модели развития к динамике Нового времени. При этом в качестве «ядра» модернизации выступают инновации – новшества, затрагивающие не только технологические или экономические, но и политические, социокультурные и др. сферы деятельности социума.

Генезис европейской модернизации связывается с английской промышленной революцией XVII–XVIII вв. Историки (Дж. Неф, Ф. Бродель и др.) показали, что в ее основе – инновации системного характера, а именно:

- трансформации национальной политической структуры (изменение соотношения королевской власти, «старого» и «нового» дворянства);

- динамизм внутреннего рынка (создание машинного производства, переход от древесного к каменному углю; совершенствование финансово-денежной системы и др.);

- реальное повышение статуса науки (ее видные представители – Р. Бойль, Дж. Локк, И. Ньютон и др. – участвуют в принятии государственных решений);

- расширение внешнего рынка (военная, торговая и политическая экспансия английской социально-экономической модели).

В результате Англия становится лидирующей промышленной страной Европы. Парадокс заключается в том, что еще к середине XVI в. Британские острова с технико-экономической точки зрения отставали от других европейских стран.

«Английское чудо» модернизации находит объяснение в активной инновационной политике – адаптация немецких технологий мануфактурных производств и горных работ, французских текстильных и итальянских стекольных производств и др. Лишь в конце XVIII в. реализовался национальный проект парового двигателя (Дж. Уатт), ставшего универсальным инструментом промышленного динамизма.

При этом отчетливо проявлялась специфика тогдашней модернизации. Выделим два, по крайней мере, ее элемента.

Во-первых, масштабность мануфактурного производства с использованием значительного количества рабочей силы: обезземеленные крестьяне («огораживание») становились «винтиками» в крупных горнодобывающих, кораблестроительных, оружейных областях промышленности и т. п. И, во-вторых, масштабное использование каменного угля – «визитной карточки» английской модернизации, что позволило преодолеть надвигающийся «дровяной кризис».

Вместе с тем выявляются противоречия модернизации. Экономический рост обуславливает подъем благосостояния населения, его рост и расширение потребностей, что ведет к опасному дефициту продовольственного потенциала (теория Т. Мальтуса возникла именно в период английского экономического процветания). При этом стремительно ухудшается урбанизированная среда обитания (рост эпидемий, знаменитый английский смог и др.).

Какие выводы можно было бы сделать из исторического опыта английской модернизации?

1. Модернизация – эволюционный феномен, растягивающийся во времени, включающий как предпосылки (исторические, политические, экономические, социальные и т. п.), так и собственно модернизационный процесс.

2. Инновации в их системном качестве выступают в качестве эпитента модернизации.

3. Наличие технико-технологических инновационных оснований модернизации (открытие каменного угля, изобретение парового двигателя, распространение мануфактурного производства).

4. Инновационно-модернизационный процесс – неуклонная ориентация национального развития, реализация которой повышает статус нации в мировой динамике.

Формы английской модернизации в той или иной мере, учитывая национальную специфику, воплощались как в других странах Западной Европы, так и в Новом свете. Ее обязательные атрибуты: социальные революции – Великая Французская революция (1789), провозгласившая общеевропейские принципы прав человека и гражданина; американская революция (1776), освободившая Северную Америку от зависимости от Британской Империи, давшая толчок основанию Соединенных Штатов Америки. И еще наличие совокупности иных факторов – промышленный прогресс,

динамизм развития науки, подъем культуры. Если в XVIII–XIX вв. Западная Европа выступала в качестве непрерываемого центра «инновационной модернизации», то к началу XX в., особенно в его второй половине, таковым центром становятся США.

К середине XX в. формируется «второй круг» модернизации западного типа, технологической основой которой выступает процесс автоматизации всех практически сфер деятельности и существования социума. В результате автоматизации повышается «степень освобождения» человека от рутинных функций в системе производственно-хозяйственной деятельности. При этом происходит существенное увеличение ее эффективности.

Социальные потрясения XX в., и прежде всего две мировые войны, закончившиеся «холодной войной», едва не перешедшую в «горячую войну», способствовали расширению такой формы модернизации, когда инновации приобретали отчетливо выраженную военную направленность (атомная энергетика, космические исследования и др.). Вместе с тем даже «научные отходы» мировых военно-промышленных центров давали результаты, оказывающие стимулирующее воздействие на динамику развития цивилизации. Научно-техническая революция (НТР), случившаяся к этому времени, то есть процесс, интегрирующий элементы системы «наука – техника – технология» (при определяющей роли научного знания), создала основания динамичной модернизации социума.

Индустриальное общество, опирающееся на инновационную модернизацию промышленного производства, органично трансформируется в общество постиндустриального типа. Это – «третий круг» модернизации западного типа, формирующейся на рубеже XX–XXI вв., в основе которой лежат инновации в области науки и образования, высокая степень креативности субъекта деятельности, использующего разнообразные мировые потоки информации. Компьютеризация всех сфер деятельности человека и социума – базисная характеристика постиндустриального общества. Заметим, что Интернет – знаковый элемент постиндустриализма – имеет также военно-стратегические истоки.

Совокупный анализ «трех кругов» западноевропейской модернизации (вестернизации) позволяет попытаться сформулировать ее фундаментальные особенности, а именно:

- временная интенсивность, когда темпы перехода от одного «круга» к другому неуклонно ускоряются;
- органическая имманентность – формы и методы инновационной модернизации формировались в процессе исторического динамизма;
- абсолютизация западнотризма, т.е. вестернизация предстает в качестве наиболее эффективного механизма развития цивилизации западного типа;
- гуманистическая ориентация, когда удовлетворение потребностей человека выступает в качестве целевой мировоззренческой установки социума, соответствует эффективности рыночной модели;
- динамичная инновационность – стремление к изменениям во всех сферах человеческой деятельности становится одной из определяющих сущностей как индивидуума, так и социума в целом.

При этом все более рельефно выделяются базисные противоречия вестернизации. Отметим некоторые из них:

- экспансия потребительства, когда «раскручивание» человеческих потребностей выступает самоцелью динамики экономического механизма;
- экофобность, в соответствии с которой биосфера исторически рассматривается преимущественно как источник ресурсопотребления; обуславливает реальную остроту конфликта между абсолютизацией роста социальных потребностей и относительной ограниченностью природно-ресурсного потенциала цивилизации.

Со второй половины XX в. становится очевидным (особенно после первого доклада Римского клуба, 1972) следующее: исторически сложившиеся формы вестернизации нуждаются в инновационной модернизации, чтобы остановить «вхождение» цивилизации в состояние «экологического коллапса». Анализ различных позитивных конструкций будущего («нулевое развитие», «органический рост», «экоразвитие» и др.) завершилось принятием стратегии устойчивого развития как стратегической модели цивилизации XXI в.

Западные страны, особенно государства Европейского Союза, сравнительно эффективно реализуют процессы модернизации, исходя из стереотипов устойчивого развития, т. е. баланса

экономических, экологических и социокультурных механизмов динамики социума. Вместе с тем до недавнего времени США довольно скептически относились к стратегии УР, сконцентрировав преимущественно внимание на ее природоохранной составляющей (например, на экологической безопасности автомобиля).

Затормозилось и решение проблемы «парникового эффекта» – определяющей при смягчении процесса климатического потепления как важнейшего элемента выхода цивилизации на уровень устойчивого развития. Климатический саммит ООН (Копенгаген, 2009 г.) не принял решения о продлении Киотского протокола, регламентирующего выбросы «парниковых» газов в значительной мере из-за критической позиции ряда развивающихся стран.

Логичен вопрос: как вообще принципы вестернизации «работают» в развивающихся странах, где с середины XX в. мучительно идет активный поиск эффективных моделей национального динамизма?

Сущность модернизации развивающихся стран (именно в их контексте возникла теория модернизации) заключается в следующем. Большинство из них, учитывая опыт вестернизации, должно было бы в исторически сравнительно короткие сроки, преодолев колониальную отсталость, используя преимущественно национальный природно-ресурсный и человеческий потенциал, войти в качестве равноправных партнеров в мировую экономическую систему.

С начала 1960-х годов в рамках ООН в течение трех десятилетий реализовывались «декады развития», в рамках которых воплощались программы преодоления отсталости развивающихся стран. В сущности, в той или иной мере реализовывались две принципиальные стратегии инновационной модернизации.

1. Модернизация «догоняющего» типа, когда страны-акцепторы воспринимают опыт (организационный, экономический, технологический и др.) стран-доноров при их активной поддержке. «Зеленая революция» в Индии 1960–1970-х годов показала, с одной стороны, эффективность этой стратегии (быстрое повышение производительности аграрного сектора), а с другой – выявила негативные последствия (зависимость от западных технологий, трудности их адаптации к национальным условиям, экологическая деградация почвы и др.).

2. Модернизация по принципу «опора на собственные силы», в соответствии с которым национальная стратегия развития исходит преимущественно из опыта национальных традиций и условий. Позднее возникло представление о принципе «коллективной опоры» (например, имея в виду объединение стран-экспортеров нефти) на собственные силы. В современной КНДР этот принцип связывается с «идеей Чучхе».

Очевидно, однако, что наиболее эффективна для развивающихся стран «комбинированная» модель модернизации, когда методы вестернизации переносятся в национальные условия, в максимально возможной степени учитывая при этом национально-региональную специфику, социокультурные традиции. Именно в этом, вероятно, отгадка «японского чуда», китайского успеха, индийского динамизма и т. п.

Глобализация ускоряет процессы модернизации развивающихся стран (высокая скорость обмена информацией, технологиями и др.). И хотя по-прежнему именно волны вестернизации выносят на «берег» развивающихся стран инновации, тем не менее их эффективная ассимиляция становится основой технико-экономического динамизма «азиатских тигров», исходящих из принципов «национальной модернизации».

При этом вместе с инновационной модернизацией «новые индустриальные страны» приобретают и негативные атрибуты вестернизации (или американизации), а именно: тенденции к культурной унификации, изменению традиционных потребительских стереотипов, обострению национальной социально-экологической ситуации и др.

Большинство из них ориентировано на то, чтобы перспективная национальная модернизация учитывала современные целевые установки цивилизации, которые вырабатываются в рамках мировой стратегии устойчивого развития. При этом предполагается разработка и реализация национальной стратегии УР. Например, в стратегии устойчивого развития Японии акцентируется внимание на сохранении биологического разнообразия национальной флоры и фауны. Стратегия устойчивого развития КНР носит интегральный характер, ориентируясь на переход от индустриального к постиндустриальному обществу (наукоемкость производства, сокращение потребления ресурсов, уменьшение загрязнения биосферы

и т. п.). Тем самым инновационная модернизация является основой реализации национальных стратегий устойчивого развития. Проблема заключается не столько в их разработке, сколько – в целенаправленной реализации.

Для России стремление к модернизации является имманентной исторической задачей, в реализации которой выделяется несколько основных этапов, а именно:

- «петровский» период, связанный с реформами (в армии, государственном строительстве, образовании и др.), имевшими четкую вестернизационную направленность;

- «александровский» период, обусловленный реформами Александра II (отмена крепостного права; земская, судебная, военная, образовательные реформы и др.), ориентированные на учет и использование национальной специфики;

- «сталинский» период, модернизация всех сторон деятельности социума (индустриализация, коллективизация и культурная революция), заложившая основания «советской империи»;

- «хрущевский» период, связанный с попытками определенной либерализации хозяйственного механизма для повышения его эффективности в условиях расширяющейся «холодной войны» и гонки вооружений;

- «горбачевский» период, обусловленный перестройкой, в рамках которой модернизация советской модели предполагалась за счет ее демократизации, ускорения научно-технического развития;

- «ельцинский» период, когда в рамках включения механизма «шоковой терапии» ставилась задача предельного разрушения советской экономической системы и формирования рыночных отношений вестернизационного типа;

- «путинский» период, ориентированный на инновационную модернизацию, исходящую из баланса государственных и рыночных механизмов производственно-хозяйственной деятельности при решающей опоре на централизованную вертикаль управления.

При всех очевидных различиях (исторических, концептуальных, социальных и т. п.) выделенных периодов модернизации для них характерны определенные общие элементы. Выделим лишь три из них.

Во-первых, преобладание модернизации «догоняющего» типа. В наибольшей степени это выражалось в рамках «хрущевского» периода («догнать и перегнать Америку»). Во-вторых, милитаристская направленность, характерная для преобладающей части советского периода модернизации. В-третьих, целенаправленная политика ее реализации, приобретающая подчас жесткий (и жестокий) характер, особенно в «петровский» и «сталинский» периоды.

Модернизация в условиях России начала XXI в. имеет свои особенности. Отметим некоторые из ее направлений.

1. Формирование инновационной инфраструктуры. В ее основе – экономика инновационного типа, базисный ресурс которой опирается на современный научно-информационный потенциал. Речь идет о создании механизмов управления модернизацией российской экономики на основе инноваций.

Это предполагает:

- выход на лидирующий уровень не только в прикладных областях (нанотехнологии, авиакосмическая техника, атомная и водородная энергетика, рациональное природопользование и др.), но и в фундаментальных науках (теоретическая физика, эволюционная химия, математика и т. п.);

- повышение доли высокотехнологического сектора и затрат на исследования и разработки;

- создание как новых научных центров (Сколково), так и повышение степени эффективности уже сложившихся региональных научных центров (Дубна, Троицк и др.);

- повышение степени экономической свободы.

2. Инновационная ориентация политической модели, включающая:

- государственное регулирование национальной экономики при активном подключении рыночных механизмов;

- общественную поддержку государственной инновационной политики и расширение демократических механизмов принятия решений;

- повышение социального статуса ученого, когда на рынке труда высокие рейтинги будут не только у гувернантки или домработницы (как в сегодняшней России), но и программиста или сетевого администратора (как в современных США).

3. Выход на уровень евразийской стратегической модели развития. С этим связывается:

– предельный учет мирового опыта инновационно-модернизационной динамики и национальных возможностей (гибридный «народный автомобиль»);

– высокий уровень государственного управления, когда не только «запускается», но и стимулируется в той или иной мере инновационный процесс;

– сохранение национальной идентичности и традиционных социокультурных ценностей в условиях глобальных трансформаций.

По существу, инновационно-модернизационная модель, которая вырабатывается в современной России, – адаптация мировой стратегии устойчивого развития к национальным условиям. Преодоление «ресурсной зависимости» и выход на уровень «инновационной экономики» – суть УР-стратегии, ориентированной на сохранение равновесия системы «человек–социум–биосфера» и обеспечение потребностей социума предвидимого будущего.

В начале второй декады XXI в. Россия, как сказочный богатырь, оказывается на перекрестке трех дорог: 1. направо – путь вестернизации, который выявил не только свою эффективность, но и историческую и концептуальную ограниченность; 2. налево – путь по традиционной модели ресурсной экономики будет «работать» до сохранения востребованности национального природно-ресурсного потенциала на мировом рынке, т. е. инновационной замены органических ресурсов; 3. прямо – путь инновационно-модернизационный (устойчивого развития).

Итак, отвергнув вестернационный и инерционный сценарии, Россия к 2020 году реализует инновационную модель развития, исходящую из доминирующей динамики научных исследований и разработок, эффективности человеческого капитала и т. п. Целевая установка социума исходит не из идеи догоняющего развития, а стратегии лидерства. Решается задача формирования новых субъектов развития, сочетающих стереотипы потребления с идеями свободы и справедливости. Именно новая элита ориентируется на реализацию стратегии российского лидерства в мировой системе.

Выделяются риски и ограничения (противоречия), затрудняющие решение этой задачи. Отметим некоторые из них.

Геополитические противоречия. Неустойчивость военно-политической ситуации на южных границах; опасность исламского экстремизма.

Социально-политические противоречия. Преобладание авторитарно-бюрократической модели управления, отказ от демократических ценностей. Сравнительно низкая (по сравнению с частным бизнесом) эффективность государственного управления. Снижение инвестиционной привлекательности страны, интенсификация оттока капитала.

Технико-технологические противоречия. Результаты фундаментальных исследований, выводя национальную науку на передовой уровень, вместе с тем не получают соответствующей реализации в прикладной сфере. Более того, некоторые области фундаментального знания (например, нанотехнологии), которые были связаны со значительными капиталовложениями, не получили адекватной практической отдачи.

Природно-ресурсные противоречия. Разведанные запасы энергоносителей (нефть, газ) близки к выработке; при этом новые месторождения не обладают необходимой мощностью. Традиционный ресурсный потенциал утрачивает свое коммерческое значение, ибо все более активно и масштабно используется альтернативная энергетика.

Экологические противоречия. Экономический динамизм без адекватной природоохранной деятельности оборачивается обострением биосферной напряженности. Все большая часть ресурсов (материальных, финансовых, интеллектуальных) направляется в экологическую сферу, чтобы обеспечить биологическое выживание человека.

Человеческие противоречия. Струdom преодолевается демографический кризис. Тем не менее сравнительно низкие демографические характеристики не позволяют в полной мере рассчитывать на национальные трудовые ресурсы. Усиливается миграционный поток, что осложняет этнополитическую ситуацию в стране.

Однако эффективная внутренняя и внешняя политика создает предпосылки и условия для реального преодоления отмеченных выше рисков и ограничений. На национальном уровне удастся:

– объединить значительную часть социума в решении проблемы возрождения России;

- сохранить сравнительно высокие темпы экономического роста (несколько превышающие показатели западных стран), обеспечивающие решение поставленных как тактических, так и стратегических задач социально-экономического развития;
- постепенно модернизировать производственно-техническую базу на основе высоких технологий и энергосберегающей стратегии;
- устранять неуклонно диспропорции в развитии отдельных регионов, создав условия для их динамического развития;
- обеспечить интеграцию в мировую экономическую систему в качестве равноправного партнера развитых стран;
- повышать неуклонно качество жизни, стремясь выйти на социально-экономический и социокультурный уровень, приближающийся к соответствующим характеристикам ведущих промышленных государств;
- сформировать средний класс (более 50% населения), ставший основой стабильности национального развития;
- сохранить статус России в качестве великой державы.

Создаются реальные предпосылки для того, чтобы Россия вышла на уровень принятия национальной инновационно-модернизационной стратегии устойчивого развития к 2020 году. Тем самым российский социум обретает интегрирующую целевую установку, ориентированную на позитивное будущее в третьем тысячелетии. Если, однако, политическая элита не изменит реального отношения к модернизации типа национального развития (от экономизма к экологизму и устойчивости), то Россия, потеряв XX столетие, рискует проиграть исторически и XXI в.

5. Реалистический сценарий развития России к середине XXI в.

Россия преодолевает в существенной степени противоречия и угрозы как внутреннего, так и внешнего характера и находит свое место в мирохозяйственной системе.

Социокультурное возрождение. Сохранив базовые ценности, Россия вернула статус, утраченный в конце XX в. Отметим некоторые из них.

Православные традиции. Возвращение к традиционной российской модели развития («православие – самодержавие –

народность»), трансформированной, однако, в процессе исторической динамики.

«Русская идея», воплощаемая в стратегии взаимосвязи православных ценностей, сравнительно жесткой (по сравнению с западной) моделью государственного управления и особенностью национальной ментальности, предоставила основания для эффективного развития. Такой подход не только органично вписал российскую (русскую) цивилизацию в мировую систему, но и предоставил ей определенные исторические (и прогностические) преимущества перед цивилизациями другого типа.

Природно-ресурсный потенциал. Несмотря на доминанту экстенсивного природопользования и отсутствие эффективной экологической политики, на территории России сохранился значительный запас природных ресурсов. Занимая обширные территории на евразийском субконтиненте (около 1/8 части суши), Россия по-прежнему сохраняет доминирующую роль в мире по запасам нефти, газа, пресной воды, леса и др.; на душу населения земли приходится больше, чем в ведущих странах мира. При этом удалось сохранить существенные территории, свободные от производственно-хозяйственной деятельности. Экосистема России обеспечивает равновесие не только национальных, но и глобальных социоприродных систем.

Евразийская («кентаврная») модель. Сочетание во всех сферах деятельности западных (активность, динамизм, рациональность и др.) и восточных (гармоничность, эволюционизм, иррациональность и т. п.) стереотипов. Их взаимосвязь дает «амплитудный эффект», т. е. обеспечивает определенное ускорение (скачок) развития, а именно в:

- политике (баланс авторитарных и демократических принципов деятельности);
- управлении (сочетание централизованных и децентрализованных (региональных) моделей развития);
- экономике (взаимодействие государственных и рыночных механизмов функционирования социума);
- культуре (диалог между западными и восточными ценностями).

Инновационность развития. Инновационность предполагает динамизм (с высокой степенью новизны) во всех сферах деятельности. Отметим некоторые из них:

– политическая инновационность: принятие и реализация нестандартных решений на всех уровнях государственно-политического управления;

– экономическая инновационность: динамизм обеспечивается за счет опережающего развития высоких технологий, наукоемких производств и т. п.;

– технологическая инновационность: взаимосвязь фундаментальных и прикладных исследований;

– экологическая инновационность: принятие таких решений и использование таких технологий, которые исходят из природоохранных стереотипов;

– интеллектуальная инновационность: субъектом деятельности выступает личность, человеческие и профессиональные характеристики которой соответствуют высоким качественным требованиям.

Инновационность развития позволит, с одной стороны, выйти на уровень индустриального общества, соответствующий характеристикам развитых западных стран, а с другой – Россия осуществляет прорыв в динамике мировой цивилизации. Российские характеристики по мирохозяйственным показателям развития (производительность труда, удельный вес в мировом валовом продукте, в мировом промышленном производстве и др.) в целом соответствуют показателям ведущих промышленных стран.

Эколого-экономический баланс. Экономический динамизм создает предпосылки того, что все большая часть ВВП направляется на реализацию экологических стереотипов.

Традиционная производственно-хозяйственная модель, преодолев ресурсную доминанту и выйдя на уровень инновационного развития, достигает экономического эффекта на основе:

– рационализации использования природных ресурсов;

– высокой «степени замкнутости» производства;

– минимизации (на основе высоких технологий) воздействия производственно-технических элементов на естественные экосистемы.

Национальные масштабы природно-ресурсного потенциала и значительные территории, свободные от производственно-хозяйственной деятельности, в сочетании с экологизацией производства, позволяют обеспечить динамическое равновесие социозкосистем. Национальная экосистема является одной из самых

качественных в глобальной системы «цивилизация – биосфера», учитывая, в частности, соотношение экологических и демографических процессов.

Демографический динамизм. Национальная демографическая политика, которая проводилась на протяжении первой половины XXI в., постепенно дает положительный эффект.

Созданы адекватные предпосылки (эффективность государственных мер, социально-политическая устойчивость, экономический рост, возрождение семейных ценностей и др.), обеспечивающие преодоление «демографического спада» прошлых десятилетий. Доходы как отдельной семьи, так и социума в целом сделают реальным такой рост народонаселения, когда демографические процессы будут соответствовать геополитическому статусу России. В соответствии с этим представлением население страны будет превышать показатели начала XXI в.

Региональная интегративность. Новая Россия повышает «степень» своей привлекательности» для стран ближнего зарубежья, входивших прежде в советское геополитическое пространство. Эта тенденция обосновывается рядом обстоятельств. Отметим некоторые из них:

- близость ментальности (евразийские основания, рудименты советских стереотипов);

- динамизм (экономический, технический и др.) российского национального развития, повышающий эффективность регионального сотрудничества;

- разнообразие российского рынка (где реализуются как промышленные, так и продовольственные товары) и ресурсная направленность западного рынка (где можно реализовать преимущественно сырье).

Усиление интегративных процессов на постсоветском пространстве, начавшееся с государственного образования между Россией и Белоруссией, представляется вполне реальным. К этому образованию подключается ряд других государств (Казахстан, Таджикистан, Узбекистан и др.), интеграционное объединение которых становится важным фактором евразийского динамизма.

Россия в мировой динамике. Россия позиционирует себя как великая евразийская держава на постсоветском геополитическом пространстве, один из центров мирового влияния. Отчетливо проявляется многополярность мира. Наряду с США и Европой,

активизируются другие мировые центры принятия решения (Китай, Индия, Япония, Бразилия и др.).

Россия занимает в этой системе особенное место по ряду причин. Во-первых, евразийская сущность позволяет адекватно воспринимать как европейские (западные), так и азиатские (восточные) стереотипы; во-вторых, высокий уровень экономического развития в сочетании с природно-ресурсным потенциалом (что отсутствует, в сущности, в западных странах) и инновационным характером модели; в-третьих, религиозно-духовная специфика, воспринимающая (и принимающая на себя) беды и огорчения страдающей личности.

Россия не «растворилась» в мировом сообществе. Напротив, возвратив статус субъекта международных отношений, стала функционировать как эффективно действующий самостоятельный «игрок», учитывающий, с одной стороны, как национальные интересы, так и, с другой стороны, интересы основных «игроков» на «шахматном поле» глобальной социоприродной системы.

Человек инновационного типа. Россия вышла на уровень национальной стратегии устойчивого развития, суть которой в сочетании экономических, экологических и социокультурных стереотипов.

Созданы предпосылки для формирования человека цивилизации устойчивого типа. «Устойчивый человек» реализует свои биологические и социокультурные потребности в коэволюции с естественными экосистемами, а также с учетом интересов как настоящих, так и будущих поколений.

Человек в России имманентно соответствует стереотипам устойчивого развития, устремленным в будущее. Дело в том, что его «кентаврная» сущность, балансируя между западными и восточными ориентирами, стремится к синтезу (взаимосвязи) западной активности и восточной гармоничности. Именно в этой «дополнительности» и заключается сущность стратегии устойчивого развития, реализация которой обеспечивает сравнительно неограниченное временное существование человека в мировой исторической динамике.

Встречается точка зрения, что XX столетие оказалось «потерянным» для России. Не споря, с большой долей вероятности можно утверждать: XXI столетие станет «веком России».

ПОЛИТИКА ПОВЫШЕНИЯ «СТЕПЕНИ УСТОЙЧИВОСТИ» ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ (Заключение)

Глобализация – имманентно противоречивый процесс. С одной стороны, ее реализация открывает перед человеком (и человечеством) практически неограниченные возможности освоения всех богатств материальной и духовной культуры, накопленных в процессе исторической динамики. С другой стороны, именно с процессами глобального масштаба связана система негативных последствий, затрагивающих как материальную («богатый Север» становится богаче, а «бедный Юг» – беднее), так и духовную (расцветает только «один цветок» – вестернизация) сферы бытия цивилизации.

Отнюдь неслучайно «столкновение» между цивилизациями европейского (западного) и исламского (восточного) типов, «глобалистами» и «антиглобалистами». Это «столкновение» неизбежно, ибо одни получают «вершки», а другие – «корешки».

Идея устойчивого развития цивилизации (как взаимосвязь экономических, экологических и социокультурных стереотипов) выступает механизмом, приведение в действие которого предполагает «минимизацию» негативных и «максимизацию» позитивных последствий глобализации. В идеале ее негативные процессы имеют тенденцию к нивелированию, а позитивные – к увеличению; формируется динамически равновесная глобальная социо-природная система. А именно:

- вестернизация взаимодействует с ориентализацией, чем и обеспечивается эффект взаимодополнительности;
- западный динамизм в сочетании с восточной адаптивностью формирует основы конструктивной социально-экономической модели развития;
- европейские стереотипы демографической стагнации корректируются азиатскими (и африканскими) тенденциями роста народонаселения;

– западная экофобность преодолевается восточной экофильностью;

– смягчается «раскол» цивилизаций, ибо культуры различных типов находят общие точки соприкосновения.

Повышение «степени управляемости» глобальными процессами – одна из ключевых целевых установок мировой стратегии устойчивого развития. Реализация ее принципов выступает в качестве существенного механизма, обеспечивающего взаимосвязь интересов как отдельных стран, так и мирового сообщества.

Очевидно, что принятие согласованных решений на глобальном уровне – чрезвычайно сложная задача, предполагающая добровольную передачу части национального суверенитета при принятии решений межгосударственным структурам. Вместе с тем масштабность задач, стоящих перед цивилизацией, предполагает именно совместное их разрешение, что подводит мировой социум в целом (или его наиболее динамичную часть) к осознанию необходимости формирования эффективных глобальных структур управления.

Россия – один из ведущих игроков в системе глобальных процессов. Более того, если цивилизациям западного и восточного типов для адаптации к модели устойчивого развития необходима коррекция исторически сложившихся ориентиров, то для российской (евразийской) цивилизации достаточно лишь возрождения генетически имманентных механизмов, что обуславливает ее реальное преимущество в динамизме предвидимого будущего. И в этом – основа исторических перспектив России XXI в.

БИБЛИОГРАФИЯ

Глава 1

- Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера. – М., 1989.
- Горшков В. Г.* Энергетика биосферы и устойчивость состояния окружающей среды. – М., 1990.
- Лось В. А.* Основы современного естествознания. – М., 2000.
- Матросов В. М. и др.* Модели, методы и программные средства анализа глобальной и региональной устойчивости развития: концепция международного проекта // Модели, методы и средства анализа устойчивости развития. – М., 1991.
- Управление риском: Риск. Устойчивое развитие. Синергетика. – М., 2000.
- Урсул А. Д., Лось В. А., Демидов Ф. Д.* Концептуальные основы устойчивого развития. – М., 2003.

Глава 2

- Барлыбаев Х. А.* Общая теория глобализации и устойчивого развития. – М., 2003.
- Вернадский В. И.* Философские мысли натуралиста. – М., 1988.
- Горшков В. Г.* Физические и биологические основы устойчивости жизни. – М., 1996.
- Дрейер О. К., Лось В. А.* Экология и устойчивое развитие. – М., 1997.
- Левашов В. К.* Устойчивое развитие общества: парадигма, модели, стратегия. – М., 2000.
- Лось В. А., Урсул А. Д.* Устойчивое развитие. – М., 2000.
- Урсул А. Д.* Путь в ноосферу (Концепция выживания и устойчивого развития цивилизации). – М., 1993.

Глава 3

- Азроянц Э. Д.* Глобализация: катастрофа или путь к развитию? – М., 2002.
- Антиглобализм и глобальное управление. Доклады, дискуссии, справочные материалы. – М., 2006.
- Глобалистика. Энциклопедия / глав. ред. и сост. И. И. Мазур и А. Н. Чумаков. – М., 2003.
- Глобальное сообщество / сост. и ред. А. И. Неклесса. – М., 2002.
- Карапетян Л. М.* О понятии «глобализация» и «глобализм» // Философские науки. – 2003. – № 3.

- Кобяков А., Хазин М.* Закат империи доллара и конец Pax Americana. – М., 2003.
- Кочетов Э.* Глобалистика: теория, методология, практика. – М., 2002.
- Лось В. А.* Основания глобализации. – М.: РАГС, 2010.
- Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рандерс Й.* За пределами роста. – М., 1994.
- Молевич Е. Ф.* Введение в социальную глобалистику. – М., 2007.
- ООН. Декларация тысячелетия. Саммит тысячелетия, 6–8 сентября 2000.– Нью-Йорк, 2000.
- Печчеи А.* Человеческие качества. – М., 1985.
- Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы / под ред. Д. М. Гвишиани. – М., 1997.
- Шишков Ю.* О гетерогенности глобалистики и стадиях ее развития // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2001. – № 11.
- Чумаков А. Н.* Глобализация. Контуры целостного мира. – М., 2005.

Глава 4

- Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С., Рейф И. Е.* Перед главным вызовом цивилизации: Взгляд из России. – М., 2009.
- Горшков В. Г.* Физические и биологические основы устойчивости жизни. – М., 1996.
- Зубаков В. А.* Йоханнесбургский саммит ООН: анализ итогов // *Вестник РАН.* – 2003. – № 11.
- Коптюг В. А.* Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992) : Информационный обзор. – Новосибирск, 1992.
- Кузнецов О. Л. и др.* Система «природа–общество–человек»: устойчивое развитие. – М.–Дубна, 2000.
- Лосев К. С.* Экологические проблемы и перспективы устойчивого развития России в XXI веке. – М., 2001.
- Лось В. А., Урсул А. Д.* Устойчивое развитие. – М., 2000.
- Лось В. А.* От Стокгольма до Рио-де-Жанейро // *Вестник РАН.* – 1993. – №5.
- Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию. – М., 1989.
- Перелет Р. А., Кукушкина А. В.* Программа ООН по окружающей среде. – М., 1995.
- Переход к устойчивому развитию: глобальный, региональный и локальный уровни. Зарубежный опыт и проблемы России: к 10-летию Конференции ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, 1992. – М., 2002.
- Программа действий. Повестка дня на XXI век и другие документы. – Женева, 1993.

Глава 5

- Голуб А. А., Струкова Б.* Экономика природных ресурсов. – М., 2001.
- Лукьянчиков Н. Н., Потравный И. М.* Экономика и организация природопользования. – М., 2000.
- Нестеров П. М., Нестеров А. П.* Экономика природопользования и рынок. – М., 1997.
- Пермяков Р. С. и др.* Управление природопользованием. – М., 2001.
- Шевчук А. В.* Экономика природопользования. – М., 2000.
- Урсул А. Д.* Государство в стратегии устойчивого развития. – М., 2000.

Глава 6

- Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта: в 3 т. – М.: ФО СССР, 1991.
- Бальцерович Л.* Социализм, капитализм, трансформация: очерки на рубеже эпох. – М., 1999.
- Гайдар Е. Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. – М.: РОССПЭН, 2006.
- Глобальный кризис и проблемы обеспечения общественно-политической стабильности: опыт стран Запада и России. – М.: ИМЭМО РАН, 2009.
- Кризис финансовой системы России: основные факторы и экономическая политика // Вопросы экономики. – 1998. – № 11.
- Левашов В. И., Староверов В. И.* Демография и демографическое развитие России. Демостатистический анализ. – М., 2000.
- Лихачев Д. С.* О национальном характере русских // Вопросы философии. – 1990. – № 4.
- Малинецкий Г. Г. и др.* Кризисы современной России и научный мониторинг // Вестник РАН. – 2003. – № 7.
- Мицек С. А.* Россия: вступление в кризис, кризис, выход из кризиса // Вестник общественного мнения. – 2009. – № 1.
- Новиков Д. В.* Антизападничество как стратегия рационального поведения современной российской элиты // Общественные науки и современность. – 2007. – №6.
- Реформы глазами российских и американских ученых / под ред. О. Т. Богомолова. – М., 1996.
- Римашевская Н. М.* Человек и реформы. Секреты выживания. – М., 2003.
- Россия в окружающем мире – 2008. Устойчивое развитие: экология, политика, экономика. – М., 2008.

- Рязанов В. Т.* Экономическое развитие России: реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. – СПб., 1998.
- Сироткин В.* Почему «слиняла» Россия? – М., 2004.
- Ясин Е.* Поражение или отступление? (Российские реформы и финансовый кризис) // Вопросы экономики. – 1999. – № 2.

Глава 7

- Глобализация и Россия (круглый стол) // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 9–10.
- Зиновьев А.* Глобальное сверхобщество и Россия. – М.: АСТ, 2000.
- Илларионов А.* Как Россия потеряла XX столетие // Вопросы экономики. – 2000. – № 1.
- Иноземцев В. Л.* Несколько гипотез о мировом порядке XXI века // Свободная мысль. – 2002. – № 10.
- Лось В. А.* Россия, Восток, Запад: поиски «устойчивой цивилизации» // Окружающая среда и социально-экономические процессы в исламском мире. – М., 1994.
- Межуев В. М.* Ценности и современности в контексте модернизации и глобализации // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 1.
- Россия: ресурсы устойчивого развития. – М., 1997.
- Стратегия развития России до 2020 года. – М., 2008.
- Социокультурные особенности российской модернизации: Материалы круглого стола. – М.: ИНСОР, 2009.

СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ

А

Абиогенез – возникновение живого из неживого в процессе эволюционного развития; альтернатива – биогенез (принцип Реди), в соответствии с которым реально лишь получение «живого из живого» (В. И. Вернадский)

Абиотические факторы – совокупность условий неорганической среды (атмосферный воздух, климат, почва и др.), влияющих на живой организм, включая и человека

«Автотрофность человечества» – концепция В. И. Вернадского (1925), в рамках которой сформулированы условия (атомная энергетика, синтетические материалы, искусственные продукты питания и замкнутость технологий) относительной независимости человека от естественной среды его обитания, снятия его абсолютной автотрофности. Предтеча концепции устойчивого развития

Адаптация – приспособление живых организмов, в том числе и человека, к изменениям природной и социокультурной среды обитания; биологический вариант устойчивости экосистем

Алармизм – мировоззрение, акцентирующее внимание на тревожных (катастрофических) последствиях современных форм развития цивилизации; усиливается в связи с обострением мировой социально-экологической ситуации

Альтернативизм – социально-политическое движение, отвергающее современные формы социально-экономического развития, ориентированное на поиск ««третьего пути» развития, обеспечивающего действительную гармонию человека и природы; западные альтернативисты немалые надежды возлагают на «восточный путь» развития; одно из направлений устойчивого развития социальных систем

Антропогенез – исторический процесс формирования современного типа человека

Антропогенный фактор – совокупность внешних условий (технологических, экономических, социальных и др.), обуславливающих масштабы и характер воздействия человека на природную среду; выделяют прогнозируемые и непрогнозируемые антропогенные последствия технико-антропогенного воздействия на естественные экосистемы

Антропоцентризм – мировоззрение, основанное преимущественно на христианской доктрине, в соответствии с которым человек трактуется как высшая цель мироздания; рассматривается в качестве религиозно-духовного обоснования современного обострения социально-экологических противоречий

Антропосфера – система биосферы, в пределах которой функционирует человечество

Антропоэкосистема – естественная экосистема, преобразованная в процессе человеческой деятельности

Б

Банк экологический – специализированная экономическая система на основе как государственного, так и частного капитала, связанная с финансированием природоохранных программ и проектов

«Беби-бум» – значительный прирост народонаселения («демографический взрыв») в послевоенный период (в 50–60-х годах) в Европе и в США; тенденции демографического роста в ряде развитых стран в начале XXI в.

Безопасность – концепция национального, регионального и глобального уровня, исходящая из того, что принятие политических решений не должно нарушать сложившихся геополитических отношений (военно-политическая безопасность); экономическая политика должна быть направлена на удовлетворение рациональных потребностей социума (экономическая безопасность) на основе современных технико-технологических методов (технологическая безопасность); рост народонаселения не должен превышать параметров (демографическая безопасность), угрожающих нарушению равновесия исторически сложившихся экосистем различного уровня (экологическая безопасность)

Биогаз – горючий продукт, в основном метан, получаемый из отходов органического происхождения (биомассы); основа биоэнергетики – сравнительно экологически безопасного производства

Биогенез – эволюционный процесс образования живого в соответствии с принципами «живое из неживого» и «живое из живого»

Биогеоценоз – относительно однородный сегмент (участок) земной поверхности с определенным составом живых (биоценоз) и косных (абиогенных) компонентов, находящихся между собой в динамическом взаимодействии (обмен веществом, энергией и информацией). Термин введен отечественным ученым В. Н. Сукачевым (в 1940); иногда используется как синоним понятия «экосистема»

Биологическое разнообразие – число видов в данном сообществе или данной области; сохранение исторически сложившихся живых видов, популяций и сообществ как условие стабилизации мирового генофонда и поддержания глобального равновесия. «Чем больше биологическое разнообразие, тем устойчивее экосистема» (закон Эшби)

Биосфера – «область существования живого вещества» (В. И. Вернадский); оболочка Земли, включающая нижнюю часть атмосферы, гидросферу и верхнюю часть литосферы, в которой совокупная деятельность живых организмов, в том числе и человека, проявляется как биогеохимический фактор планетарного масштаба. Биосфера имеет тенденцию к переходу в ноосферу

Биосфероцентризм (природоцентризм, экоцентризм) – мировоззрение, в соответствии с которым целевой установкой цивилизации рассматривается идея сохранения равновесия биосферы, что является определяющим условием развития и выживания человека; биосфероцентризм снимает антропоцентризм

Биотехнология – использование биологических процессов и объектов в производственно-хозяйственных системах; целенаправленное конструирование генетического аппарата, изменение свойств живой материи, получение белков с заданными качественными и количественными параметрами. В ряде стран биотехнологические исследования в сфере генетики человека запрещены законодательно

Бифуркационные точки – в теории синергетики переломные моменты («скачки») в функционировании систем разного уровня, связанные с изменениями характера их традиционного развития, нелинейностью синергетических процессов; в б. т. социозэкосистема выходит из равновесного состояния

Большой взрыв – современная астрофизическая теория, в соответствии с которой энергетический толчок в доисторическом прошлом обусловил генезис и дальнейшее развитие Вселенной

В

Вестернизация – процесс переноса западных форм развития в другие природные и социокультурные условия, преимущественно в страны «третьего мира» (развивающиеся страны)

ВОЗ – Всемирная организация здравоохранения, одно из специализированных учреждений ООН

Востокоцентризм – мировоззрение, в соответствии с которым доминанта мирового цивилизационного процесса перемещается с Запада (европоцентризм) на Восток – в страны «третьего мира», учитывая масштабы демографического роста, появление «новых развивающихся стран («молодых тигров») и др.; различают африканоцентризм, азиациентризм и т. п.

Второй закон термодинамики – в соответствии с этим законом энергия самопроизвольно переходит из концентрированной формы

в рассеянную, от более нагретой к менее нагретой системе, т. е. деградирует, что теоретически ведет к «тепловой смерти» Вселенной. Этому противостоят термодинамические характеристики биосферы – ее открытость и способность создавать и поддерживать высокую степень упорядоченности внутренних процессов

Всемирный саммит по устойчивому развитию (Йоханнесбург, 2002) – Саммит II, который подвел итог «устойчивого десятилетия» (1992–2002), подтвердил реализацию стратегии устойчивого развития на уровне ООН

Г

Гендерные отношения – система взаимоотношений между мужчиной и женщиной, учитывающая как их специфику, так и тенденцию к их единству; последнее обусловлено ростом интегративных процессов в рамках современного социума

Геноцид – действия, направленные на уничтожение группы социума по определенным признакам (национальным, этническим, расовым, религиозным, медицинским и др.); геноцид экологический – существенные изменения естественных экосистем под воздействием антропогенных факторов, угрожающие реальному выживанию человека (и человечества)

Географический детерминизм – мировоззрение, абсолютизирующее роль природной среды в динамике становления человека и цивилизации. Выделяется реальный ГД (древнегреческие историки Геродот, Страбон), стремящиеся к выявлению диалектики взаимоотношений между природой и становлением человека; физиологический ГД (древнегреческий врач Гиппократ), изучавший взаимосвязь здоровья человека и природной среды; геополитический ГД (древнегреческий историк Фукидид), рассматривающий влияние природы на становление социума. В XVIII–XIX вв. идеи древнегреческого ГД активно развивались (Ш. Монтескье, Г. Бокль, Л. Мечников и др.). Отчасти возрождается в XX в. в связи с осмыслением остроты мировой экологической ситуации

Географический индетерминизм – мировоззрение, исходящее из того, что решающим фактором динамики цивилизации являются не природные условия (хотя их значение и не отрицалось), а развитие производительных сил

География конструктивная – этап в развитии современной (отечественной) географии, акцентирующий внимание на ведущей роли географических исследований в изучении системы

«человек–общество–биосфера»); предпосылка становления социальной экологии, представлений об устойчивом развитии социоэкоистем. Термин введен акад. И. П. Герасимовым в середине XX в.

Глобализация – процесс взаимосвязи и взаимодействия всех сфер деятельности (экономической, социальной, технической, экологической и др.) стран мирового сообщества, активизирующийся в условиях формирования цивилизации постиндустриального типа

Глобализм – мировоззрение, рассматривающее мировые процессы (экономические, политические, экологические, информационные и др.) в контексте их всеобщей взаимосвязи

Глобальные процессы – процессы, носящие общечеловеческий (мировой) характер (мировые экономические тенденции, демографические показатели, изменения биосферы и др.)

Глобалистика – система научного знания, связанная с изучением глобальных проблем и процессов глобализации

Глобальная экология – наука (или научное направление), изучающая взаимоотношения человека и планетарной экосистемы (биосферы); акцентируется внимание на глобальных последствиях антропогенной деятельности (потепление климата, «парниковый эффект», расширение озоновых «дыр» и др.)

Глобальные проблемы – система общечеловеческих проблем, зафиксированная в 1970–80-х годах, концентрирующая фундаментальные противоречия современной цивилизации, затрагивающие жизненные интересы как отдельного человека, так и мирового сообщества в целом, выявляющая необходимость планетарного сотрудничества. К важнейшим в системе глобальных проблем относят предотвращение мировой термоядерной катастрофы, сохранение общечеловеческих культурных ценностей, смягчение мировой демографической ситуации, преодоление опасных тенденций в динамике научно-технического развития и др. На рубеже XX–XXI вв. определяющей глобальной проблемой является поиск путей экологического выживания современной цивилизации. К началу XXI в. формой выражения глобальных проблем выступает процесс глобализации

Гомеостаз – состояние внутреннего динамического равновесия экосистемы любого уровня, поддерживаемое систематическим возобновлением основных ее структур, вещественно-энергетического состава и постоянной саморегуляции ее компонентов

«Гражданское общество» – концепция организации социума, основанного на принципах демократии, уважении прав и свобод личности

Гринпис – одна из наиболее активных неправительственных экологических организаций; создана в Великобритании (в 1971), имеющая отделения во многих странах мира, в том числе и в России (с 1992)

Д

«**Двух культур**» концепция – тезис, сформулированный в середине XX в. английским писателем (и физиком) Ч. Сноу, в соответствии с которым в условиях цивилизации современного типа усиливается дихотомия между естественнонаучным и гуманитарным знанием

Деградация экосистем – ухудшение качественных и количественных характеристик природной среды

«**Демографический взрыв**» – резкое увеличение темпов прироста мирового населения, преимущественно за счет стран «третьего мира», в результате сравнительного снижения детской смертности при сохранении традиционно высоких показателей рождаемости; осложняет решение многих проблем в большинстве развивающихся стран

Депопуляция – процесс сокращения численности особей одного вида, населяющих определенную территорию; уменьшение численности населения в результате ухудшения «качества жизни»

«**Державники**» – политическое течение в современной России, тяготеющее к неославянофильству

Дивергенция – специфика развития социумов различного типа (имеется в виду капитализм и социализм), обусловленная особенностями экономической модели. Ср. **конвергенция**

Диктатура экологическая – концепция, в соответствии с которой для экологического выживания отдельной страны или цивилизации в целом необходимо ввести жесткие меры государственного регулирования взаимоотношениями человека и биосферы; встречается точка зрения, что реализация стратегии устойчивого развития нуждается в политике «диктаторского типа»

Е

Евразийство – концепция социокультурного развития России, сформулированная в 20–30-х годах XX в., исходящая из ее «промежуточного положения» между Европой и Азией; получила популярность в России 1990-х годов как концепция выражения социокультурной национальной идеи

Европоцентризм – мировоззрение, абсолютизирующее статус европейской культуры в динамике мировой цивилизации; ср. **востокоцентризм**

Емкость биосферы – пределы (ресурсные, энергетические и др.) экосистем и биосферы в целом, обусловленные сравнительно неограниченным ростом материально-энергетических потребностей цивилизации и относительно ограниченными возможностями естественных

экосистем в ресурсно-энергетическом и ассимиляционном потенциале. Существует точка зрения, в соответствии с которой е. б. достигла своих пределов или опасно близка к ним. Стратегия УР призвана «оттянуть» время вхождения социоэкосистемы в неравновесное состояние

Ж

«**Живое вещество**» – понятие, введенное В. И. Вернадским, обозначающее совокупность живых организмов в биосфере

Жизнеобеспеченность – соотношение природно-ресурсного потенциала биосферы, позволяющее удовлетворять материально-духовные потребности человека, не нарушая естественных закономерностей экосистем

З

«**Загрязнитель платит**» – принцип производственно-хозяйственной деятельности, введенный в начале 1970-х годов, в соответствии с которым экономическое возмещение экологического ущерба возлагается на «владельца» источника загрязнения; имеет существенное значение для становления экономики природопользования. Одно из экономических оснований УР-стратегии

Законы Коммонера – общие закономерности, сформулированные американским экологом Б. Коммонером в конце 1960-х годов в образной форме («все связано со всем», «природа знает лучше» и др.) для системы «человек–биосфера»

Западничество – мировоззрение, классические представители которого (В. Г. Белинский, А. И. Герцен, П. Я. Чаадаев и др.) выступали за развитие России по западноевропейскому пути (ср. **славянофильство**). Современная форма З. в России – «рыночники» (ср. «**державники**»)

«**Зеленая революция**» – «взрывообразный рост» сельскохозяйственного производства в 60–70-х годах XX в. в ряде развивающихся стран (Индия и др.) в результате «переноса» западных аграрных методов (эффективные культуры, современная технология и др.). Выявление негативных последствий ЗР в конце 1970-х – начале 1980-х годов (усиление загрязнений экосистем в результате неумелого использования химических средств защиты растений, снижение производительности новых аграрных культур, активное расслоение социума и др.)

«**Зеленые**» – массовое демократическое движение мировой общественности, возникшее в начале 70-х годов XX в. в большинстве развитых стран, объединившее социальные группы населения, выступающие

против загрязнения биосферы, отвергающие по экологическим соображениям атомную энергетику и др. В 1980-х годах созданы партии «зеленых» (Германия, Франция и др.). Аналогичные процессы характерны и для России 1990-х годов

«Золотого миллиарда» концепция – представление, в соответствии с которым для адекватного обеспечения развития человека и удовлетворения его материальных и духовных потребностей на уровне развитых стран численность мирового населения должна составлять порядка 1,5 млрд человек

И

«Индустриальное общество» – концепция развития социума, в рамках которой его динамика определяется преимущественно количественными показателями роста (валовой внутренний продукт и др.)

Индустриальный (антропогенный) ландшафт – природная среда, образуемая в процессе воздействия на естественные экосистемы промышленных комплексов

Интенсивное развитие – динамика социосистем преимущественно за счет изменений их качественных характеристик (ср. **экстенсивное развитие**)

Интернационализация – процесс взаимосвязи и взаимозависимости национальных (прежде всего – экономических) структур, обусловленный расширением международного разделения труда; форма выражения глобализации в XIX в.

«Информационное общество» – современный этап развития постиндустриального общества, связанный с компьютеризацией всех сторон бытия социума («компьютерная революция»), обеспечивающей предпосылки для рационализации деятельности во всех ее проявлениях

К

«Качество жизни» – концепция, возникшая в 1970-х годах как одна из альтернатив «индустриального общества»; отвергает приоритет количественных показателей развития, отдавая преимущества качественным критериям (характеристики здоровья человека, уровень образования, здравоохранения, рекреации, экологические показатели и др.)

Киотский протокол – соглашение стран мирового сообщества (1997) о паритетном сокращении выбросов «парниковых газов»; реализация одного из важнейших решений Рио-92

- Коадаптация** – сопряженная эволюция признаков двух или более видов, обуславливающая их большую устойчивость; близкие по смыслу понятия **коэволюция**, **устойчивое развитие** социозкосистем
- «**Компьютерная революция**» – интенсивное внедрение микроэлектроники во все сферы жизнедеятельности социума; включает существенный экологический контекст, связанный с рационализацией деятельности во всех ее проявлениях; информационное выражение стратегии УР
- Конвергенция** – теория 50–60-х годов XX в., в соответствии с которой в условиях индустриального общества усиливается тенденция к стиранию граней между различными социально-экономическими типами социума; в 70-х годах развивался экологический вариант К.; получила возрождение с 90-х годов после развала «советской империи»
- Конференция ООН по окружающей среде (Стокгольм, 1972)** – Саммит I глав государств и правительств большинства стран мирового сообщества, ознаменовавший принятие и реализацию программы международного природоохранного сотрудничества на последующее 20-летие; предтеча Рио-92 – Саммит II
- Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 – Рио-92)** – Саммит II глав государств и правительств более 180 стран мирового сообщества, на котором были, во-первых, подведены итоги «экологического двадцатилетия» (1972–1992), во-вторых, выработана и принята концепция развития цивилизации на последующее 20-летие – стратегия устойчивого развития
- Конфликт экологический** – столкновение интересов роста систем различного уровня (от индивидуума и государства, а также их объединений) с реализацией природоохранных принципов и стереотипов; стратегия УР – механизм преодоления экологического конфликта
- Космизм (русский космизм)** – концепция русских мыслителей (Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский и др.), рассматривающих активную роль человека как фактор «оразумления» (гармонизации) его взаимоотношений с биосферой и Космосом
- Козволюция** – совместное развитие человека и биосферы, обеспечивающее их гармонизацию; близкое по смыслу понятие устойчивости социоприродных систем
- Кризис экологический** – резкое обострение взаимоотношений между человеком и средой его обитания в результате, как правило, непредсказуемых последствий деятельности технико-антропогенного характера; отличается от экологической катастрофы большей степенью обратимости. Стратегия УР – механизм «отхода» цивилизации от «края» экологического кризиса

Круговорот в биосфере – циклический характер природных процессов (круговорот воды, кислорода, углерода и др.); теоретически деятельность социума должна исходить из принципа круговорота (циклическости)

Культура – совокупность материальных и духовных ценностей, созданных в процессе исторического развития. Культура – религиозно-духовная основа цивилизации

Л

Ле Шателье принцип – термодинамическая закономерность, в соответствии с которой внешнее воздействие, нарушающее историческое равновесие экосистемы, генерирует в ее рамках процессы, ему противодействующие

Локальное загрязнение – деградация части естественных экосистем в ограниченных пространственно-временных масштабах; стратегия УР ориентирована на преодоление загрязнений как локального, так и регионально-глобального масштабов

М

МАГАТЭ – Международное агентство по атомной энергии – одно из специализированных учреждений ООН, создано в конце 1950-х годов для развития международного сотрудничества в области мирного использования атомной энергии, большое внимание уделяется безопасности современных АЭС

Мальтузианство – демографическая теория, основанная на тезисе английского священника и экономиста Т. Мальтуса (1766–1834), фиксирующего несоответствие между темпами прироста населения и возможностями его материально-энергетического обеспечения; современное ее выражение – концепция «золотого миллиарда». Получила «второе рождение» после публикации книги «Пределы роста» (1972), имеющей подзаголовок «Неомальтузианский манифест»

Международная биологическая программа «Человек и биосфера» – проект, реализуемый (с 1971) под эгидой ЮНЕСКО, один из первых опытов международного экологического сотрудничества

Международная комиссия ООН по окружающей среде и развитию («комиссия Брундтланд») – структура, созданная в начале 1980-х годов для подготовки стратегии **устойчивого развития**, принятой в рамках Рио-92 (Наше общее будущее, 1987)

Международная конференция ООН по народонаселению – крупнейший демографический форум (Каир, 1994), утвердивший Всемирный

план действий в области народонаселения; в соответствии с этим планом численность мирового населения не должна превышать к середине XXI в. 10 млрд человек

Ментальность – особенности мышления индивидуума, определяемые не только социально-экономическими или природными факторами, но и национальной спецификой (русская «широта души», немецкая «рациональность», французская «галантность», итальянская «темпераментность» и т. п.)

«**Модели мира**» – результаты математического моделирования процессов мирового развития, связанные в первую очередь с первыми докладами Римскому клубу («Пределы роста», 1972; Человечество на перепутье», 1974)

Моделирование глобальное – изучение динамики социоэкоосистем различного уровня (от локального до глобального) с помощью компьютерных методов; возникло в конце 60-х – начале 70-х годов XX в. Один из основателей г. м. – американский специалист проф. Дж. Форрестер

Модерн (modernity) – современный этап социокультурного и научно-технического развития цивилизации, как продолжение эпохи индустриализма и постиндустриализма

Монизм – мировоззрение, стремящееся свести многообразие бытия к определенной (единственной) сущности; ср. **дуализм**

Мониторинг – система постоянного наблюдения за динамикой естественных экосистем под воздействием технико-антропогенной деятельности

Монреальский протокол – соглашение стран мирового сообщества (1987) о снижении выбросов хлорфторуглеродов к концу XX в. на 50 % и постепенном запрете на их использование

Н

Научно-техническая революция (НТР) – этап научно-технического развития социума, связанный с радикальными преобразованиями в системе «человек–наука–техника–производство» на рубеже 50–70-х годов XX в., обусловленными принципиальными открытиями в науке и их практическими приложениями (атомная энергетика, выход человека в Космос, синтетическая химия, автоматизация и др.); с 1980-х годов НТР сочетается с «экологической революцией» и «компьютерной революцией». НТР как предтеча постиндустриальной революции, одна из форм реализации УР-стратегии

«Наше общее будущее» – итоговый доклад Международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию, 1987 (рус. пер. 1989), который был положен в основу работы Рио-92 и разработки стратегии устойчивого развития

Национального характера концепции – теории, исходящие из наличия определенных генетических устойчивых личностных особенностей, присущих членам той или иной национальной или этнической группы

Нелинейность – свойства систем не носят линейного характера, когда количественные изменения дают прогнозируемую качественную динамику; одна из важнейших характеристик синергетизма

«Неолитическая революция» – переход от присваивающего к производящему хозяйству в эпоху неолита – периода позднего палеолита (несколько тысячелетий до н. э.), что стало основой, с одной стороны, динамичного последующего развития социума, а с другой – первых кризисов экологического характера

Неустойчивое развитие – исторически сложившийся тип цивилизации, экстраполяция которого может привести к нарушению равновесия исторически сложившихся глобальных экосистем; альтернатива – устойчивое развитие

Ноосфера – стадия «оразумления» биосферы, предполагающая рационализацию взаимоотношений человека, общества и биосферы. По В. И. Вернадскому – «новое геологическое явление», этап превращения человечества в силу «планетарного масштаба»; по П. Тейяру де Шардену – «мыслящий пласт», разворачивающийся над миром животных и растений, устремляющийся к «пункту Омега» (к Богу)

О

Образование экологическое – система обучения всех уровней (от дошкольного, школьного, вузовского и поствузовского), представляющая комплекс знаний по основным проблемам отношения «человек – общество – биосфера»; одно из неперенных условий формирования экологического сознания личности и выхода на уровень устойчивого развития цивилизации

Окружающая природная среда – совокупность естественных факторов, используемых в производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности социума

Окружающая среда – совокупность естественных и социокультурных факторов, используемых в процессе производственно-хозяйственной и иной деятельности социума

«Озоновые дыры» – сокращение слоя модифицированного кислорода (О₃) на высоте около 50 км под воздействием продуктов производственно-хозяйственной деятельности, что ведет к усилению проникающего действия жесткого космического излучения на живые организмы, включая и человека

Оптимизация деятельности – процесс максимальной эффективности производства при негативных минимальных последствиях, в том числе и социально-экологического характера; одна из предпосылок реализации стратегии УР

Организация Объединенных Наций (ООН) – одна из авторитетных международных структур (создана в июне 1945), целью которой провозглашено поддержание и укрепление мира, безопасности и сотрудничества между государствами. Именно под эгидой ООН создана (в 1992) Комиссия по устойчивому развитию, призванная координировать мировые усилия по реализации «Повестки дня на XXI в.»

Отходы – продукты основного производственно-хозяйственного цикла, не используемые на данном уровне научно-технического и социально-экономического развития социума. Концепция устойчивого развития исходит из представлений о минимизации отходов (циклизм деятельности)

Охрана природы – система научных исследований и практических мероприятий, связанная с сохранением исторически сложившегося равновесия естественных экосистем в процессе производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности. УР-стратегия – механизм радикализации деятельности по ОП

П

Палеолит – начальный период каменного века, связанный с возникновением человека, открытием охоты и собирательства, завершившийся неолитом («неолитической революцией»)

Пантеизм – философско-религиозное учение, отождествляющее Бога и Природу; классические его представители XVI–XVII вв. – Дж. Толланд, Дж. Бруно, Б. Спиноза и др.

Панспермия – гипотеза, в соответствии с которой возникновение жизни на Земле связано с переносом первичных биологических элементов с других небесных тел

Парниковый эффект – увеличение концентрации в атмосфере газообразных веществ, преимущественно углекислого газа, в результате технико-антропогенной деятельности, обуславливающее повышение средней температуры на планете. Одно из решений Рио-92 – уменьшение выбросов «парниковых газов»

- Передача технологии** – использование технико-технологических и иных систем, разработанных в развитых странах, в страны «третьего мира»
- Пестициды** – химические вещества, предназначенные для борьбы с вредителями сельскохозяйственного производства; один из факторов загрязнения естественных экосистем
- Платность загрязнения** – платежи за выбросы в атмосферу и сброс в водные объекты загрязняющих веществ, за размещение отходов; взимается от прибыли предприятий и направляется (через экологические фонды) на природоохранные цели
- Платность природопользования** – платежи за пользование природными ресурсами (земля, недра, вода и др.) в сочетании с гибкой налоговой политикой
- Повестка дня на XXI век** – всемирный план действий, принятый Рио-92, стратегия выхода цивилизации на уровень устойчивого развития
- Политеизм** – мировоззрение дохристианского периода, признающее существование божеств (фавн, наяда; в русской мифологии – леший, русалка и др.), охраняющих локальные природные объекты (дерево, водоем и т. п.); первичная форма экофильности
- Политика экологическая** – выбор и реализация оптимальных форм взаимоотношений социума и биосферы, определяемых государственными решениями, законодательными и нормативными актами; предтеча политики устойчивого развития
- Постиндустриальное общество** – философско-социологическая концепция, исходящая из доминанты не столько уровня и масштаба промышленного развития социума, сколько образования, науки, здравоохранения, сферы услуг и др.; современные формы выражения – «компьютерная революция» и «экологическая революция». Социальная форма реализации стратегии УР
- Потребности экологические** – совокупность природных параметров, обеспечивающих гармонические условия существования человека в естественной среде обитания
- «Пределы роста»** – первый доклад **Римскому клубу** (1972), ставший экологическим бестселлером, сформулировавший на основе глобального моделирования тезис, в соответствии с которым сохранение современных тенденций развития приведет мировую цивилизацию на грань «экологического коллапса»; преодоление глобальной экологической катастрофы связывается с идеей «нулевого» или «качественного роста», являющейся предпосылкой представлений об «устойчивом развитии»

- «Предотвращение загрязнения»** – принцип производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности, направленный на предупреждение ее негативных экологических последствий; ср. **«загрязнитель платит»** принцип
- Природа** – **1.** общеполитическая категория, синонимичная понятиям «Вселенная», «Универсум», «Мир»; **2.** совокупность естественных условий существования и развития социума
- Природа вторая** – часть природы («очеловеченная природа»), преобразованная в процессе производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности социума
- Природная среда** – естественная среда обитания человека и социума
- Природоохранные международные организации** – система учреждений, ориентированных на сохранение, рациональное использование и восстановление естественных экосистем в интересах как настоящих, так и будущих поколений; различают правительственные (ЮНЕП, ЮНЕСКО и др.) и неправительственные («Гринпис» и др.) организации
- Природопользование рациональное** – деятельность по использованию природно-ресурсного потенциала, сочетающая эффективность производственно-хозяйственной деятельности с охраной природы
- Природоцентризм** (биосфероцентризм, экоцентризм) – см. **биосфероцентризм**
- Прогноз** – научный анализ возможных футурологических тенденций развития систем различного уровня (от локального до глобального). Прогноз экологический – рассмотрение перспектив динамики социо-природных систем с точки зрения возможных временных изменений элементов отношений «человек–социум–биосфера»
- Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП)** – международная межправительственная организация, созданная решением **Конференции ООН по окружающей среде** (Стокгольм, 1972) с последующим утверждением Генеральной Ассамблеей ООН (1973), которая непосредственно занимается системой проблем охраны природы и рационального природопользования как на локально-региональном, так и глобальном уровнях. Важнейшие из них – изменение мирового климата, сокращение биологического разнообразия, уменьшение масштабов мировых лесов и др. Одна из организаций ООН, реализующая стратегию устойчивого развития, принятую Рио-92
- Пронатализм** – концепции поощрения рождаемости, абсолютизирующая роль демографического фактора в развитии цивилизации
- Производство безотходное** – технологический процесс, организованный таким образом, что отходы одного производства являются сырьем

для смежного производственно-хозяйственного цикла. В соответствии со вторым законом термодинамики безоотходность – идеальная модель производства, не существующая в реальности; следует говорить о «степени безоотходности» производства (или степени его «замкнутости»), когда все большие объемы отходов участвуют в смежных производственно-хозяйственных процессах. Технологическое основание стратегии УР

Противоречие социально-экологическое – несоответствие между относительно неограниченным ростом потребностей социума и сравнительно ограниченными возможностями природно-ресурсного потенциала биосферы. Преодолевается в рамках реализации стратегии устойчивого развития социоприродных систем

Р

Равновесие системы – сохранение устойчивости системы и ее элементов под воздействием внешних сил, уравновешенных внутренними процессами самоорганизации (саморегулирования)

Развивающиеся страны («третий мир») – государства Азии, Африки и Латинской Америки, находящиеся на сравнительно низком уровне экономического развития; для них характерны высокие демографические показатели, низкое «качество жизни» населения, в том числе и ухудшающаяся экологическая ситуация. В конце XXI в. выделились «новые индустриальные страны» – бывшие развивающиеся страны (Южная Корея, Гонконг и др.); выделяются «наименее развитые развивающиеся страны» (преимущественно в Африке)

Развитие – динамика систем и объектов, характеризующаяся направленностью, необратимостью и выходом системы (и объектов) на новый качественный и количественный уровни. Выделяется: **1.** развитие экстенсивное, ориентирующееся на доминанту количественных характеристик (рост объемов производства, масштабов использования природно-ресурсного потенциала и др.); **2.** развитие интенсивное, исходящее из доминанты качественных характеристик (эффективность производства, рациональность использования ресурсов и др.). Современная форма интенсивного развития – «устойчивое развитие»

Развитые страны – государства Западной Европы, США, Канады, Японии и др., занимающие ведущее положение в социально-экономическом развитии современной цивилизации; для них характерны низкие демографические показатели, высокий уровень «качества жизни» населения, стабилизация национальной экологической ситуации. Большинство развитых стран реализует национальные УР-стратегии

Ресурсосберегающие технологии – производственно-хозяйственные процессы, основанные на рациональном использовании природно-ресурсного потенциала (сырья, энергии и т. п.)

Ресурсы природные – элементы окружающей среды, используемые в процессе производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности для удовлетворения потребностей социума. Ресурсы квалифицируют по: **1.** элементам природной среды – ресурсы водные, земельные, минеральные, рекреационные и т. п.; **2.** отраслевой принадлежности – ресурсы топливно-энергетического комплекса, химической промышленности, лесоперерабатывающей промышленности, аграрно-промышленного комплекса и т. п.; **3.** масштабы распространения – от единичных месторождений до глобальных ресурсов (биосфера); **4.** степени исчерпаемости – неистощимые ресурсы (солнечная энергия, общие запасы гидросферы и др.), истощимые ресурсы (полезные ископаемые и др.) и условно истощимые (сельскохозяйственные угодия и др.); **5.** степени используемости – актуальные, резервные и потенциальные природные ресурсы

Рецессия – спад деятельности (финансовой, экономической и др.), а также замедление темпов роста показателей динамики социума

Римский клуб – международная неправительственная организация, основанная в 1968 г. (первый президент А. Печчеи) для изучения «глобальных трудностей» современной цивилизации, организации исследований в сфере общечеловеческих (глобальных) проблем. Иницирует подготовку «докладов», анализирующих наиболее сложные проблемы современности. За 30-летие деятельности подготовлено несколько десятков фундаментальных исследований, оказавших существенное воздействие на мировое научное сообщество. Среди них: «Пределы роста», 1972; «Человечество на перепутье», 1974; «Пересмотр международного порядка», 1976; «Микроэлектроника и общество», 1982; «Африка: за пределами голода», 1989; «Первая глобальная революция», 1991; «Фактор четыре», 1995 и др.). Фундаментально исследует стратегию устойчивого развития

Риск экологический – степень вероятности возникновения деградиционных изменений экосистем в процессе производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности

Рост – динамика объектов и систем различного уровня при доминанте количественных характеристик; ср. **развитие**

«Рыночники» – политическое движение в России, тяготеющее к западной социально-экономической модели развития; современная форма классического «западничества»

С

- Самоорганизация** – процесс воспроизводства или совершенствования структуры сложной динамической системы на основе синергетических закономерностей
- Синергетика** – современное направление научных исследований, основанное на теории самоорганизации систем различного уровня; обосновывается нелинейный и бифуркационный характер развития
- Системный подход** – один из общенаучных (междисциплинарных) научных подходов, адекватный для изучения сложных объектов и их взаимосвязей; разновидность системного подхода – экологический подход
- Славянофильство** – мировоззрение, представители которого (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, Н. Я. Данилевский и др.) абсолютизировали «особый путь» России, связывая его с православием, соборностью, самодержавием; см. «**державники**»
- Смог** – загрязнение атмосферы продуктами неполного сгорания органического топлива в соединении с осадками; выделяют с.: «лондонского» типа – смесь тумана, дымов и токсических выбросов, и «лос-анджеловского» типа – смесь выхлопных автомобильных газов с туманами высокой влажности. Способствует обострению легочных заболеваний, аллергии и др.
- Собирательство** – одна из первых форм хозяйственной деятельности человека, связанная с использованием «даров природы» (дикорастущих плодов, ягод и др.)
- Сознание экологическое** – система представлений, исходящая из **коэволюции** человека и биосферы; предтеча сознания устойчивого типа
- Социальная экология** – наука (или система научного знания), образуемая на «стыке» естествознания, техникзнания и человекознания, ориентированная на выявление общих закономерностей взаимоотношений человека, общества и биосферы; основание теории ноосферы и устойчивого развития
- Социоэкосистема** – динамическая взаимосвязь социальных и природных факторов, составляющих единую саморазвивающуюся систему; ср. **экосистема**; объект устойчивого развития
- Среда обитания** – природные и социокультурные условия существования человека и социума
- Среда окружающая** – условия существования человека, включающие как природные, так и социокультурные факторы, влияющие на качество жизни

Среда природная – природные условия, в которых функционирует человек в процессе жизнедеятельности

Суверенитет государственный – полная независимость национального государства в проведении как внутренней, так и внешней политики. При решении глобальных (общечеловеческих) проблем национальное государство может делегировать принятие ряда решений международным структурам (ООН, ЕС)

Т

Теология экологическая – наука, предлагающая богословскую трактовку взаимоотношений человека и биосферы.

Техника – совокупность механизмов и машин, а также систем управления, создаваемых человеком; часть техносферы

Техницизм – мировоззрение, абсолютизирующее статус научно-технического развития в динамике цивилизации; синоним – сциентизм

Технология безотходная; см. **производство безотходное**

Техносфера – часть глобальной экосистемы (биосферы), преобразованной под воздействием деятельности техногенного характера

Тотемизм – один из элементов архаичного мышления, связывающих человека с определенными видами как одушевленной, так и неодушевленной природы

У

Урбанизация – рост городов как форма индустриализации; «псевдоурбанизация» – рост городов, преимущественно в странах «третьего мира», связанный не с масштабами урбанизации, а с вытеснением сельского населения в городские структуры с низким «качеством жизни»

Устойчивое природопользование – принцип деятельности, в соответствии с которым использование природно-ресурсного потенциала должно исходить из уровня потребления, не ведущего к истощению источника природопользования, обеспечивающего потребности не только современных, но и последующих поколений

Устойчивое развитие – понятие, утвержденное в рамках Рио-92, обозначающее такой тип экономического роста, при котором обеспечивается удовлетворение материальных и духовных потребностей как настоящих, так и будущих поколений без нарушения исторически сложившихся экосистем

Устойчивость – способность системы любого уровня противостоять внешним воздействиям

Устойчивость экосистемы – способность природных структур, преодолевая внешние воздействия, возвращаться в первоначальное состояние

«**Утечка умов**» («утечка мозгов») – перемещение ученых для проведения научной деятельности из одних стран в другие, преимущественно из развивающихся в развитые страны

Ф

ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН) – создана в 1945 г. для содействия информационной и практической деятельности в области продовольственного обеспечения, как правило, развивающихся стран; с 1990-х годов связывает решение мировой продовольственной проблемы с феноменом **устойчивое развитие**

Философия экологическая – наука (или направление в философии), выявляющая и изучающая новые тенденции в мировой философии, связанные с осмыслением динамики отношения «человек–природа»; основные проблемы: философия взаимоотношений человека и природы, сущность экологического сознания, тенденция «экологизации» науки, экологические перспективы цивилизации. Одна из теоретических основ концепции устойчивого развития

Финитивизм (финализм) – мировоззрение, отрицающее реальность бесконечного пространственно-временного развития цивилизации; альтернативы – концепции ноосферы и устойчивого развития

Х

Хозяйственно-культурный тип – специфика соединения производственно-хозяйственных навыков, национальной ментальности и природных особенностей

Ц

Цивилизация – определенный уровень материального и духовного развития социума; в предельно обобщенном виде мировая цивилизация подразделяется на западный и восточный типы. Цивилизация – материальная форма культуры (О. Шпенглер, Н. Бердяев)

Циклизм – теория, в соответствии с которой смена цивилизаций носит повторяющийся характер, проходя определенные стадии (от возникновения к расцвету, деградации и гибели). Исторический

циклизм (Н. Данилевский, О. Шпенглер и др.); экономический циклизм (Н. Кондратьев и др.). Альтернатива – теория всемирно-исторического развития, в соответствии с которой цивилизация развивается, преимущественно, по восходящей (К. Маркс, В. Вернадский и др.).

Ч

«**Человечество на перепутье**» – второй доклад Римскому клубу (1974) как попытка построения дифференциальной математической модели мирового развития; в соответствии с ней «экологический коллапс» должен произойти в регионах «третьего мира» в конце XXI в. Ср. «**Пределы роста**»

Э

Экологизация деятельности – переориентация традиционных производственно-хозяйственных и социокультурных структур в соответствии с современными природоохранными требованиями, см. **производство безотходное, экологизация науки**

Экологизация науки – тенденция проникновения биосферных представлений в систему естествознания, техникознания и человекознания. Это выражается в формировании в рамках традиционных наук ее экологических направлений, позднее приобретающих статус самостоятельных дисциплин: в естествознании – экологическая физика, химическая экология и др.; в техникознании – инженерная экология, экотехника и др.; в человекознании – экологическая психология, социология экологии и др.

Экологизм – мировоззрение, исходящее из доминанты природоохранных ценностей по отношению к другим целевым установкам как индивидуума, так и цивилизации в целом; ср. **экономизм**

Экологическая культура – совокупность духовных и материальных ценностей, созданных и создаваемых в процессе развития цивилизации, ориентируемых не только на удовлетворение всесторонних потребностей человека, но и на гармонизацию взаимоотношений человека, общества и биосферы; в ее основе преодоление антропоцентризма природоцентризмом (биосфероцентризмом)

«**Экологическая революция**» – этап научно-технической революции, связанный с осмыслением и реализацией природоохранных стереотипов развития; взаимосвязана с «компьютерной революцией»; предпосылка устойчивого развития

Экологическая система (экосистема) – функциональная основная единица в экологии (ср. **биогеоценоз**), включающая совместно

функционирующие организмы (биота) и элементы физической среды (абиотические факторы); планетарная экосистема – биосфера. Выделяют три уровня их состояния: **1.** неблагоприятное состояние экосистем – существенное отклонение их параметров от стандартных характеристик (нарушение продуктивности, сокращение биологического разнообразия и др.); **2.** кризисное состояние – нарушение равновесия экосистемных параметров, при сохранении которого система необратимо переходит на другой уровень развития; **3.** бедственное состояние – сравнительно необратимые деградационные изменения экосистемы (резкое сокращение биологического разнообразия, утрата замкнутости биологических циклов и др.)

Экологическая этика – ответственность человека по отношению ко всему живому, «благоговение перед жизнью» (А. Швейцер)

Экологический кризис – нарушение устойчивости значительной части глобальной экосистемы (биосферы) как результат превышения порога емкости биосферы, ведущее к нарушению естественных характеристик окружающей природной среды

«**Экологическое общество**» – социологическая концепция 70–80-х годов XX в., отвергающая исторически сложившиеся формы социально-экономического развития (и «капитализм», и «социализм») за их экономизм; в ее рамках шел поиск «третьего пути», основанного на децентрализации, отказе от частной собственности и др., ведущего к гармонии человека и среды его обитания. Социокультурная предпосылка стратегии УР

Экологическое равновесие – состояние экосистемы, при котором поддерживается постоянный состав ее структурных элементов, продуктивность, баланс основных циклов (по воде, углероду, кислороду и др.)

Экологическое развитие (экоразвитие) – динамика экосистем различного уровня, обеспечивающая сохранение их исторически сложившегося равновесия; предпосылка устойчивого развития

Экология – наука, изучающая закономерности взаимоотношений живых объектов как между собой, так и с окружающей природной средой. Выделяется: **1.** биологическая (общая) экология, изучающая взаимоотношения живых организмов, за исключением человека; **2.** экология человека, рассматривающая медико-биологические аспекты взаимоотношений человека, преимущественно как биологического существа, со средой его обитания; **3.** глобальная экология, изучающая взаимоотношения человека и биосферы на популяционном уровне (тенденции климатических изменений, «парниковый эффект» и др.);

4. социальная экология – выявление и изучение наиболее общих закономерностей отношения «человек–общество–биосфера», реализация которых призвана обеспечить выход цивилизации на уровень устойчивого развития

Экономизм – мировоззрение, основанное на приоритете экономических критериев в оценке эффективности функционирования систем различного уровня (ср. **экологизм**);

Экофильность – мировоззрение, исходящее из представлений о единстве человека и природы

Экофобность – мировоззрение, опирающееся на представления о противопоставлении человека и природы

Экуменизм – движение за объединение христианских церквей, возникшее в начале XX в., и усиливавшееся в его второй половине, в частности, в связи с осмыслением новой роли религии в решении экологических проблем современности

Энергетика альтернативная – формы энергетического обеспечения цивилизации (гелиоэнергетика, энергия ветра и т. п.), непосредственно не связанные с загрязнением природной среды

Энтропия – мера необратимого рассеяния энергии в соответствии со вторым законом термодинамики; экосистема любого уровня характеризуется величиной негэнтропии – мерой удаленности от энергетического равновесия. Естественные экосистемы, сохранившие саморегуляцию, способны к установлению оптимума между энтропийными и негэнтропийными процессами

Этатизм – теория, абсолютизирующая роль государства в динамике социокультурного развития цивилизации; неэтатизм – абсолютизация роли современного государства в разрешении глобальных противоречий, в том числе и экологического характера

Ю

ЮНЕП – см. **Программа ООН по окружающей среде**

ЮНЕСКО – специализованное учреждение ООН по вопросам образования, науки и культуры, созданное в 1946 г.; с 1970-х годов активно занимается системой мировых экологических проблем

Я

«Ядерная зима» («ядерная ночь») – результат компьютерного моделирования середины 1980-х годов потенциального обмена ядерными ударами между сверхдержавами; модель показала, что экранирование

поверхности планеты отходами продуктов сгорания приведет к резкому глобальному похолоданию, последующей экологической катастрофе и самоуничтожению человечества. Идеологическая предпосылка последующего детанта

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аксаков Константин Сергеевич (1817–1860) – с братом И. С. Аксаковым являлся одним из идеологов «раннего славянофильства»; вместе с И. В. Киреевским и А. С. Хомяковым обосновывали соборность русского национального характера, его общечеловечность и «христианскую гуманность», что лежит в основании современных экофильных воззрений в России. Осн. соч.: Нравы и обычаи древних славян вообще и русских славян в частности, 1852.

Б

Бердяев Николай Александрович (1874–1948) – русский мыслитель, высланный из страны на «философском пароходе» (1922), много писавший о предназначении России, стремившийся выявить особенности национального характера. Осн. соч.: Философия свободы, 1911; Смысл творчества, 1916; Философия неравенства, 1923; Новое Средневековье, 1924 и др.

Бэкон Френсис (1561–1626) – английский философ, основатель эмпирического направления в философии (и в науке) Нового времени, провозгласившего целью знания способность науки увеличивать «господство человека над природой» (ср. **Декарт**); тем самым были заложены научные предпосылки тенденции противопоставления человека и природы в западном научном (и философском) сознании. Осн. соч.: Новый Органон, 1620; Новая Атлантида (1617).

Бюффон Жорж (1707–1788) – французский естествоиспытатель, обосновывающий тезис о единстве развития органического мира, об изменчивости видов под воздействием условий внешней среды (ср.: **К. Линней**). Осн. соч.: Естественная история. – Т. 1–36, 1749–1788.

В

Вавилов Николай Иванович (1887–1943) – академик АН СССР, один из крупнейших русских (советских) селекционеров; особенное внимание уделял сохранению генофонда планеты.

Вернадский Владимир Иванович (1863–1945) – академик АН СССР, энциклопедист; его труды на «стыке» геологических, биологических и философских наук; основоположник современных представлений о взаимоотношениях между человеком (социумом) и биосферой

(учение о биосфере, теория ноосферы). Осн. соч.: Основы кристаллографии, 1904; Биосфера, 1926; Биогеохимические очерки, 1940; Несколько слов о ноосфере, 1944; Химическое строение биосферы Земли и ее окружения, 1965; Размышления натуралиста, 1975.

Воейков Александр Иванович (1842–1916) – русский географ, исследовавший взаимосвязь климата с другими условиями окружающей среды; основоположник российской климатологии. Осн. соч.: Климаты земного шара, в особенности России, 1884.

Вольтерра Вито (1860–1940) – итальянский математик, один из основателей математического моделирования биологических систем типа «хищник-жертва».

Г

Геккель Эрнст (1834–1919) – немецкий биолог-дарвинист, впервые использовавший термин «экология» для обозначения новой биологической дисциплины, как «общей науки об отношениях организмов с окружающей средой». Осн. соч.: Общая морфология организмов, 1866; Мировые загадки, 1899.

Гоббс Томас (1588–1679) – английский философ, систематизирующий учение **Бэкона**, положенное в основу тенденции противопоставления человека и природы в западном научном (и философском) сознании. Осн. соч.: Левиафан, 1651.

Гумбольдт Александр (1769–1859) – немецкий естествоиспытатель, один из основателей современной географии как науки. Осн. соч.: Картины природы, 1808; Космос. – Т. 1–5, 1845–59.

Д

Дана Джеймс (1813–1895) – американский ученый-геолог, сформулировавший «принцип цефализации», связывающий эволюцию человека с неуклонным развитием головного мозга.

Данилевский Николай Яковлевич (1822–1885) – русский социолог, представитель «позднего славянофильства» («панславянофильства»); абсолютизировал противопоставление «западного» и «русского» пути развития. Осн. соч.: Россия и Европа, 1869.

Данилов-Данильян Виктор Иванович (р. 1938) – член-корреспондент РАН. Один из основателей отечественных разработок в области теории и практики устойчивого развития. Осн. соч.: Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке. – М., 2002 (в соавторстве с А. Г. Гранбергом, М. М. Цикановым и др.); Перед главным

вызовом цивилизации: взгляд из России. – М., 2005 (в соавторстве с К. С. Лосевым и И. Е. Рейфом).

Дарвин Чарльз (1809–1882) – английский естествоиспытатель, основоположник эволюционной теории, в соответствии с которой развитие биологических видов, в том числе и человека, осуществляется в процессе естественного отбора (ср. **Кювье**). Осн. соч.: Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь, 1859; Происхождение человека и половой отбор, 1871.

Декарт Рене (1596–1650) – французский философ, обосновавший на основе рационализма дуализм (противоположность) души и тела; наука рассматривалась им как способ «господства» человека над природой (ср. эмпирический подход **Бэкона**). Осн. соч.: Рассуждение о методе, 1637; Начала философии, 1644.

Докучаев Василий Васильевич (1846–1903) – русский естествоиспытатель, основатель учения о почве как естественноисторическом теле, обладающем свойствами как живой, так и неживой природы. Осн. соч.: Русский чернозем, 1883; Наши степи прежде и теперь, 1892.

3

Зюсс Эдуард (1831–1914) – австрийский ученый-геолог, введший в научный оборот термин «биосфера». Осн. соч.: Лик Земли. – Т. 1–3, 1883–1909.

К

Киреевский Иван Васильевич (1806–56) – русский философ, один из основателей раннего (классического) славянофильства (см. **Аксаков**). Осн. соч.: О характере европейского просвещения в его отношении к просвещению России, 1852.

Коммонер Барри (р. 1917) – современный американский биолог, один из лидеров мирового экологического движения середины XX в.; сформулировал четыре «закона экологии». Осн. соч.: Замыкающийся круг, 1974 (рус. яз.).

Коптиог Валентин Афанасьевич (1931–1997) – академик РАН, один из первых отечественных теоретиков и сторонников стратегии устойчивого развития. Осн. соч.: Конференция ООН по окружающей среде и развитию. Информационный обзор. Новосибирск, 1992; Возможна ли разработка стратегии устойчивого развития России в настоящее время? // Наука на грани тысячелетий. – Вып. 1. – Новосибирск, 1997.

Кювье Жорж (1769–1832) – французский зоолог, в отличие от **Дарвина** изменчивость видов трактовал не в рамках эволюционного подхода, а на основе теории катастроф; в соответствии с этой теорией развитие видов объясняется геологическими переворотами, в результате которых возникали новые формы живых организмов. Осн. соч.: Рассуждение о переворотах на поверхности земного шара и об изменениях, которые они произвели в животном царстве, 1830.

Л

Лайель Чарльз (1797–1875) – английский геолог, в противовес теории катастроф **Кювье**, опирался на эволюционный (дарвиновский) подход при оценке факторов изменений природной среды. Осн. соч.: Основы геологии. – Т. 1–3, 1830–1833.

Ламарк Жан (1744–1829) – французский естествоиспытатель-эволюционист, непосредственный предшественник дарвинизма; ввел в научный оборот термин «биология». Осн. соч.: Гидрология, или Исследования о влиянии вод на поверхность земного шара, о причинах существования морского бассейна, о его перемещении и последовательном передвижении по различным пунктам земной поверхности и, наконец, об изменениях природы и состояниях этой поверхности, производимых живыми телами, 1802.

Ле Руа Эдуард (1870–1954) – французский ученый, ввел в научное обращение (совместно с **Тейяром** и **Вернадским**) термин «ноосфера».

Линней Карл (1707–1778) – шведский естествоиспытатель, создатель современной системы растительного и животного мира. Осн. соч.: Системы природы, 1735; Философия ботаники, 1751.

Лосев Ким Семенович (р. 1931) – д-р географ. наук, специалист в области теории устойчивого развития. Осн. соч.: Экологический вызов и устойчивое развитие. – М., 2000 (соавтор В. И. Данилов-Данильян); Мифы и заблуждения в экологии. – М., 2011.

Лукреций (I в. до н. э.) – античный (римский) поэт и философ, одним из первых сформулировавший тезис об «исчерпаемости» природных ресурсов матери-Земли. Осн. соч.: О природе вещей.

Ляпунов Александр Андреевич (1911–1973) – академик АН СССР, один из основателей математического моделирования различных систем, в том числе и экологических.

М

Мальтус Томас (1766–1834) – английский экономист и священник, выявивший «закон несоответствия» между ростом мирового населения

и природными возможностями удовлетворения его потребностей; идеологи Римского клуба считают его своим предтечей. Осн. соч.: Опыт закона о народонаселении, 1798.

Марш Джордж (1801–1882) – американский ученый, один из первых в Новом Свете выявил тенденцию все усиливающегося «воздействия человека на природу». Осн. соч.: Человек и природа, или О влиянии человека на изменение физико-географических условий природы, 1863.

Матросов Владимир Мефодьевич (1932–2011) – академик РАН, специалист в области процессов управления, включая теорию устойчивого развития социума. Осн. соч.: Устойчивое развитие цивилизации и место в ней России: проблемы формирования национальной стратегии. – М., 1996 (в соавт.); Новая парадигма развития России. – М., 1999 (в соавт.).

Мечников Лев Ильич (1838–1888) – русский социолог, изучавший роль географической среды в истории становления и развития цивилизации. Осн. соч.: Цивилизация и великие исторические реки, Географическая теория развития современных обществ, 1889 (фр.), 1898 (рус.).

Моисеев Никита Николаевич (1917–2000) – академик РАН, один из основателей современной отечественной экологии, моделирования биосферы, в том числе и модели «ядерная зима». Осн. соч.: Человек, среда, общество, 1982; Экология и человечество глазами математика, 1988; Человек и ноосфера, 1990.

О

Опарин Александр Иванович (1894–1980) – академик АН СССР, один из основателей эволюционной теории возникновения жизни на Земле. Осн. соч.: Происхождение жизни, 1924.

П

Пастер Луи (1822–1895) – французский микробиолог, опроверг теорию «самозарождения жизни».

Р

Реди Франческо (1626–1697) – итальянский натуралист эпохи Возрождения, сформулировавший принцип «живое из живого», лежащий в основе теории «вечности жизни».

- Реймерс Николай Федорович** (1928–1993) – русский (советский) биолог, один из современных систематизаторов экологического знания. Осн. соч.: Природопользование, 1990; Надежды на выживание человечества Концептуальная экология, 1992.
- Реклю Элизе** (1830–1905) – французский географ и социолог, представитель эволюционного подхода в развитии природы и общества. Осн. соч.: Земля и люди. Всеобщая география. – Т. 1–19, 1876–1894.
- Рулье Карл Францевич** (1814–1858) – российский биолог, один из основателей отечественной научной школы зоологов-эволюционистов; выявил причинную связь между эволюцией живых форм и изменениями среды их обитания.
- Руссо Жан Жак** (1712–1778) – французский мыслитель рассматривал исторический процесс как «регресс» – продвижение от «естественного состояния» человечества к «цивилизационному». Осн. соч.: Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства среди людей, 1755; Об общественном договоре, 1762.

С

- Северцов Николай Александрович** (1827–1885) – русский зоогеограф, один из основателей отечественной биологической (классической) экологии.
- Соловьев Владимир Сергеевич** (1853–1900) – русский философ, разрабатывающий теорию «всеединства» как «совершенного синтеза» эмпирического (научного), рационального (философского) и иррационального (мистического) знания. Осн. соч.: История и будущность теократии, 1885–1887; Россия и вселенская церковь, 1889.
- Сукачев Владимир Николаевич** (1880–1967) – академик АН СССР, один из основателей биогеоценологии, создатель отечественной школы геоботаников

Т

- Тейяр де Шарден Пьер** (1881–1955) – французский теолог и палеонтолог, представитель «христианского эволюционизма»; один из авторов термина «ноосфера». Осн. соч.: Феномен человека, 1955.
- Тойнби Арнольд** (1889–1975) – английский историк, развивавший идею **Шпенглера** о «цикличности» мировой истории. Осн. соч.: Исследование истории. – Т. 1–12, 1934–1961.
- Торо Генри** (1817–1862) – американский натуралист, один из идеологов природоохранного движения в Новом свете. Осн. соч.: Уолден, или Жизнь в лесу, 1854.

У

- Уайт Линн** – американский медиевист, обосновавший тезис об экофобности христианства как религиозно-культурологической основы конфликта в системе «человек–биосфера» в условиях западной цивилизации. Осн. соч.: Религиозные истоки экологического кризиса.
- Умов Александр Николаевич** (1846–1915) – русский физик-теоретик, представитель естественнонаучного направления (вместе с **Вернадским**, **Циолковским** и др.) «русского космизма».
- Урсул Аркадий Дмитриевич** (р. 1936) – д-р филос. наук, директор Центра исследований глобальных процессов и устойчивого развития РГТЭУ, один из первых отечественных исследователей-теоретиков УР-стратегии. Осн. соч.: Переход России к устойчивому развитию. – М., 1998; Глобализация и переход к устойчивому развитию. – М., 2003 (в соавт.); Политика устойчивого развития и государственно-правовой процесс. – М., 2010.

Ф

- Федоров Николай Федорович** (1828–1903) – русский религиозный мыслитель, представитель философского направления (вместе с **Соловьевым**, **Флоренским** и др.) космизма; обосновывал гипотезу «воскрешения мертвых» как способа реализации тенденции к «космической экспансии» человечества. Осн. соч.: Философия общего дела, 1906.
- Ферсман Александр Евгеньевич** (1883–1945) – академик АН СССР, один из основателей отечественной геохимии; ученик **В. И. Вернадского**. Осн соч.: Геохимия. – Т. 1–4, 1933–1939.
- Флоренский Павел Александрович** (1882–1937?) – русский мыслитель, представитель философского направления космизма. Осн. соч.: Столп и утверждение истины, 1914.
- Франциск Ассизский** (1182–1226) – итальянский проповедник; считается одним из первых «религиозных экологов».
- Фролов Иван Тимофеевич** (1929–2000) – академик РАН, один из основателей философии глобальных проблем современности. Осн. соч.: Генетика и диалектика, 1968; Перспективы человека, 1979; О человеке и гуманизме, 1989.
- Фромм Эрих** (1900–1980) – нем.-амер. психолог, один из лидеров неофрейдизма; подчеркивал экофобность (потребительство, отчужденность и т. п.) цивилизации западного типа. Осн. соч.: Человек как он есть, 1947; Революция надежды, 1968.

Х

Холодный Николай Григорьевич (1882–1953) – академик АН УССР, ученик **В. И. Вернадского**. Осн. соч.: Мысли дарвиниста о природе и человеке, 1944.

Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) – один из основоположников классического (раннего) славянофильства. Осн. соч.: О старом и новом, 1839; Несколько слов православного христианина о западных верованиях, 1853.

Ц

Циолковский Константин Эдуардович (1857–1935) – русский мыслитель, рассматривающий выход человека в космос, как объективный процесс развития мировой цивилизации, один из способов смягчения биосферной напряженности. Осн. соч.: Грезы о земле и небе, 1895; Общественная организация человечества, 1928.

Ч

Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856) – один из первых представителей русского классического (раннего) западничества. Осн. соч.: Философические письма (письмо первое, 1836) и др.

Чижевский Александр Леонидович (1897–1964) – русский (советский) биолог, один из основателей гелиобиологии; выявил взаимосвязь между циклами солнечной активности и социально-экономическими процессами в биосфере. Осн. соч.: Космический пульс жизни, 1995.

Ш

Швейцер Альберт (1875–1965) – нем.-франц. философ, отстаивающий идею «благоговения перед жизнью», которая трактуется как путь реализации экологических идеалов цивилизации. Осн. соч.: Упадок и возрождение культуры, 1923; Философия движения в защиту животных, 1950.

Шмальгаузен Иван Иванович (1884–1963) – академик АН СССР; биолог-эволюционист, один из основателей биокибернетической концепции биосферы. Осн. соч.: Пути и закономерности эволюционного процесса, 1940; Кибернетические вопросы биологии, 1968.

Шпенглер Освальд (1880–1936) – немецкий теоретик культуры, развивавший в условиях первой половины XX в. идею «цикличности» цивилизационного процесса (ср. **Данилевский**), «заката» цивилизации западного типа. Осн. соч.: Закат Европы. – Т. 1–2, 1918–22.

Э

Эллиоль Жак (1912–1994) – один из основателей западной «философии техники»; техника рассматривается не только как технологический, но и как социокультурный феномен. Осн. соч.: Технологическое общество, 1965.

Эмерсон Ральф (1803–1882) – американский философ-гуманист, стремящийся «снять» рациональную направленность западного типа культуры. Осн. соч.: Природа, 1836; Представители человечества, 1850.

Я

Яншин Александр Леонидович (1911–1999) – академик РАН; один из лидеров официального (академического) экологического движения 70–90-х годов XXв. Инициатор отмены реализации «проекта века» – переброски части стока северных рек в южные регионы. Сфера научных интересов связана с развитием идей **Вернадского**.

Учебное издание

В. А. Лось, А. Я. Касюк

**ПОЛИТИКА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
МЕХАНИЗМЫ УПРАВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ**

Учебное пособие

Редактор:
С. В. Крусман

Компьютерная верстка Г. П. Лопатиной

Дизайн обложки А. Г. Проскуракова

Подписано в печать 03.12.2012 г.
Объем 14,1 п.л. Формат 60х90/16 Тираж 100 экз.
Заказ № 1030

ФГБОУ ВПО МГЛУ

Адрес редакции:
Москва, Остоженка, 38

Тел.: 8(499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru